Литературный перекрёсток

10 2017 год

Татьяна Шипошина 136

Виктор Кротов 139

Виктор Черняк 108

Кира Краснова 34

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ

альманах

Литературный перекресток 10

МОСКВА 2017

УДК 821.161.1=8
ББК 84(2=411.2)6
Л 64

Литературный перекресток. № 10, 2017: альманах,
Московский союз литераторов. — М.: — 2017. — С. 170.

Дизайн обложки:
Александр Астрин

Для писем: 125009, Москва
Б. Дмитровка, 5/6, строение 8,
Московский союз литераторов.
Тел.: 8(495)692-06-03
Электронная почта: litcross@aport.ru

Рукописи присланные в редакцию, не рецензируются и авторам не возвращаются

© Коллектив автор, текст, 2017
© Александр Астрин, обложка, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Лариса Адлина 5

ПРОЗА

Надежда Днепровская. Почём картина... 8
Елена Дулгар. Своя пара 15
Игорь Кецельман.Ночь в аэропорту 25
Кира Краснова. Бега 34
Екатерина Курочкина. Не заглядывай им в глаза 40
Ева Меркачева. Путешествие в сказочную Иорданию 44
Виктор Молчанов. Чья вина? 53
Лидия Панина. Отблеск янтарного солнца 61
Геннадий Панфилов. Необычный день 65
Григорий Рахутин. Семь шагов к голгофе 72
Михаил Стародуб. Сказки о любви 82
Андрей Телегин. Какой фонарь... 88
Михаил Филиппов. Жили-были дед да баба 91
Константин Хапилин. Защитная реакция 101
Виктор Черняк. Рассказы из цикла
«Московские пятиэтажки» 108

ФРАЗЫ И ФРАЗОЧКИ

Юрий Климов 123
Радвали Реваз 125

ДЕТСКАЯ СТРАНИЦА

Татьяна Корина. Красавица 128
Татьяна Михайловская. Прятки 135
Татьяна Шипошина. Котяра 136
Татьяна Шипошина. Вдруг захочешь? 137
Татьяна Шипошина. Хобби 138
Виктор Кротов. Новые сказки-крошки: о червячке Игнатии и его размышлениях 139
Мария Романушко. Срочная телеграмма 144
Маша Ши. Счастье 146

ДЕБЮТ

Витас Жиглис. Стихи 151
Екатерина Зенкова. Мыс Фиолент 152
Валентина Литвинова. Царская любовь 154
Алексей Трофимов. Торговать временем 159
Маша Ши. Лето 161
Маша Ши. Что-то 165
Григорий Эпштейн. Стихи 168

Главный редактор
Надежда Днепровская

Координатор
Джангули Гвилава

Редакционная коллегия:
Жанна Голубицкая *(Заместитель главного редактора),* **Лариса Адлина, Виктор Черняк, Михаил Стародуб, Татьяна Шипошина**

Лариса Адлина

Эхо родной стороны

Если проехать, проплыть полпланеты,
Свято надеясь — дороги легки,
Можно увидеть другие рассветы,
Мягкий песок неизвестной реки.

Склон апельсиновый, остров туманный,
Белые скалы с вулканом вдали,
Дальних широт водопад неустанный,
Тайны иных параллелей земли.

Только возникнут нежданной помехой,
Там, где свои берега не видны,
Песни мотив и
желанье чтоб эхо
Вдруг отозвалось с родной стороны.

Если лететь на другие планеты, —
Будут землянам пути не страшны,
Зная, что мчится со скоростью света
Верное эхо родной стороны.

2015

Февраль и март

Пусть ещё шумит безбрежный,
Вьюжный, ветреный февраль,
А проглянет солнце нежно —
Тает снежная печаль.

Чуть лучи пригреют томно
Крыши и следы пурги,
На земле и небе словно
Марта слышатся шаги.

Он ладонью тёплой гладит
Непоседливый февраль,
Нашу грусть — улыбки ради,
Речки лёд, сугробов даль…

Тает снежная печаль.

24 января 2016

Латинский парик

Латинский сор — забавы ради,
В наш говор порчею проник,
Стал выглядеть, как встарь, в наряде
Чужим был пудреный парик.

Не лучше было б для Отчизны
Убрать крутые латинизмы?
Взять за косицу парика
И снять с родного языка…

2014

Вечер с Данте

Тосканец мудрый, горестью объятый,
Ты, приподнявший вечной тьмы покров.
Генри Лонгфелло

Флоренции дворцы и фрески
Блестят в безветренности дня,
Для глаз восторженных храня
Былых талантов отблеск дерзкий.

Под солнцем купол Брунеллески
В лучах июльского огня.
Напевом тайным чуть звеня,
Речной волны тревожат всплески.

Как только отгорят закаты,
Здесь из мерцания миров
Сам Данте, рифмами объятый,

Грустит в затишье вечеров.
И слышатся терцин раскаты
Сквозь тонкий вечности покров.

2016

Надежда Днепровская

ПОЧЁМ КАРТИНА…

В субботу к шести утра за ней приехал Дима. Они договорились, что он будет привозить Машу с её картинами на Вернисаж, но только очень рано.

— Ты же понимаешь, я на работу.

Маша была счастлива. Во-первых, не надо таскать тяжести, во— вторых по дороге можно поспать ещё, а в третьих… Дима начинал ей нравиться.

Почему он начал за ней ухаживать, Маша не понимала: всегда считала себя серой мышкой. И как-то прямо спросила его об этом. Он усмехнулся и ответил так же прямо:

— Ты не похожа на других художников. Ты… простая.

— Как это, дурочка что ли?

— Что ты! Тут много всяких встречается, часто просто злые. Обычно все такие надутые, смотрят на тебя как на вошь.

Маша тоже заметила, что очень многие художники презрительно относятся и к собратьям, и к покупателям. Другие художники наоборот, имели жалкий вид, заискивающе улыбались и снижали цену по первому требованию.

Импозантный художник в сапогах и косоворотке стоял недалеко от неё. Она спросила его, почему на нём такая одежда.

— Иностранцы внимание обращают, глядишь, и купят картинку — снисходительно ответил он. Его лубочные работы изображали «обычаи» русского народа. Красноносые мужики с бутылками, бабы торгующие семечками, балалайки, медведи…

На продажу Маша везла трёх «Чубайсов» и «Ваучера». Эти картины хорошо продавались. Конечно, она не копировала эти работы, каждый новый «Чубайс», был разной степени разбойности и наглости, а рыжий цвет варьировался от красного до лимонного. Маше не хотелось превращаться в машину по производству картинок. С собой у неё были и другие картины, их с удовольствием рассматривали, но никогда не покупали.

И ещё… была большая проблема: она не знала, как определить цену картине, если только следовать принципу курицы — «очень деньги нужны», то есть столько, чтобы хоть на неделю хватило.

Маша спрашивала у знакомых художников, как ставить цену. Ответы были очень разные.

— Дорогая картина не может быть в дешевой, облезлой рамке!— гордо сказал молодой художник, продающий копии голландских натюрмортов в золоченых рамах. Увы…Маша сама делала рамки. Покупала дешевый двухметровый багет, и пилила под углом сорок пять градусов, для этого выпросила у знакомого плотника специальный инструмент, стусло. Но, когда склеивала, как ни старалась, всё равно оставались щели. Её рамки выглядели довольно убого.

В багетной мастерской некоторые рамки стоили столько же, сколько её картины, то есть в такой рамке картина должна быть дороже в два раза.

Старенький художник в замызганном плащике продавал маленькие пейзажики на картонках, без всяких рамок и очень дёшево. Она и к нему приставала с вопросом о цене картины.

— Картина не имеет цены. На неё нельзя поставить ценник. Её купит человек, которому она действительно нужна. За любую цену. А пока у неё нет хозяина, она сто́ит столько, сколько дадут. И не цепляйся за свои картины, просто рисуй больше. Твоё мастерство будет расти. Для кого ты рисуешь? Для людей? Вот и отдавай, не жалей.

А всё равно жалко. Над «Столовой Отрыжкой» она трудилась почти месяц, добиваясь чувства сытой обречённости.

Они уже подъезжали к Измайлово, когда она спросила Диму:

— Как художники ставят цену на картину?

— Привет! Что ты меня спрашиваешь — я не художник! Могу только догадываться.

Например, если художнику нечего есть, то даже прекрасная картина, на которую мастер потратил несколько месяцев, может стоить гроши. Лишь бы было на что купить хлеба.

Или мазня, откровенная халтура — но художник оплатил критику, снял дорогой выставочный зал, пустил рекламный ролик на телевидении, отправил красивые пригласительные билеты гламурной публике… вот и всё. Его картины дороги, его покупают, его знают. Чтобы дорого продавать картины, мало умения и таланта, надо вложиться. Картины — товар, нужна реклама и упаковка. А как же покупать неизвестно кого? Засмеют. Вот картины Вокушевского по телевизору показывали, и банкир Осинский недавно купил несколько… ведь известный художник. Не знаю, правда, почём. Давай, вылезай, я отнесу твои сумки!

Маша так и не решила для себя, какая цена на её картины будет справедливой.

То, что она повторяла — отдавала по дешёвке, но были и картины, которые создавались несколько месяцев. Их она вообще не хотела продавать, тем более, за копейки.

После полудня к ней подошел Дима с полной дамой, лет сорока, на высоких каблуках, в розовых леггинсах, в полупрозрачной сиреневой маечке.

— Это моя двоюродная сестра, Люся, у неё есть своя галерея — представил он даму.

Люся перестала улыбаться и с презрительной миной стала рассматривать картины.

— Не нравятся? — заволновалась Маша.

— Неплохо, — снисходительно ответила Люся — Сможешь расписать стенку в спальне такими котиками?

— Конечно, сможет, — ответил за неё Дима, — цена, как договорились, пятьсот рублей за метр. Маша молча наблюдала за сделкой, понимая, что Дима только что привёл ей клиента.

— Хорошо, хорошо! Вот задаток — две тысячи, на краски. Вот ключи и адрес. Квартира после ремонта, там и мебели почти нет. А сколько времени вам понадобится на работу?

— Маша задумалась, но и тут Дима пришел на помощь.

— Недели две!

И, обняв Люсю за плечи, увел её к янтарной лавке.

Маша смотрела им вслед и лихорадочно думала, как это: отдать ключи незнакомому человеку, дать денег на краски и вообще, как расписывать стену… Она никогда в жизни ничем подобным не занималась. Хотя образы лёгких, как облачка котиков замелькали в её воображении.

Дима вернулся, когда уже начало темнеть. День был не слишком удачный, «ушёл» один «Чубайс».

— Давай, собирайся, поедем, покажу тебе квартиру.

— Дим, почему ты не спросил меня ни о чём? Может, я не умею, или не хочу расписывать стенку?

— Во-первых, ты хочешь заработать, во-вторых, Люсю могли переманить другие художники. Всё надо делать быстро, это бизнес! Или ты отказываешься?

— Что ты, нет, конечно! Но я никогда не рисовала на стенах.

— Да, ты никогда не рисовала на стенах и не жила в чужих квартирах.

— Как это? Я что, там жить должна?

— Не должна, но ты посмотрела на адрес? Это Химки. Туда два часа и обратно. Тебе это надо? Ладно, сегодня ты едешь домой, завтра закупаешь краски, а в понедельник я тебя отвезу.

Никогда ещё ею так никто не командовал кроме мамы. Немного раздражало то, что Дима всё за неё решил, но ведь ничего плохого не случилось. Наоборот, неожиданный заказ…

Деньги, как обычно, Маша отдала маме, с удовольствием видя её радость. Мама даже обняла её.

— Кормилица моя!

Маме нравилось считать деньги, держать их в руках. Она не была жадной, наверное, просто чувствовала себя защищённой.

Бело-розовая стена

В понедельник, Дима привез Машу в квартиру Люси. Девятиэтажный кирпичный дом, кооператив КБ «Энергомаш».

Это была большая квартира: кухня десять метров, две комнаты -пятнадцать и двадцать метров. Маша зашла на кухню: на полу плитка, наполовину прикрытая газетами, у окна пластиковый стол, заляпанный краской, такой же стул. Газовая плита, стальная мойка, забитая грязной посудой, холодильник «ЗиЛ». Маша открыла его, не ожидая увидеть хоть что-нибудь съедобное… Но нет! Там было много хорошего: и сливочное масло, и связка сосисок, и сметана в стеклянной банке, пакеты молока… Дима поставил на стол сумку с продуктами, достал хлеб, консервные банки с лососем, горошком… Да, голодать не придётся! Маша удивлённо посмотрела на Диму.

— Ну а как же? Место незнакомое, сиди и работай. Для жизни здесь есть всё необходимое.

Маша прошлась по светлому паркету, который угадывался из-за вороха газет.

— Пойдем, что покажу!

Дима прошел по коридору и открыл двустворчатую дверь. Такого Маша никогда не видела, даже в кино. В комнате была одна кровать, от стены до стены, покрытая серебристо-розовым покрывалом. Под роспись была отведена большая стена.

Маша попятилась.

— Ты чего? — спросил Дима, — я к тому, что еда есть, спать тоже есть где. Вот эта спальня тебе для росписи. Всё в порядке, я поехал.

И правда, Дима развернулся и вышел, захлопнув за собой дверь. Маша стояла, оглушённая тишиной. Одна, в чужой квартире… За окном моросил дождь — лето выдалось холодным.

В спальне было два окна, прикрытые шторами из органзы грязновато-карминового цвета, а напротив стена, на которой должны появиться летающие котики.

Маша прошла на кухню, перемыла посуду, вскипятила кастрюльку и сделала себе стакан растворимого кофе с молоком.

Съела бутерброд с маслом, присыпав его сахарным песочком и начала не спеша дорабатывать эскиз.

Ощущение покоя не покидало её. Потом она прошла в спальню и раскинулась на этой огромной, мягкой постели поверх покрывала. Лежала, смотрела на стену и видела все подробности росписи: белоснежные, пушистые котики, как облачка, на розовом небе. Некоторые свернулись клубочком, некоторые плыли по небу раскинув лапы… Маша не заметила, как заснула под шорох дождевых капель по стеклу.

Проснулась, когда уже стемнело, зажгла свет, который был представлен в виде обычной лампочки, свисающей с потолка на проводе. Света она давала мало, да ещё была грязной, в белых пятнах от побелки. Но для начала работы достаточно.

Вооружившись куском мела и влажной тряпкой, Маша начала набрасывать композицию. Сколько она прыгала по кровати, пока не завершила задуманное, она не знала, но когда соскочила на пол, поняла, что умирает от голода. С кухни шёл аппетитный запах и гремела посуда. В дверях появился Дима.

— Ты хоть знаешь, сколько времени? Десять часов! Маньячка! Пошли есть скорее, иди, умойся!

Маша пошла в ванную на подкашивающихся ногах. Там посмотрела на себя в зеркало — какая лахудра! Она по привычке намылила лицо, забыв, как с утра тщательно накрасилась.

Полотенца не было, пришлось вытереться краем футболки. На столе красовалась жареная курица, надетая на бутылку из под пива. Так иногда делала и она, когда удавалось купить импортную курицу. Надеваешь на бутылку, солишь — и в духовку. Если время есть, поливаешь соком со сковородки, а нет, так всё равно отлично зажаривается, только корочка становится твёрдой… а под ней… Мммм!

Горошек Дима подогрел прямо в банке. Курицу поломали и положили куски на тарелку... Нашлись две кривые алюминиевые ложки.

— Завтра я привезу, чего не хватает, а сегодня мы можем смотреть телевизор! — сказал Дима. На краю стола стоял маленький переносной телевизор «Юность», у которого экран был чуть больше, чем почтовая открытка.

Изображение было не слишком хорошим, по экрану ходили серые и белые полосы, как ни старался Дима направлять антенну.

Посмотрели новости, начался футбол, Дима с хрустом потянулся:

— Пожалуй, я сегодня здесь заночую…

Маша не была девственницей, в её жизни встречались мужчины. Ничего особенно приятного она не находила в занятиях любовью. Именно так, занятия… Даже забавно было наблюдать, как дрожат от страсти мужчины, как стонут, иногда даже кричат. Правда «занятия» эти бывали редко. Мужчины, получив своё, были не очень довольны, называли её фригидной. Хотя она же видела, что они получали удовольствие, а что ещё надо?

Поэтому, на слова Димы Маша только пожала плечами и отправилась в спальню.

Но Дима не шел, смотрел футбол. Маша повертелась в постели, прислушиваясь, и незаметно уснула.

А когда проснулась, обнаружила себя совершенно голой. Её вещички были аккуратно сложены на полу у кровати, а Дима лежал рядом, и, улыбаясь, смотрел на неё. Маша повернулась на бок, чтобы тоже смотреть на него, она чувствовала себя неловко. Из своего небольшого опыта она знала, что мужчина сейчас должен ею овладеть. Но ничего не происходило. Дима зевнул и сказал:

— Ну что, пора вставать? И откинув одеяло, встал, повернувшись к ней спиной и вышел. Ничего себе, — подумала Маша, — как странно…

Всё равно, чувство неловкости не уходило. Она ещё потянулась на этой огромной кровати и стала одеваться.

Мысли опять вернулись к росписи, и больше ни о чём Маша больше не думала. На кухне стоял стакан горячего растворимого кофе, пакет молока. Но Дима уже ушёл, она даже не слышала как.

Итак, роспись. Поскольку стены в этой квартире были выкрашены клеевой краской, то надо намешать гуашь и клей ПВА, чтобы краска не смывалась и не была блестящей. Она подготовила несколько банок с разными оттенками, настелила газет побольше и принялась за дело. И опять, за работой Маша не замечала времени, только когда у неё начало сводить мышцы и руки стали дрожать, она с сожалением отложила кисть. В основном, роспись была готова, остались только мелкие детали, которые можно не спеша закончить завтра.

Маша пошла в ванну помыть кисти и «полюбоваться» на себя, с прядями бело-розового цвета, и, как контраст, с синяками под глазами.

— Красотка! — усмехнулась она и показала себе язык. Все-таки работа художника самая лучшая, хоть и голодная.

На кухне с утра стояло молоко, скорее всего прокисшее теперь, на столе крошки хлеба, немытый стакан. Проза жизни… Маша быстро поставила кипяток, обнаружила в холодильнике сосиски и развеселилась, предвкушая сосиски с горячим зеленым горошком. Жаль, хлеба нет, но выходить уже никуда не хотелось. Она включила телевизор, чтобы хоть что-нибудь говорило в оглушающей тишине.

Елена Дулгар

СВОЯ ПАРА

Старые башмаки стояли в прихожей. Они уже давно «просили каши», и налипшие на них куски полужидкой грязи вполне обеспечивали им просимое. Время перевалило за полночь, а маленьких изящных туфелек так и не было на месте. Тапки в очередной раз прошлёпали в коридор, прислушиваясь к звукам за дверью…

Вдруг мелкой дробью застучали тоненькие каблучки… Неуклюжие тапки стремглав ринулись в спальню и замерли у кровати, словно уже давно отдыхали, не замечая отсутствия пары. Аккуратные туфельки на цыпочках пробрались к вешалке и пристроились под ней рядом с калошницей, где стояли огромные ботинки и прочая обувь, среди которой была ещё остроносенькая пара «на шпильках» — для другого сезона. Обе пары выходили в свет обычно редко, по особым случаям. Похоже, сегодня был как раз такой случай. Мягкие бархатные тапочки, уступив место туфлям, неслышно заглянули в детскую, в которой безмятежно спали малюсенькие башмачки, не подозревая о проблемах и удовольствиях жизни взрослой обуви. Удостоверившись, что всё на своих местах, тапочки, побывав в ванной комнате, осторожно примостились возле больших тапок в спальне. Назавтра повторилось то же самое, и на следующий день, и в дальнейшем…

Как-то утром туфельки обнаружили, что облезшие постылые бутсы, уходя, успели вымазать их грязью, хотя накануне вечером туфельки остались на ночь у противоположной стены. Вокруг было всё перевёрнуто, словно по квартире прошёл дикий табун. Складывалось впечатление, что развалюхи сделали это специально, из вредности, чтобы хоть чем-то досадить.

Дальше становилось хуже. Эти отвратительные ботинки начали следить за прелестными туфельками. И однажды дело дошло до царапин и поломанных каблуков. Подумать только! А ещё говорили: «Подкаблучник!» Насмешка просто! В глубине души туфельки рассчитывали, что ботинки, пошлявшись где-нибудь, спустя какой-то период вернутся опять. Но они не вернулись… ни через неделю, ни через месяц, ни через…

Немного погоревав об утрате (сами не зная почему), туфельки навели глянец… И вскоре в прихожей рядом с ними красовались новые блестящие штиблеты, будто сошедшие с рекламной картинки загранич-

ного журнала. И те, и другие приходили, как правило, вместе, сверкая от счастья. Только маленькие башмачки, хоть и не очень-то понимали, что случилось, встречали их не так весело, как когда-то радовались возвращению старых потёртых ботинок. Но это обстоятельство не сильно удручало старших, которые считали, что со временем детские взгляды переменятся. Только иногда на туфельки накатывали воспоминания, и тогда возникало чувство вины и утраты. И ощущение чего-то необратимого сдавливало, вызывая внешне беспричинные слёзы. Но комфорт и очевидные преимущества новой жизни делали ностальгию по прошлому мимолётной. И туфельки порой даже не могли понять: было ли всё на самом деле или приснилось?

У взрослых складывалось всё как нельзя лучше. Они много путешествовали, посещали различные выставки, всевозможные тусовки и вообще часто бывали в среде приверженцев высокой моды.

Как-то раз, уже у подъезда, выходя из машины, туфелькам показалось, что из местного контейнера для мусора выглядывают те самые безобразные башмаки, которые некогда проживали в их квартире. Конечно, чего только не привидится после вечеринки!.. А вдруг — правда?..

Вся ночь прошла в напряжении — мысли не давали покоя. Ещё до рассвета, когда все спали, оставив туфли дома, пушистые тапочки выскользнули за дверь и побежали к тому месту, где вчера вечером валялись старые башмаки. Сверху кто-то уже успел насыпать гору отбросов, и башмаки еле виднелись среди отходов. Да! Это были они!.. Внезапно душа ушла в пятки… Изменившись почти до неузнаваемости, они лежали тихо и смирно, как будто, давно ища успокоения, наконец-то обрели его там, где уже никакие изменения не могли всколыхнуть эмоции, бурлившие когда-то в этой незатейливой башмачной форме…

Утром туфельки не пошли на работу, сославшись на недомогание. Скоро они совсем перестали выходить из дому. Что-то надломилось внутри, словно старые башмаки, покидая этот мир, прихватили с собой то, что принадлежало им и что одновременно являлось частью самих туфелек…

«ЗАВТРА» НЕ ЗАКОНЧИТСЯ НИКОГДА

Брат моей подруги Оксаны теперь работает строителем, хотя раньше был школьным учителем.

После войны пришлось разгребать завалы и многое восстанавливать. Каждый раз, перед тем как отправиться на новый объект, он приходит в

церковь, чтобы помолиться и получить от батюшки благословение на строительные работы. Это — он-то, объяснявший детям на уроках биологии, как тяжело жилось обезьянам до того, как они взяли в руки палки.

Недавно он принёс тетрадь, найденную на развалинах сельского храма, который разбомбили националисты. По странной случайности именно этот документ уцелел среди множества того, что уже трудно было опознать. Им оказался дневник девочки, который она вела до последнего момента и который так просто изменил взгляды взрослого человека, показав, что не каждый, имеющий диплом преподавателя, способен заниматься этим делом, хоть и не каждый произошёл от обезьяны.

Временами думаешь, что чему-то научился. Но уроки не заканчиваются. И если мы берём на себя смелость учить других, то не согрешаем ли при этом, повторяя чьи-то растиражированные заученные фразы с претензией на аксиому?.. Откуда у нас взялась наглость писать учебники, полные лжи и бесстыдства? Кто внушил нам, что мы имеем право вершить судьбы? Не себя ли мы обманываем?

Всё помнит земля. И «на всяком месте очи Господни». И все обломки, словно разорванные листы книг, соберутся однажды, чтобы стать обвинителями на Суде…

Уже почти три часа ночи. А сна — ни в одном глазу. Я читаю строки, написанные дрожащей рукой. И детский почерк возвращает меня к тем событиям, которые страшной пандемией прошли по телу земли, покрыв её воронками и рытвинами, словно чёрной оспой…

Думали, что уже вся планета избавилась от этой заразы. Но нет. Зло живуче, как мир, как вирус, который только затаился и ждёт удобного случая.

Тетрадь испачкана сажей. Во многих местах чернила расползлись. Но мне удаётся прочесть несколько последних страниц…

«Когда мы бежали из дома, чтобы скрыться от бомбёжки, папу по дороге убило. И мама сильно кричала, а потом сказала, чтобы мы с братом спрятались в церкви, пока она поможет тёте Наде и Митеньке перенести их бабушку в надёжное место.

Священник, который живёт в соседнем доме, собрал детей нашего села и их родных (у кого остались) и запер в храме. Он говорит, что святые стены нас сохранят.

Очень страшно, темно и холодно. Младшие плачут, не переставая. А их мамы и папы не знают, как их успокоить. Батюшка зажёг свечу и начал читать нам Библию. И стало немного теплее…

Как ни странно, после этих слов я тоже ощутила некоторое потепление в пальцах рук, которые до того казались слегка онемевшими».

Но, перевернув лист, стало ясно, что холод с новой силой будет вонзаться в моё тело, проникая всё глубже и глубже в само подсознание. Неуверенным почерком было написано:

«Я не помню, сколько дней мы находимся здесь. Вчера умер Митенька. Мама сказала, что у него какая-то кома. А лекарств теперь не найти. Наша соседка Сонечка — ещё маленькая и всё время просит есть. И её дедушка плачет вместе с ней. А батюшка продолжает читать нам Библию…

Осколками от бомб в церкви выбило окна и разрушило в дальнем углу крышу. Теперь ещё больше страшно и холодно. У мальчика Коли больные ножки. А ещё ему одну ногу повредило осколком, когда он был дома. И теперь он не может от боли спать по ночам…»

Я поняла, что уже тоже не усну до утра. Может, некоторые ночи даны нам для прозрения?..

В комнате горел настенный плафон, довольно ярко. Но я почему-то зажгла ещё и свечу, как будто она могла высветить то, что было не под силу электрическому свету. Пододвинув подсвечник к самой тетради, я с трудом разобрала фразы, которые с каждой строкой сползали куда-то вниз:

«Сегодня к ночи перестали стрелять и бомбить. Это потому, что батюшка читает нам Святую Книгу. И мы просим, чтобы он читал снова и снова. Но батюшка говорит, что пора успокоиться, помолиться и ложиться спать. А когда настанет день, мы не умрём, но будем опять читать эту Книгу, потому что «завтра» не закончится никогда…»

На этом текст обрывается. А ведь батюшка оказался прав: для всех, кто читает эту Книгу, «завтра» не заканчивается никогда…

Но наступит ли оно для нас и не исчезнет ли вместе с нами, если мы будем постигать науку жизни по тем учебникам, которые сегодня объясняют нам, как завоёвывать мир? И не покажется ли нам, глядя на будущие поколения, что человек не только произошёл от обезьяны?

Светает. Днём нужно отдать тетрадь. Оксана сказала, что брат приехал на одни сутки и должен увезти тетрадь с собой.

Утром я собираюсь на исповедь и причастие. Пороков столько, что и не перечесть. Что же мы, грешные, можем изменить в этом мире? Разве только молиться? Много это или мало?

Я стою на литургии, чувствуя свою причастность ко всему, что происходит на земле. Я знаю, что «завтра» не закончится, потому что есть память, есть покаяние и эта тетрадь, страницы которой никогда не истлеют…

ЦВЕТЫ ДЛЯ МАРГАРИТЫ

У неё сегодня много цветов! Столько, что она и помыслить не смела. Всякий раз, когда она видела женщин с цветами, думала: «Ну, хоть бы крошечный букетик кто-нибудь подарил!» Недавно даже издала книжку своих стихов под названием «Я сама себе купила розы». Мужчинам, конечно, этого не понять. Но для женщин — другое дело. Видимо, им это необходимо, как воздух.

Присмотритесь к лицам! По внешнему виду безошибочно можно определить: дарят женщине цветы или нет. В молодости такое не сразу заметишь. А с возрастом все мысли и переживания укладываются в особые морщинки: не такие, как у тех представительниц слабого пола, которые до глубокой старости продолжают чувствовать себя женщинами. А совсем в другие, из-за которых весь облик выдаёт внутреннюю неустроенность независимо от того, замужем женщина или нет, потому что тяжёлые думы тянут к земле. И мышцы лица обвисают: у кого появляется двойной, а то и тройной подбородок; кто становится, как бульдожка уже лет в сорок-пятьдесят; у некоторых сильно заостряются черты, оттого что невысказанные переживания иссушают; а иные превращаются в обыкновенную «кошёлку», которая осознаёт свою роль только в качестве рабочей силы, забыв, что когда-то числилась женщиной. Хотя, есть и другие…

Маргарита как раз была той другой — из благородного рода, со следами достойной красоты, однако и с наивным желанием поддерживать статус молодой богини, что делало её временами слегка забавной, особенно, — когда из-под шляпы выглядывали ярко-рыжие волосы, седые у корней, и манера говорить «немного свысока» усиливала нелепость ситуации. Но Маргарита по-доброму относилась к окружающим. И люди с пониманием принимали её такой, как есть.

Наверное, когда женщинам не дарят цветов, они изнутри увядают раньше времени и потому чувствуют постоянную потребность в живой подпитке.

Вчера она ездила в литературное объединение и подарила свою книжку собравшимся. Но кто-то её спросил: «Почему такое странное название?» Что же она ответила? Кажется, обиделась. Потом обсуждали новый общий сборник, пили чай. С кем-то она спорила, снова обиделась и даже ушла раньше.

И только выйдя на улицу, вспомнила, что хотела позвать всех на своё выступление в Доме Литераторов недели через три-четыре. Но возвращаться — плохая примета. Ещё успеется!

Переходя улицу, она думала о том, что в следующем месяце у неё — юбилей. Она запланировала свой литературный вечер: тщательно подобрала стихи, многие выучила наизусть, договорилась с музыкантами, подготовила для этого случая платье, которое надевала много лет назад, когда в её жизни был ещё тот, о ком она вспоминала теперь как о чём-то фантастическом. Надо было продумать ещё, кого пригласить выступить вместе с ней. Наверняка и хоть небольшой букетик подарят…

Но — странное дело! Почему-то с цветами идут уже сегодня. Приносят… и складывают к её ногам, будто она — прима театра или королева. Вид у неё действительно спокойно-царственный. Да и выглядит на удивление хорошо, несмотря на возраст. Строгое платье и кружевное покрывало на голове подчёркивают осанку, которая подобает особам её положения.

Закрыв глаза, она думала о том, что не зря писала стихи, не зря молилась, не зря надеялась. Да! Жизнь справедлива! Она даёт страждущим и смиренным то, в чём нуждается душа. Вот и сейчас всё, о чём она мечтала, — у её ног. Может быть, стихи уже витают в воздухе, и потому окружающие их слышат? Или поклонники просто решили принести цветы заранее? Ну не снится же ей всё это?

Сегодня был особенный день. Она чувствовала, что не забудет его никогда…

Зазвонил чей-то телефон. И вместо обычного звукового сигнала заиграла знакомая мелодия со словами: «…Миллион, миллион, миллион алых роз…». Но она думала уже не о том, о чём мечтала прежде…

А люди всё несли и несли цветы: кто — два, кто — четыре, кто — десять, кто — двадцать…

В помещении было сумрачно и холодно, а на улице — солнечно и ветрено. День равно принимал находки и потери. Улетевшая упаковка от цветов шелестела на ветке. Небо казалось глубоким и бесконечным. А осенние листья падали и падали на землю, словно лепестки миллиона красных и жёлтых роз…

СЛАЩЕ МЁДА

Все самые интересные истории немного надуманны, потому что человеческая память имеет склонность к фантазии. Может ли быть что-то скучнее реалистичного описания? Разве что — сводки в бухгалтерских отчётах или сухие заметки в газетах, в которые так и хочется завернуть по старинке кусок «Докторской» колбасы или хвостик ржавой селёдки.

Все самые интересные истории немного оторваны от земли, потому что написаны людьми с душою ребёнка, в чистоте помышлений, и поэтому легки на подъём. Взрослея, мы боимся оказаться без твёрдой почвы под ногами и даже детские свои воспоминания порой делаем тяжеловесными, притягивая их за уши к заскорузлости быта.

Год за годом обрастая коростой грехов, привычек, условностей и прочего зла, человек забывает то главное, данное каждому из нас при рождении, ради чего мы и приходим в этот мир. Взрослому уже трудно увидеть чудо. Ведь Бог ходит между детьми…

Ещё вчера я думала, что в каком-то смысле уже обрела понимание происходящего. Но жизнь, вроде бы случайно столкнувшая меня с маленьким мальчиком, изменила моё представление обо всём, что недавно казалось незыблемым, словно стёрла копоть со стекла…

По обыкновению я проснулась за полдень и ещё долго лежала в постели, снова и снова прокручивая в памяти ночной сон, в котором моя любимая бабушка просила у меня сахара и соли…

Приблизительно по прошествии часа, почти автоматически встав и приготовив утренний кофе без сахара, я вернулась в комнату, чтобы выпить его в постели с удовольствием и расстановкой, но тут вспомнила, что вечером придёт гость, а в доме нет ни сахара, ни соли, да и холодильнике «мышь повесилась». Судорожно проглотив «напиток бодрости» и наспех нацепив на себя что попало, я пулей выскочила из подъезда и побежала в ближайший супермаркет (благо — они в спальных районах в шаговой доступности).

Подойдя почти к самой двери, я услышала детский плач… и обернулась. Никого не увидев, я уже собиралась войти в магазин. Но жалобные всхлипывания повторились. Мне показалось, что они доносятся оттуда, где у нас останавливаются автобусы. Обогнув остановку, которая находилась напротив магазина, я увидела мальчика лет пяти-шести, который, заливаясь слезами и вздрагивая, стоял, уткнувшись головой в стеклянную стену и прижимая к груди потрёпанного плюшевого мишку с оторванной лапой и свисающей головой, словно его погрызли собаки. Я развернула малыша лицом к себе. И он зарыдал ещё громче. Я обняла его, почувствовав, как на моих глазах тоже наворачиваются слёзы, наверное, оттого, что так сладко бывает плакать вдвоём.

Узнав, что ребёнок потерялся, а над мишкой поиздевались большие мальчишки, я пообещала найдёнышу купить другую игрушку. Но ему нужна была только эта. Тогда я предложила пойти ко мне домой, чтобы пришить мишке голову и подлечить лапу.

— Но как же быть с душой? — спросил мальчик. — Она же мучается!

Такой недетский вопрос ребёнка застиг меня врасплох. Не зная, что предпринять, я сказала первое, что пришло мне в голову:

— А давай, мы купим твоему мишке что-нибудь сладкое. Медведи же любят мёд.

Малыш как-то неожиданно быстро успокоился и даже повеселел, кивнул головой, протянул мне руку, словно закадычному другу. И мы отправились в магазин. Днём народу было не много. И полки стройными рядами держали равнение на входящих. Казалось, что прилавки вот-вот рухнут под тяжестью товаров, так плотно они были уставлены разноцветными баночками, коробками, всевозможными ароматными пакетиками, фигурками из чёрного и белого шоколада и всякой всячиной, готовой прыгнуть прямо в руки покупателю. Я слегка подтолкнула мальчугана к яствам, сказав:

— Ну! Выбирай! — и уже приготовилась складывать в корзину всё, на что он укажет. Но мальчик ответил, что ему ничего не нужно, а только — мишке. Ну да. Конечно. Для мишутки мы присмотрели баночку мёда, орешки в цветной глазури и печенье с малиновым желе. Остальное я набрала по своему усмотрению. Но малыш, почти по-взрослому окинув взглядом продуктовую корзину, спросил:

— А денег хватит?

Я объяснила что у меня есть волшебная карточка. Если её показать кассиру, то можно брать всё, что захочешь.

— А можно по твоей карточке купить мишке маму? — спросил мальчик, с надеждой и каким-то неподдельным трепетом заглядывая в мои глаза.

Мне хотелось в этот момент хоть что-нибудь придумать, чтобы поддержать его. Но язык не поворачивался солгать. И я сказала:

— Нет. Мамы не продаются. Но мы постараемся её найти.

Выйдя с покупками из магазина, я повела Богдана — так звали моего нового знакомого — в сквер, чтобы вместе с ним и мишкой съесть вкусности. Ведь ничто так не сближает, как совместная трапеза.

Сев на скамейку я стала распаковывать пакеты. А Богдан наблюдал за мной с таким странным по нынешним временам волнением, словно боялся, что я передумаю. Сначала он покормил мишку. А потом стал есть сам: быстро, буквально заглатывая кусками всё подряд. И вдруг неожиданно остановился. Часть припрятал в карман. Сказал — про запас. А оставшееся обнял. И тут же, смущённо отдёрнув руки, спросил:

— А ты?

Я съела конфету и объяснила, что больше не хочу, потому что недавно обедала.

Почувствовав расположение ко мне, Богдан согласился пойти в гости. Мы шли медленно. Наверное, нам хотелось, чтобы дорога не кончалась. На протяжении всего пути он крепко держал меня за руку (чтобы я не потерялась).

Дома, найдя детские книжки с картинками для Богдана (чтобы не скучал, пока мишка будет проходить медицинское обследование), я усадила моего гостя на диван и уже приготовила всё для «операции». Но едва я дотронулась до игрушки, как Богдан схватил «любимца» и прижал к себе. Стало ясно, что помощь мишке придётся оказывать вдвоём. Пока я пришивала голову, Богдан придерживал мишутку, чтобы тот не заваливался. Мне удалось отыскать кусочки поролона, искусственного меха и пёстрого ситца. И наш Михаил, обретя новую ногу, мог теперь похвастаться и шикарными «бермудами» с моднючей жилеткой.

Богдан изучающе смотрел на меня, так, будто пытался увидеть не то, что было во взгляде, а то, что скрывалось там — по ту сторону глаз. Потом забрался ко мне на колени, обхватил за шею и приник головой к моему плечу. Так мы и сидели какое-то время. Чуть позже он рассказал о том, как мишка остался один, когда медведица ночью ушла и не вернулась; как плакал, вспоминая песни, которые она пела ему в берлоге. И мне казалось, что я видела, как слёзы текли по мишкиной шерсти и смешивались с остатками недавно съеденного мёда. И мёд приобретал необычный, слегка солоноватый, вкус, И, может быть, благодаря этому слёзы делались слаще…

Я слушала… и верила, потому что знала: любая рассказанная самая фантастическая история уже реальна. Но не так, как наша действительность, в которой мы варимся, словно в собственном соку, а — намного, намного реальнее, настолько, что подчас и оценить с точки зрения рационального ума не представляется возможным. Ведь душа мыслит другими категориями…

Часы тикали… Нужно было вести ребёнка в милицию и писать заявление. Не хотелось расставаться, хотя я понимала: даже если малыш детдомовский, мне всё равно никто его не отдаст. Работы нет. И по состоянию здоровья в ближайшее время, скорее всего, не предвидится. Да и что у меня есть, чтобы предложить ему? Я никак не могла сообразить, с чего начать. Но вдруг меня осенило.

— Ну вот, — начала я. — Твой «любимец « теперь может ходить. Пора искать ему маму. Я знаю один дом, где помогают найти всех, кто потерялся. Давай! Собирайся! Пойдём, пока не стемнело.

В отделении милиции выяснилось, что мальчик действительно из детского дома (это в двух шагах от нас), и его давно ищут.

Приближался самый неприятный момент — расставание. Сейчас его уведут в другую комнату. Дверь захлопнется. А мы так и не нашли для мишки маму!..

Участковый уже позвонил директору детдома. И тот, видимо, сообщил, что сейчас прибудет их представитель.

Минуты осыпались градом. И в дежурную часть вбежала женщина, похожая на соцработника. Подписав какие-то документы, она взяла Богдана за руку…

И тут он рванулся ко мне. Я наклонилась. А он прошептал:

— Я нашёл ему маму! — И протянул игрушку мне.

Что было делать?! Я пыталась отговорить его. Но Богдан не хотел и слушать, продолжая просить позволить мишке жить у меня. Проблема была решена…

Возвращаясь домой, я посмотрела на часы. Ещё оставалось достаточно времени, чтобы привести себя в порядок и приготовить ужин до визита моего кавалера, с которым я сегодня намеревалась увидеться. Но то, что днём кажется одного цвета, вечером выглядит иначе. Мне уже не хотелось, чтобы мой приятель приходил. Я позвонила ему. И безо всяких объяснений отменила встречу.

Солнце клонилось к закату. И вся комната была залита золотым, немного печальным, светом. Кончался август. Завтра будет 25 лет, как нет бабушки… Что же изменилось за эти годы? А, может, их и не было? Мысли сбивались и перескакивали. Я думала о Богдане, о медведице и о том, что, когда ушла бабушка, закончилось моё затянувшееся детство и вот, через много лет будто возвратилось снова, сделав меня за один день в сотню раз наивнее и одновременно старше на тысячу лет, словно время потекло по-другому…

Вопреки своей многолетней привычке утром я проснулась рано и легко, будто удалось отоспаться за всю жизнь. Ещё летний, но уже напитанный дыханием осени ветерок теребил занавеску…. На диване сидел белый мишка. А на кухне ждал меня сюрприз…

Сегодня ночью ко мне опять приходила бабушка. Она оставила на столе для меня мешочек сахара… и пакетик соли…

Игорь Кецельман

НОЧЬ В АЭРОПОРТУ

Моросил дождик, совсем мелкий. Я чувствовал его лицом, руки — в карманах куртки, на голове спортивная шапочка. Поздняя осень. Ночь.

Вдалеке виднелась ровная полоска огоньков. Взлетная полоса. Только огоньки, никаких самолетов. Ночь, мало летают. Сбоку от огоньков, высоко в воздухе, висели красные буквы — название аэропорта. Словно черную кожу ночи стерли до крови. Наждачной бумагой.

Днем буквы находились наверху кубика из коричневого стекла — здания аэропорта. А ночью кубик исчезал, в темноте растворялся, только редкие желтые квадратики окон оставались, и еще — кроваво-красные буквы.

— Подбитая птица летела, кровавый след оставляя. Упала, а след остался. Кровь убитой птицы.

Дождь усилился, и я отступил внутрь склада. Хватит.

Склад аэропорта — огромное помещение с высоченным потолком. Под самым потолком переплетение тоненьких труб. Чуть пониже — стальные балки. Однажды на них целую неделю прожили сбежавшие обезьяны. Открыли клетку и сбежали. Им несколько дней пить не давали.

Стены склада из рыжего, будто ржавого, железа. Тусклые лампочки под потолком. Даже днем они горят.

Днем здесь толчея, шум, повсюду ездят кары (взад-вперед, резко, вовремя не отскочишь — наедут), с выставленными вперед лапами — на них стопки ящиков, мимо с грохотом проезжают вагонетки с тяжелыми грузами. (Под ногами узкие серебристые рельсы, вдавленные в пол. По ним). Много людей.

Сейчас на складе пусто. Никого. Только в дальнем углу стоят две высокие железные клетки. Рядом с клетками на пустых поддонах (подставки для грузов) сидят несколько человек. К ним я и пошел через весь пустой склад.

Люди на поддонах — зоопарковцы. Сотрудники зоопарка. Я с ними. В клетках — моржи. Мы отправляем их в Америку. Очень тяжелые. Поэтому столько народа.

— Самолет скоро? — спросили меня, когда я подошел.

— Скоро, — ответил я. Вылет в семь утра, а сейчас вечер. Сами не знают?

Они зоопарковцы. А я — перевозчик животных. Тоже зоопарковец. Занимаюсь отправками животных в другие страны. Самолетами. Езжу по аэропортам и оформляю документы в бронировании, таможне, аэрофлоте, ветеринарном карантине. А потом сдаю животных на склад. Взвешиваю и сдаю. Обычно я один. Но сейчас случай особый. Моржи. Весь зоопарк приехал.

Сидим и ждем. Все документы я уже оформил. Только кассы остались. Попозже. Подошел к клеткам. Моржи на полу. Темная кожа блестит. Лежат неподвижно, только спины чуть заметно поднимаются и опускаются. Спят? Я отошел от них.

В бытовке кладовщиков, комнатке из тоненьких досок и большим окном (чтобы весь склад был виден) сидели двое: сопровождающая Ира — молодая женщина в красной куртке, летела с моржами в Америку, и начальник моржатника — высокий полный мужчина.

— А где замдиректора? — спросил я.

— Воду пошел искать, — ответила Ира. — Отключил ее кто-то.

— А-а.

Замдиректора каждый час поливал моржей из шланга. Чтобы кожа не пересохла. Поливал и днем, когда клетки сгрузили с машин и лебедкой затащили на склад (каждая по тонне). Моржи фыркали, тянулись вверх, подставляясь под струи воды. Шеи у них короткие, почти нет, а грудь вся в складках кожи. И клыки изо рта торчат — длинные, белые.

— Как у вампиров, — произнес я вслух.

— Сам ты вампир! — обиделся начальник моржатника. Он стоял рядом с клетками.

— Мои животные — тебе не вампиры!

— Да шучу я, не обижайся.

Начальник махнул рукой:

— Ладно…

А замдиректора продолжал поливать моржей.

— Поехали обедать, — позвала его Ира.

Заместитель покачал головой:

— Лучше я здесь останусь. Если с моржами что случится — тогда уж точно он меня уволит.

Настаивать не стали. Все помнили недавние события… Полгода назад у нас в зоопарке медведь отгрыз девочке руку, а на следующий день — ногу мальчику. Девочка хотела медведя погладить, мальчик — пнуть. Замдиректора, на свой страх и риск (директор тогда в ФРГ уезжал), велел затянуть клетку с медведем мелкоячеистой железной сеткой, чтобы сквозь решетку нельзя было просунуть ни руки, ни ноги. Приехал директор и устроил ему разнос:

— Ты зачем экспозицию портишь?!! — кричал он. — Медведя же сквозь сетку не видно совсем!

— Уволю! — пообещал директор.

И потом, несколько месяцев, директор каждый день всем сообщал: «Я своего заместителя увольняю!»

Мне сообщил, когда я к нему зашел письмо подписать. Я пожал плечами и вышел из кабинета. Увольняй. На замдиректора было жалко смотреть. Растерянно ходил по коридорам дирекции и все спрашивал: «Куда мне теперь? В коммерческий киоск?» Зачем-то сбрил свою небольшую черную бородку и все увидели его голый подбородок с обвисшей кожей.

А директор грозился-грозился, да так и не уволил. Остался при своей должности. Замдиректора успокоился и перестал спрашивать: куда ему теперь? Снова отрастил бородку. Теперь она у него была с сильной проседью.

— Останусь, — повторил заместитель.

— Ладно, мы тебе что-нибудь с собой захватим, — пообещала Ира.

И сдержала свое обещание — привезла ему тарелку со вторым, несколько булочек.

— Хорошо, что остался, — радовался заместитель, когда мы вернулись. — Какой-то мужик появился, взял палку и начал в клетки тыкать. Еле отогнал его. Моржи мечутся, еще немного и о прутья бы побились. Ну и ну, — качал он головой.

— Ешь, — сказала Ира.

А теперь у него, значит, неприятности с водой.

— Ты бы сходил, помог ему. Ты же здесь все знаешь, — сказала Ира.

— Найдет, — ответил я.

Сел на скамейку, покрытую черной искусственной кожей, привалился к стенке, и закрыл глаза. Сильно болела голова. Наверно, все же простудился, когда машину с картошкой разгружал… Водитель отказывался в аэропорт ехать (американцы оборудование прислали). Машина у него с картошкой. Грузчики ушли. «А я вам разгружать не нанимался! Завтра поедем».

Завтра мой день рождения.

Я залез на грузовик и начал скидывать мешки. Потом спускался и высыпал их в бункер кормосклада. Картофелины с грохотом катились по дощатому полу. Куртку скинул. Наверно, тогда и продуло. Водитель смотрел-смотрел, а потом стал помогать. Фильм «Коммунист». За час мы разгрузили всю машину.

— И вот так мы каждый день, — сказал водитель.

— Знаю.

Видно, я все-таки задремал, потому что вдруг проснулся от громкого голоса Иры:

— Ты поосторожнее с этим делом, — говорила она начальнику моржатника, — по Москве СПИД гуляет!

— Нет, это практически невозможно. Ну, невозможно! — отвечал тот.

— Да и трахаться хочется.

— А если долго не трахаться, то и не хочется, — сказала Ира.

Я опять закрыл глаза.

Второй раз меня снова разбудила Ира. Дергала за рукав.

— Слушай, ты ведь в кассы собирался? Пошли! А я оттуда директору позвоню, а то здесь мобильный не ловит.

— Ночью?

— А он шведов в театр водил. Сейчас должен вернуться. Он сам велел.

— Пошли.

Пока шли, я потрогал рукой лоб. Вроде, холодный.

— Ты что за голову держишься? — спросила Ира. — Болит?

— Болит.

— Вернемся, я тебе коньяку налью, — пообещала она.

Я кивнул.

Ира уже угощала нас коньяком в столовой.

— В честь отъезда.

Предложила и двум американцам, тоже поехавшим с нами обедать (они за моржами прилетели). Американцы в ответ молча приподняли стаканы с кефиром — вот наш коньяк.

Кассы были рядом со складом. Коридор пройти. Ярко освещенный зал за стеклянными дверями. И стеклянные окошки поверх деревянных стоек по бокам зала. Их с десяток с обеих сторон. На окошках надписи белыми буквами: касса, таможня. И никого. Пусто. Только яркий свет.

— Как же ты платить за моржей будешь? — спросила Ира. — Ведь никого нет.

Кассирша нашлась в комнатке за окошками. Недовольная, с растрепанными волосами, — я разбудил ее. Взяла мои накладные и сразу вернула — нет отметки таможни.

— Потом схожу.

Покачала головой:

— Не могу. У нас теперь с этим строго. Идите в таможню, потом сюда.

Ушла к себе в комнатку. Дверь закрыла.

Днем таможенники сидели здесь, в зале. Ночью — в другом конце здания. Придется идти.

— Подожди, я с тобой, — попросила Ира. — Только директору позвоню.

Достала мобильник, поводила пальчиком по плоскому экрану, набирая номер.

«Как дела? А все в порядке. Ведь И… организовал все. (Про меня). Замдиректора? С моржами. Никуда от них не уходил… Нет, нет, на обед не поехал, с ними остался… Не волнуйтесь, отправим… И… все организовал… Да, позвоню».

Засунула телефон в карман куртки. «Пошли?»

Коридор был длинный, полутемный. Ира зябко поежилась.

— Не бойся, — сказал я, — здесь везде камеры — нас видят.

По сторонам двери темно-красные. На них белой краской цифры — номера комнат: 112, 114, вот и наша — здесь ночная смена таможни. «Можно?»

В комнате несколько таможенников в серой форме. Я подошел к одному из них: сидел за столом в центре комнаты:

— Накладные отметьте.

Таможенник посмотрел мои бумаги и покачал головой:

— С такими документами я вас не пропущу.

— Почему?

— Вы своих моржей за бесценок продаете. Кого обмануть хотите?

Вперед выступила Ира:

— Послушайте! — сказала она громко, почти выкрикнула. — Если вы сейчас же…

Я схватил ее за руку:

— Тише. Я сам.

Подошел поближе к таможеннику:

— Будьте так добры! Войдите в наше положение! Это не продажа. Научный обмен! Надо их отправить — последние два моржа!

— Вот-вот, — обрадовался таможенник, — последних и вывозите, а стране ничего не оставляете.

— Все остальные сдохли — объяснял я. — В зоопарке десять моржей было. Осталось только два. Не отправим — и эти погибнут. А американцы их вылечить обещали. На лечение везем! Очень вас прошу!

— Что ж у американцев они не дохнут? А только у нас?

Я ничего не ответил, только повторил:

— Очень вас прошу!

— Ладно, — сжалился таможенник, — давайте ваши накладные.

Я облегченно вздохнул.

— А ты всегда так заискиваешь? — спросила Ира, когда мы вышли из таможни.

— Всегда.

— Печально.

— А иначе не пропустят!

— Угу, — сказала Ира и отвернулась. Немного погодя:

— Ну, ты в кассы? А я на склад пойду.

И ушла. Темный коридор ее больше не пугал.

Я оплатил (по платежке) перевозку моржей, отнес документы на третий этаж, в комплектацию, и вернулся на склад.

Около клеток стоял замдиректора и из шланга поливал моржей. Нашел все-таки.

В бытовке у стола сидела Ира и что-то рассказывала начальнику моржатника и ветеринарному врачу (тоже с нами, весь зоопарк пригнали). Мой приход как-будто не заметила. Головы не повернула. «Не нальет», — понял я.

Пошел к своей скамейке. Сяду и усну. Но Ира вдруг встала, вытащила из сумки бутылку и плеснула в пластмассовый стаканчик. Подошла ко мне: «Выпей». И сразу отошла.

Потом я сидел у стола и разглядывал фотографии, которые нам показывала Ира.

— Вот у них я и буду жить в Америке. Мои знакомые, — объясняла она.

— Какие счастливые лица! — вырвалось у меня.

— А они все такие, — сказала Ира.

— А почему один мальчик черный?

— Усыновили. У них так принято. Еще кого-нибудь.

Посмотрел фотографии и вернулся к себе на скамейку. Хорошо бы уснуть. После коньяка мне стало лучше, голова почти прошла, только в горле першило.

Из полудремы меня вырвал голос кладовщицы, низенькой полной женщины в синем рабочем халате (пришла откуда-то):

— Уходите! — требовала она. — Вы мне работать мешаете.

— Тетенька, — попробовал уговорить ее начальник моржатника.

— Да мы ненадолго, моржей отправим и уедем.

— Племянничек!.. — откликнулась кладовщица. И выдала:

— Не люблю вас! Все ваши зверинцы… Вы животных в клетках держите! Только мучаете.

— Да мы их от смерти спасаем!

— В клетки посадили, а потом спасаете? Уходите!

— А Ира где? — спросил я, когда мы вышли из бытовки.

— Там осталась, — с улыбкой ответил начальник моржатника. — Мы-то ушли, а коготок оставили!

Но тут из бытовки показалась Ира. Очень недовольная.

— Представляете, — рассказывала она, — я на скамейку легла, притворилась, что сплю. Растолкала. «Уходи».

Я сидел на поддонах. На складе было гораздо холоднее, чем в бытовке. Не уснешь.

С охапкой картонок подошла Ира. Постелила их на пол, рядом с поддонами. «Не так дует». Легла на картонки, укрылась курткой. И заснула.

С потолка тусклый свет. Ржавые стены склада.

Вдалеке прошли пограничники с собакой на длинном поводке. Наркотики ищут. Форма у них зеленая.

Ежась от холода, подошел американец. Что-то спрашивает про самолет. «Скоро, — ответил я, — Soon». Еще что-то говорит. «Извините, — сказал я, — я очень плохо говорю по-английски. — Very bad». Отвяжись. Американец кивнул и отошел.

К соседним поддонам. Там замдиректора что-то с жаром объяснял второму американцу. Рядом с ними пластмассовые стаканчики со спиртом. Ветврач с собой захватил. А замдиректора из шланга разбавил. Я выпил вместе со всеми. Спирт был резкий, жгучий. Мало разбавили. Американцев тоже уговорили выпить, когда они пожаловались на холод. Cold.

Замдиректора говорил, время от времени, прихлебывая из стаканчика. Подлили. Много еще. (Американцы больше не стали). Лицо его раскраснелось.

— Ну как, теплее стало? — вдруг спросил он. Громко, на весь склад.

Американец кивнул.

— А сейчас еще теплее будет!

Замдиректора снял с себя шапку и нахлобучил на американца.

— И не смей снимать! Дарю!

Громкие голоса разбудили Иру. Приподнялась.

— Господи! Неужели нельзя потише? Ночь же! — недовольно сказала она.

— Ведь теперь не усну!

Поднялась, закуталась в куртку, и села на поддоны. Через несколько минут:

— А у меня еще коньяк остался. Давай допьем?

— Давай.

Ира полезла в сумку…

Потом я смотрел на зоопарковцев.

— Слушай, — повернулся я к Ире, — а у них лица сейчас счастливые, как на твоей фотографии.

— Еще бы, еще бы, — сказала Ира, — столько-то выпить!

С соседних поддонов снова раздались громкие голоса. Замдиректора продолжал напяливать шапку на американца (тот все пытался ее снять).

— Что-то уж больно он развеселился, — задумчиво произнесла Ира, глядя на замдиректора. — За моржами не смотрит. Не поливает. Совсем от рук отбился.

— Директору сообщишь?

Отрицательно покачала головой:

— Пускай живет.

Я обнял ее. Ира повернула ко мне голову:

— Спасибо, так мне теплее.

Показался летчик в синей форме с серебряными нашивками. На голове черная шапка-ушанка. Подошел к нам. Я убрал руку.

— Кто здесь летит? — спросил он.

Ира:

— Я.

— Все в порядке, — сказал летчик. — Питание мы для вас заказали.

— Спасибо, — улыбнулась Ира, — я очень люблю питаться. Так когда все-таки летим?

— Можете грузиться, — ответил летчик.

Транспортный самолет (чартер) стоял совсем рядом со складом.

Задом к нам. Люк открыт. Темная пустота внутри. Потом там зажглись лампочки. Внутри ничего не было. Только три кресла привинчены к полу. Для сопровождающих.

Маленький автомобильчик (как на ВДНХ) подвез тележку с клетками. На складе, перед тем, как грузить моржей на тележку, Ира заглянула внутрь клеток:

— Живы? А то привезу мертвых…

— Грузите, — разрешила она.

Было уже совсем светло. На здании аэропорта погасли кроваво-красные буквы. Вниз стекли.

Грузчики подкатили к самолету ленточный транспортер (гусеница от танка) и сразу увезли обратно — не потянет. Клетки подняли наверх на специальной платформе. Подняли и затащили внутрь самолета. Там их закрепили ремнями.

Все это время моржи молчали. И я не посмотрел на них.

Американцы, Ира и еще одна девушка из моржатника (с ними летит) тоже поднялись в самолет. Летчики установили еще одно кресло.

Сейчас люк закроют, и самолет медленно покатит в сторону взлетной полосы. Потом взлетит.

На прощание все целовались. Ира выжидательно смотрела на меня. Я сглотнул. Горло болит. Подошел и поцеловал ее в губы. Ира обвила мою шею руками. Может, не заболеет?

Мы шли через летное поле к ждавшему нас у проходной автобусу. Дул холодный ветер.

— Подожди! — окликнули сзади.

Я остановился. Меня догнал замдиректора. Воротник куртки высоко поднят. (Без шапки).

— Готовься, — сказал заместитель, — через неделю будем нерп в Америку отправлять.

— Опять на «лечение»?

— Ага! — радостно подтвердил он.

— Ладно, отправлю, — сказал я.

И пошел к автобусу. Очень хотелось спать.

Кира Краснова

БЕГА

На территории ипподрома было множество конюшен, в том числе с лошадьми для проката. При манеже тоже была прокатная конюшня. И сначала я устроилась туда. В манеже мы ездили в непогоду. В остальное время для езды имелась рядом с манежем небольшая площадка. Но менялись времена. Манеж перешёл в частные руки, и прокат там закрыли.

Я перешла в другую конюшню. Там же, на Бегах. У этой конюшни манежа не было, но зато нам разрешали ездить по малой дорожке бегового круга. Мимо пролетали рысаки, впряжённые в качалки, а мы двигались по кромке, чтобы им не мешать. Для новичков была площадка внутри круга. К своему стыду я не запомнила ни одной клички лошадей, на которых я тогда ездила. Я запомнила другое.

В ту пору, когда мы ездили по беговому кругу, у меня вдруг появилась аритмия сердца. Когда она начиналась дома, это было не страшно. Но вот беда. Стоило мне отправиться на конюшню, аритмия начиналась прямо в троллейбусе. Я страшно не люблю возвращаться с дороги. Да и поощрять свои болячки не в моём стиле. Так что я продолжала путь к конюшне, надеясь, что всё прекратится само по себе. Ан нет! Подхожу к конюшне, проверяю пульс не прошло! Ну ничего, думаю, пройдёт, пока подседлаю. Подседлала не прошло. Сажусь в седло и думаю, пока дошагаем до круга, тут-то и пройдёт. И не надейтесь! Что там говорить? Выходим на дорожку, идём рысью, затем галопом... Сами понимаете, на рыси и галопе пульс не пощупаешь. Зато, когда переходим после галопа в шаг, пульс такой ритмичный и наполненный, что сердце радуется (каламбур?). Так продолжалось довольно долго. К счастью аритмия куда-то подевалась сама по себе, без участия врачей. Но, пожалуй, такой способ лечения я не рискну рекомендовать кому-либо.

А потом наших лошадей перевели в другую конюшню. Здесь собралась очень симпатичная и дружная компания. За время существования этой конюшни нас постепенно вытеснили с бегового круга на его середину. Там стало тесно, так как туда вытеснили не только нас. И мы оборудовали площадку для езды рядом с конюшней. На месте кучи щебня, которую постепенно разгребали по мере хозяйственной необходимости. Мы потому что наше участие было весьма значительным.

Постепенно лошади перестали быть для меня безликими. Самым любимым стал Буслай. На нём я ездила чаще всего. Вообще с годами я стараюсь не менять лошадей. Мне легче ездить, если я заранее знаю, на что способна лошадь, идущая подо мной. А Буслай любил похулиганить. К примеру, взять и прыгнуть на галопе вбок. Вот и усиди. В конюшню я ходила по субботам рано утром. Там собирались самые энтузиасты. Мы чистили лошадей, подсёдлывали их и выходили на площадку. Пожалуй, только по утрам собиралась постоянная команда. Дальше группы компоновались по принципу: кто первый заплатил, тот и едет. Мы передавали уже засёдланных лошадей и т. д.

В то время, когда я ездила в этой конюшне, умер мой муж, единственный человек, сумевший сделать меня счастливой, а жизнь мою наполненной. Для меня это было крахом. Я лишилась половины моей души и почувствовала себя никому не нужной. Сын с семьёй жил отдельно. Внук вырос и не нуждался в моей опеке. Конечно же они и навещали меня, и звонили, но это никак не заменяло мне постоянного общения с таким могучим интеллектом, как мой ушедший из жизни муж. По-настоящему я нужна была только коту, которого нужно было кормить каждый день. А когда я общалась с Буслаем, я ощущала, что в меня вливаются какие-то силы. Потребовалось, по крайней мере, три года, чтобы я почувствовала себя живой. А ещё через полгода прокат на Бегах закрыли. Новые хозяева ипподрома решили использовать его только для рысистых испытаний и тотализатора. Деньги, деньги...

В Битце

Это была такая удача, что группы набирали от предприятий уже укомплектованными. Кто бы взял меня в мои-то почти пятьдесят лет! Но абонемент на десять занятий был уже куплен, и я в группе молодых и здоровых явилась в конюшню.

На первом занятии нас познакомили с техникой безопасности, показали, как одеть уздечку, на какое место укладывается седло, как затягиваются подпруги. Затем была пробная езда на лошади, поставленной на корду. Корда? Это длинный повод, одним концом прикреплённый к трензелю у рта лошади. Другой конец в руке тренера. Таким образом, лошадь ходит по кругу и не может никуда убежать по оплошности новичка.

Ездили все по одному. Когда очередь дошла до меня, я поняла, что не могу достать ногой даже до спущенного стремени. Два здоровенных парня в

четыре крепкие руки буквально затолкали меня в седло. Вставив ноги в стремена, я почувствовала себя совсем неплохо. Когда лошадь пошла по кругу, я испытала большое удовольствие. Когда же она пошла лёгкой рысью, я тут же непроизвольно легла ей на шею и обхватила её мёртвой хваткой. Мне помогли сползти с лошади. А после занятия ко мне подошла совсем молоденькая тренер и стала причитать. И что со мной нужно долго заниматься на корде. И что такие занятия у них не предусмотрены. И что...

Я сознавала весь позор моего дебюта. Но я готова была позориться и дальше. Меня переполняло счастье. Я сказала, что обожаю и не боюсь лошадей, что я достаточно спортивна и мне не страшно падать. Я только попросила не торопить меня. Спасибо ей, что она мне поверила. Дай ей Бог!

Через неделю я пришла на первое самостоятельное занятие. Мне дали того же жеребца, который ходил на корде в прошлый раз. Он считался смирным. Помогли взнуздать и подседлать. А пока остальные занимались своими лошадьми, кто как мог, я осталась в деннике со своим один на один. И, конечно стала его угощать. Один кусочек сахара, другой. Губы нежные. В моей душе блаженство.

Но как же долго возились со своими лошадьми мои коллеги! У меня уже кончился сахар, а они ещё не готовы! Я показала своему пустые руки и призналась, что сахара больше нет. Стою рядом. Держусь за конец повода. А мой новый знакомый медленно отводит голову в сторону и неожиданно своей здоровенной башкой бьёт меня по корпусу. А надо сказать, что его башка вполовину моего роста! Я лечу и врезаюсь в противоположную стенку. Хорошо, не падаю. Лошадь стоит спокойно. Подхожу к нему и как порядочному человеку вежливо говорю, что так не поступают. А пока говорю, он снова отводит голову в сторону. И я снова не проявляю бдительности. Всё-таки со второго раза я рассвирепела. Вся моя деликатность куда-то пропала. Я врезала ему по морде, как последнему хаму рода человеческого. И удивилась. Реакция была такая же. Понял, говорит. Больше не буду, говорит. Мы спокойно дождались выхода. Но он затаил подлянку.

Занятия проводились в предманежнике. Помещении сравнительно небольшом. В тот день центр предманежника был уставлен кучей конструкций из препятствий. Но для наших занятий по периметру оставалось достаточно широкое место. Мы построились группой (десять всадников) и пошли вдоль стенки. Через некоторое время я заметила, что с каждым шагом лошади ударяюсь коленкой о деревянную обшивку. Я даже подумала, что обшивку следовало бы делать наклонной, чтобы коленка до неё не доставала. Но долго сосредотачиваться на инженерных мыслях я не могла, так как тренер меня спросила, хочу ли я поехать рысью. Я отказалась, вышла из строя и стала

ходить шагом вокруг стоявших конструкций. К моему удивлению, моя вторая коленка стала ударяться теперь уже о препятствия. Тогда я присмотрелась к обшивке у стенки и увидела, что она-таки сделана наклонной! Мой негодяй просто придумал себе новую забаву. Я поводом стала отводить его от препятствий. Не тут-то было! А когда я свернула ему башку буквально на девяносто градусов, он разозлился и начал меня качать, как деревянная лошадка. То вскинется на задние ноги, то нагнётся вперёд. И я снова, как и во время первого занятия, легла ему на шею и охватила её мёртвой хваткой. Наконец, ему качаться надоело, и он стал. Я сама сползла с седла. Коленки у меня дрожали.

А тем временем ещё одна новенькая сидела на здоровой кобыле, которая в какой-то момент занятий остановилась посередине и не пожелала двигаться совсем. Она стояла, растопырив ноги и задрав голову, пристально рассматривая что-то на потолке. Всадницу она не замечала совсем. Поскольку я ездить была уже не в силах, тренер предложила мне отвести ту кобылёху в денник и отдать девочке своего жеребца. Мол, он хоть как-то двигается. Жалко ведь девочку, простоять почти всё занятие. Кобылёха охотно пошла в свой денник, а мой хулиган, как мне рассказали потом, понёс и пооббивал ноги несчастной девочки о все встречные препятствия.

Я никогда больше не садилась на своего обидчика. Даже забыла, как его зовут. Но значительно позже, когда я уже умела ездить и с лошадьми держалась уверенно, меня как-то в манеже попросили подержать лошадь. Я не узнала его сразу. Подошла. Взяла под уздцы. Стою. И вдруг он нежно и как бы с раскаянием уткнул мне голову в грудь, и так стоял, а я его гладила и говорила ласковые слова. И только тогда я его узнала. А он, я уверена, узнал меня сразу. У них прекрасная память. На всё.

Больше десяти лет я раз в неделю ходила в Битцу. За это время у меня появился внук. Подрос. И даже какое-то время ездил там же на пони. Но он не обнаружил страсти к этому занятию и без сожаления бросил его.

Когда внук был ещё маленький, сын иной раз приходил с ним на мои занятия. Они стояли у входа в предманежник. Внук на руках у отца. Пока мы отшагивали или ездили рысью, всё было спокойно. Но стоило нам пойти в галоп, внук возбуждался и, выбросив руку вперёд, начинал громко кричать: посмотрите! Это моя бабушка! Но это было уже потом. А когда я пришла на третье занятие, тренер, потрясённая моими злоключениями на предыдущем, долго извинялась передо мной. Говорила, что никак не думала, что тот конь такой зловредный. И предложила мне другую лошадь по кличке Фонарик. Вот его я не забуду никогда!

Великолепный

Это был действительно великолепный жеребец! Гнедой. Огромный. Прекрасно сложённый. Стоял он не в прокатной, а в конюшне для пятиборцев. Там все лошади были подобраны по росту, по силе и по резвости. Не чета прокатным.

Но чего не бывает в жизни! Как-то мы пришли в конюшню и оказалось, что помещение с нашими лошадьми под замком, а ключ у работника, который не пришёл. Нам предложили пятиборцев. Пропускать занятие не хотелось. Мне достался Великолепный.

Он великодушно опустил голову, и я смогла забросить повод на его шею. Трензель взял сам. Седло на него я закинула с трудом, но тут он не виноват. Уж очень большой. Правда, подпруги затянуть мне помогли. Но снарядив лошадь, я обрела надежду, что и под седлом он будет покладистым парнем.

Вышли на большой манеж. Пошли по кругу. Обычная программа занятия: шаг, рысь, выполнение фигур, галоп, рысь, шаг. Иногда езда врозь, иногда преодоление препятствий. В тот день мы благополучно прошли круг шагом, пробежались рысью, и я поняла, что при всём своём добродушии, Великолепный настолько мощен, что на галопе я на нём просто не усижу. Об этом я тренеру и сказала. Мне предложили выйти из строя и походить в середине манежа. Но, к счастью, я сообразила, что Великолепный не тот товарищ, чтобы ходить шагом, когда остальные шпарят галопом. Я сошла с коня, взяла его на строгий повод и стала с ним ходить. Он очень хотел сорваться в галоп. Но всё было бы хорошо, если бы две кобылки не сбросили своих всадниц и не стали носиться по манежу. Как предписывает инструкция, остальные остановились, а две всадницы и тренер принялись ловить беглянок. Я тоже остановилась и на всякий случай намотала повод на руку. И началась игра.

Две весёлые разрезвившиеся кобылки, будто договорившись, помчались нам в лоб. Пока они обегали нас справа и слева, Великолепный взвился на дыбы, и я повисла на поводу, ощущая себя сосиской и мечтая встать на ноги вместе с ним. Лишь бы не упасть! Встав на ноги, я упёрлась всем туловищем в его плечо и стала разворачивать коня в сторону выхода. Мы успели пройти всего несколько шагов, как тем же манером обе озорницы снова промчались мимо нас, и снова я почувствовала себя сосиской. Они проделали это несколько раз, пока я сумела дотащить упиравшегося коня до выхода. У выхода снаружи стояли две девочки, которые со страхом наблюдали всю эту картину. Как только мы приблизились, они распахнули створки и быстро захлопнули их за нами. Мы прошли коридорчик и очутились в пустом предманежнике. Я распустила повод и гуляла с Великолепным по кругу, выговаривая ему: «Как ты мог? Ведь ты бы убил меня и не заметил! Ну посмотри, какой ты здоровый! А я?» Великолепный шел рядом, виновато опустив голову. Изредка он взглядывал на меня и тут же, зажмурившись и как-то сжимаясь, отворачивался, демонстрируя крайнюю степень стыда. К тому времени как занятие закончилось и наши вышли в предманежник, я простила Великолепного и перестала ворчать. И он понял это! Голову поднял. И стыда, как видно, уже не испытывал.

Больше на пятиборцах мы не ездили. А вот в гости к Великолепному с угощением я ходила. Ах, какой конь!

Екатерина Курочкина

НЕ ЗАГЛЯДЫВАЙ ИМ В ГЛАЗА

Дрожь поднимается из глубин и волной мурашек пробегает по коже. Ноздри ещё слышат дразнящий запах добычи, но дыханье уже перехватывает, спирает, перебивает... Слабеют колени, и горизонт заваливается набок.

Как, какой силой обладает насмешливый взгляд жертвы? Весёлые искорки из-под чёлки, плохо скрытая улыбка. Ещё бы не радоваться — повалить охотника, лишить его воли, заставить его глаза гореть неведомой ранее жаждой.

Бывшая дичь делает несколько шагов навстречу. Его голос оказывается как раз на уровне косых, с кисточками, ушей поверженного.

— Разве, — шепчет он, чуть поднимая голову и не пряча лёгкое шипение, — разве мама не учила тебя не смотреть нам в глаза?..

Но он слишком рано потерял мать. Он свято исполнял её наказ — не вылезать из норы, как бы ни было страшно или голодно. Слишком опасно снаружи. И сидел, дрожащим комком, внутри, пока не перестал чувствовать ноги и уши. Молчал, пока не начало сводить живот от голода. Свистел ветер, редкие снежинки, попавшие в убежище, щекотали нос. Мать так и не вернулась, слабость увеличивалась, и он начал тихонько хныкать. Так себя жалко, ведь умрёт здесь, никому не нужный — хныканье превратилось в поскуливание. Он почти сорвался на тонкий детский вой, когда вместо стужи нору заполнил горячий пар, тяжёлый запах с оттенком крови.

Он пискнул было, но замолчал, ещё надеясь, что пронесёт.

— Кроха, — басовитый голос опалил жаром его бок, ещё покрытый пухом, — такой мелкий…

Ладно, думал он. Ешь меня, только скажи ещё что-нибудь. Так хорошо, когда твое дыхание на моей шкуре. Говори.

Ещё один долгий выдох незнакомца. Вот бы рассмотреть его — но глаза ещё слишком слабы. Он осторожно вдохнул поглубже запах и сразу чихнул.

— Жить будет, — хмыкнул голос, затем его взяли, на секунду окунули в пургу, а потом спрятали в густую и упоительно тёплую шерсть. Жаль, рядом не было соска с молоком. Но лизнув разок крови, с ладони, что его держала, оживился, нашёл ранку на ней и припал, посасывая. Незнакомец затрясся. Это смех?

— Знаю, знаю, малыш, моя кровь тебе по вкусу. Надеюсь, мне оставишь хоть немного.

Да, он вырос среди чужих. Среди падальщиков, тех, кого родители порой считали добычей. Зато вместо одной мамы у него было семь тёть и четыре дяди, не считая целой кучи сводных братьев. И тот, кого он про себя называл отцом, учил его охоте и выживанию.

— Это копытный. Он хорошо чует, по ветру у тебя нет шансов. А это лысый, от громких звуков шарахается, часто прямо в распахнутые когти. Это пернатая, если долго лежать, сама на тебя сядет, нужно только дождаться. Смотри, это ползёт вкусный — он ловкий, но уж если поймаешь, не пожалеешь. А это большие — когда подрастёшь, можешь попробовать убить. Мы мелковаты для такой охоты, но с твоим ростом и мышцами можно надеяться на успех.

Малыш стал отличным охотником. Пусть его семья была не такой опасной для прочих, но многое видела и отлично изучила повадки окружающих.

— Кто это? — однажды спросил он отца, встретив новый след на мелких камнях, поросших редкой травой.

Тот прижался к земле, поймал за ухо охотника и начал медленно шептать:

— Никогда не трогай его. Избегай. Убегай. Бойся. Это тихий, и сражаться с ним нельзя.

— А как…

— Нельзя. Пойдём отсюда.

— Но если…

— Никогда, малыш. Это тихий.

Стоя тем вечером на склоне холма, он глубоко вдыхал холодный воздух, слушая свою силу. Отцовский страх наверняка не лишён оснований. Впустую говорить бы не стал. Он опустил голову, разглядывая свои когти, узоры на лапах. Стоит довериться тому, кто уже спас его жизнь.

Через несколько дней он ждал пернатую на горе. Время шло, охотник был готов проваляться на солнце хоть до вечера. Дело ведь не в голоде, хотелось лакомства. На тропе внизу он расслышал шаги, перевёл туда ленивый взгляд. Тихий. Окаменел, быстро оценил ветер — порядок. Не должен заметить, лишь бы ухо не дёрнулось рефлекторно. Затуманил взгляд, вдруг почувствует внимание?

И смутно удивился — тихий был мал. Раза в два меньше охотника, и такой тонкий. Когтей не видно, шерсть редкая — и только на голове. Он должен быть действительно очень, очень опасен, раз кажется таким… беззащитным. Он двигался лёгким шагом, не торопясь и не медля, притормозил,

чтобы почесаться. Начал поднимать голову к горе. Охотник вжался ещё больше в камень.

Из кустов рядом с тропой выстрелило мощное тело, подмяв под собой тихого. Ни звука не раздалось, только едва слышный хруст. Напавший деловито взял жертву за плечо, набросил себе на спину и двинулся прочь, чуть подёргивая кончиком хвоста. Что?

Малыш забыл о своей охоте. Хищник был того же роста, что и он сам. Такие же когти. Лишь узоры на шкуре другие. Ноздри широко раздувались, глазами он обшаривал место схватки. Убийства, вернее сказать. То, что он видел… это значило, что отец ошибся. Его страхи реальны только для него самого. А малыш теперь знает, что тихие только кажутся жуткими. От возбуждения он втягивал и выпускал когти, раздумывая, где было бы удачнее встретить добычу.

Он сумел убить только двоих.

— Ах, бедная сиротинушка, — искривил губы Тихий, склонил голову набок. Чёлка качнулась, — ты знаешь, что мы делаем с такими, как ты? Ты, к слову, невкусный.

Это должно было бы его обрадовать, ведь если еда плоха, зачем её есть? Или можно было бы испугаться неясной угрозы. Но вместо этого он ощутил грусть и стыд. Он принёс разочарование. Недостаточно хорош. Уши горестно поникли. Хотел, но не сумел полностью удержать в груди поскуливание, наружу вырвался тонкий писк.

На его загривок легла ладонь.

— Не грусти, это поправимо.

В холке закололо, потом под кожей задёргало и заныло. Тихий втянул шипы обратно, добавил:

— Приходи через день на это же место и получишь лёгкую смерть. Иначе на вторые сутки тебе станет довольно больно.

Он хотел бы ответить — больно уже сейчас. Что-то растекалось по его жилам, наполняло жжением мышцы. Но вместо этого его обдало волной благодарности. Уши приподнялись, рот приоткрылся в довольном оскале.

Тихий усмехнулся.

Бывший охотник вошёл в дом. Отец приподнялся, поднял шерсть на спине, исподлобья заявил:

— От тебя пахнет иначе.

Малыш улёгся на пороге, закрыл глаза:

— Я не опасен. Я мёртв.

Вся его поза говорила об усталости и нежелании общаться. Семья расположилась вокруг него полукругом, маленькие пристроились вплотную к бокам. Боль накатывала, с каждой минутой разрастаясь всё дальше, увеличивалась. Хорошо бы уснуть, и не думать о своей глупости, самонадеянности. Только дышать трудно. Можно не дышать? Не получается — больно.

Под утро он поднял голову. Обвёл нежным взором своих близких. Повернулся к бдящему отцу. Говорить тоже было трудно:

— Это тихий. Его мясо сладкое, и убить его легко. Нужно только закрывать глаза и вести охоту вслепую. Запомни это. И передай всем, кого встретишь на своём пути.

Отец медленно кивнул. Протянул ладонь и погладил малыша по голове, за ухом, под подбородком. Приятно. По-домашнему. Помогло отвлечься от боли. Страшно возвращаться, но он уже понял, что рядом с Тихим страха нет. Ноги дрожали, когда он поднялся. Ходить больно. Не оглядываться.

Карие. Зелёный ободок, чёрная точка с краю. Прищурился. Тряхнул чёлкой. Похвалит? Ведь не опоздал. Ну же, малыш — хороший? Усмехнулся, не раскрывая рта.

Тихий внимательней посмотрел в глаза умирающего. Глубоко, дотягиваясь до инстинктов, до подсознания и самых старых снов. Будто сделал над собой усилие, оказал милость:

— Умница. Твоя мама обрадуется.

Поднял бы от радости хвост, если бы не боль. Вот и славно. Хорошо быть послушным. Хорошо, когда тебе рады. Можно ни о чём не волноваться.

Тихий повернул голову к кому-то за спиной:

— Ешьте.

Ева Меркачева

ПУТЕШЕСТВИЕ В СКАЗОЧНУЮ ИОРДАНИЮ

Решение поехать именно в эту страну родилось в одно мгновение. Человек, которому я доверяю всей душой, сказал про Иорданию всего пару фраз, и я почувствовала — мне сюда! И я даже специально не стала интересоваться, какая там политическая обстановка, природа-погода, потому как знала, поеду несмотря ни на что. Местечко для отдыха под городом Акаба выбрала примерно также — увидела на фотографии необыкновенной красоты небо над местным пляжем, и все остальное уже было не важно. Думаете, легкомысленно? А я вам скажу, что нам всем надо почаще отключать логику и ум и доверяться сердцу. Все самое чудесное в моей жизни происходило когда я делала именно так. И когда я летела в Иорданию, мне казалось, что отправляюсь в сказочное путешествие. Так и оказалось — уверяю вас!

Итак, я в Иордании. От аэропорта в Аммане до Акабы нас вез водитель-иорданец, сносно говоривший по-русски. Оказалось, учился в Белоруссии, жена у него — русская. Все дорогу о ней рассказывал: какая Света замечательная, как вкусно ему суп готовит и т.д. и т.п. Когда звонил ей, неизменно начитал разговор со слова: «Люблю». Безумно трогательно.

Пока ехали нас несколько раз остановили местные «гаишники». Но ни разу не проверили у нас документы даже на таможенных постах (а их там полно, поскольку Иордания граничит с тремя странами — Египтом, Саудовской Аравией и Израилем). Как только слушали слов «рус», пропускали без разговоров. Иногда и говорить, что он везет русских, водителю не приходилось — «гаишники» догадывались об этом сами, поскольку из нашего микроавтобуса сильно пахло алкоголем (устоять перед дьюти фри не все смогли). Иорданские полицейские обязательно махали рукой и расплывались в очаровательной улыбке. Русских иорданцы любят. За что? Они почему-то считают, что мы похожи с ними характером. Темпераментом. Может быть. Как бы там ни было, заслышав русскую речь, нам почти везде в Иордании улыбались так приветливо и так искренне, что это вызывало ответное доброе чувство. Оказалось, что русским в Иордании открыт путь даже в места, куда других туристов не пускают. А вот американцев здесь не жалуют. И англичан. Если остановят их машину — перевернут все в ней и самих проверят-перепроверят.

Полицейские

О них все-таки хочется еще рассказать отдельно. Их в стране много. Почти как у нас, но... Здесь стражи порядка все с высшим образованием (это обязательное условие). И взяток не берут. Как сказал таксист Ради — если нарушил правила, полицейский может просто отпустить, но денег не возьмет, потому что об этом станет известно (типа водитель расскажет соседу, тот другому — а город маленький, все друг друга знают) и тогда его имя внесут в базу данных и он нигде не устроится на работу. Вот бы нам так! Многие полицейские стоят на постах с оружием. Или даже возле огромного Хаммера с пулеметом на крыше. Как я поняла, все эти меры безопасности для того, чтобы не пропустить террористов. Иорданцы гордятся тем, что их страна сейчас одна из самых спокойных и потому не расслабляются. Установили металлические рамки на входе в каждый отель, к примеру… Преступности в стране практически нет. Это удивительно, но вы можете оставить сумку на улице и ее никто не тронет. Уроните кошелек, вернетесь — он будет лежать на своем месте. Ну, если только его цыгане не подберут (а они даже здесь есть и их иорданцы не любят).

Вода, бензин и не только

Вода здесь — огромная ценность. Ведь большая часть страны — пустыня. Потому казалось бы бутылка воды здесь должна стоить безумно дорого, но нет — примерно 50-70 центов, то есть точно не дороже чем у нас. Иорданцы платят за коммунальные услуги, включая воду на семью (из 5-7 человек) за три месяца (им квитанции приходят 1 раз в 3 месяца, а не ежемесячно) примерно... 50 долларов! Так позаботилось о них государство. Когда они слышат про наши тарифы за коммуналку, искренне изумляются. Притом что средние зарплаты у них больше, чем у нас (не считая Москву). Бензин стоит в районе 1 доллара за литр. И опять же это притом, что нефти в Иордании нет. Ни нефти, ни газа, никаких других ресурсов. «Это удивительно, в России все есть! И воды у вас сколько угодно, а вы за все это платите во много

раз больше, чем мы!» — то и дело восклицал гид Махмуд Васеф. А налоги, между прочим, у нас примерно одинаковые: Иорданцы платят в конце года 12% от своего заработка. Деньги эти идут исключительно на медицинское обеспечение и пенсии.

Трассу через пустыню от Аммана до Акабы проложили примерно полвека назад. Дорога ну просто идеальная. За 400 км ни одной ямочки-ухабины. Мне даже обидно стало: когда проезжаю из Москвы в Брянск, те же 400 км подвеску машине приходится ремонтировать. А тут — пустыня и на тебе, такая дорога! И вся разметка снизу подсвечена, так что, как в компьютерной игре, с пути не съедешь даже темной ночью. Вообще забавно бывает смотреть, как остановившийся где-то на обочине бедуин разбивает себе что то вроде палатки и подключает к некой невидимой розетке (в земле она, что ли?) мини-холодильник.

Женщины Иордании

О них я готова говорить часами. Начну, конечно же, с одежды. Помню, в первое утро моего пребывания в отеле вышла к бассейну в шортах и футболке и обомлела. Там загорали (если так можно выразиться) девушки, укутанные в черное. Причем, на некоторых было что-то вроде плащей. Они расположились на лежаках будто и впрямь принимали солнечные ванны. Сверху плащей были обернуты пляжные полотенца... Видимо, что срам прикрыть, как пошутил кто-то из гостей-европейцев. Мужья и дети при этом были в плавках. Как никак сорокаградусная жара! Глядя на иорданок, снять футболку и «оголиться» до купальника было как то неловко даже. И я на полном серьезе долго размышляла как же мне окунуться в бассейн. Может сбегать еще за кофточкой? В чувства меня привели две европейки, которые «бессовестно» вышли в стрингах (у меня то хоть были плавательные шорты — я ведь знала, что еду в арабскую страну).

Уже на морском побережье наблюдала за иорданками. Закутанные в свои одеяния они плавали прямо так, но в …. маске и ластах. Выглядело это очень забавно. Но надо сказать, что в городе Акаба (а мой отель был неподалеку от него) многие женщины ходят почти как европейки, только с покрытой головой. Есть и с непокрытой (видимо «модницы», что приехали из столицы — Аммана). Никто камнями в них не бросался. По крайней мере при мне. Вообще иорданцы, как мне показалось, очень толерантный народ. Жестких требований к одежде женщины как таковых вроде бы нет, и считается, что это выбор каждой дамы и ее мужа. Но большинство придерживаются традиций. И кстати, иорданки не закрывают лицо. Если увидишь здесь женщину, укутанную так, что видна одна щелочка для глаз, то это приезжая из соседней Саудовской Аравии. И там как раз не очень-то терпимые. Один из мужчин, приехавший в Акабу на отдых из СА, очень возмущался, увидев русскую девушку (она из Екатеринбурга) в стрингах возле бассейна. Долго что-то объяснял персоналу отеля, но тот развёл руками, дескать, это ее право. В итоге «аравиец» обиделся и даже не вышел к ужину.

Мужчины-иорданцы, конечно же, безумно любят наблюдать за европейскими туристами. Точнее туристками. Ну где они еще увидят такое шоу с оголенными руками-ногами-плечами? А на море так вообще…. На нашем пляжном клубе было наверное два десятка охранников, спасателей, уборщиков т.д. В то время как туристов там купалось примерно столько же. Я так думаю — иорданцы работали там бесплатно, только чтобы посмотреть на женщин в стрингах. Но что интересно — смотрят они как-то... не пошло, а невинно— восхищено. После их многочисленных взглядов не хочется тут же помыться. Но вернусь к женщинам.

Мой проводник объяснил мне, что теперь женщинам без высшего образования и работы трудно выйти замуж. Не берут их… Так что теперь работают в Иордании уже 30% женщин (неслыханная цифра для страны, где это никогда не было принято). И мне посчастливилось увидеть женщину-полицейского!

И кстати, иорданцам разрешается иметь несколько жен. Но пользуются этой возможностью теперь не многие. Во-первых, дорогое это удовольствие. Во-вторых, спрос, повторюсь, на образованных работающих женщин, а такие не хотят в своем доме видеть конкуренток. Хотя я разговаривала с таксистом (вряд ли он много зарабатывает), который имел двух жен и собирался жениться на третьей. Уж не знаю чем он их привлекает? То ли берет себе самых бесперспективных (безграмотных и бедных), то ли тайна у него какая есть....

Петра

Побывать в Иордании и не увидеть Петру это... было бы кощунственным. Многие специально едут в страну, чтобы посмотреть на этот древнейший город, вырубленный прямо в скалах и считающийся одним из чудес света. Чудо оказалось не дешевым — входной билет в город, охраняемый ЮНЕСКО, стоит 70 долларов. Чтобы попасть в него надо преодолеть несколько километров пешком через ущелье, которое, по легенде, образовалось

от удара посоха Моисея. Посох был кривой, а потому дорога, идущая через ущелье, тоже кривая. Самые болтливые и самые пессимистичные люди, идя под сводами стометровых скал, закрывающих небо, умолкают и их лица не могут скрыть восторга. Все дорога украшена остатками от древней мостовой и наскальными барельефами. Проводник подвел нас к двум выемкам в скале — оказывается, это места для жениха и невесты. Здесь совершался обряд бракосочетания. Считается, что постоять в выемке— хороший знак. Мужчинам в тот день не повезло: место жениха занял скорпион. Зато место невесты было свободным, чем все, включая меня, воспользовались)). По дороге проводник Махмуд учил меня местному языку. Мне особенно понравилось «мархаба хаяти», что означало— приветствую тебя, моя жизнь! Тут к нам приблизился на лошади бедуин, предложив проехать до центра Петры за 2 динара. Я весело крикнула ему: «Мархаба хаяти», от чего он чуть не упал с лошади. С другой стороны подскакал другой бедуин на верблюде с таким же предложением и получит в ответ все тоже : «Мархаба хаяти». На этот раз даже верблюд споткнулся. Наш проводник деликатно попросил меня больше не говорить так, иначе сюда вскоре съедут вся все местные бедуины. Оказалось, приветствие «хаятие» адресуется исключительно возлюбленному. Жаль!

В самое Петре туда-сюда шныряли дети бедуинов. К моем позору четырехлетние ребятишки говорили по-английски лучше чем я. Впрочем, это касалось всей нашей компании, по— английски мы хорошо только улыбались)). Вообще бедуинов в Петре полно. Местные власти одно время попытались выселить их оттуда, но гордые потомки народов, живших в Петре веками, не сдались. Так что и сейчас многие здесь живут, ночуют прямо в пещерах.

Через пару километров я поняла, что меня преследует маленькая бедуинская девочка лет 8. Куда бы я не шла, она следовала за мной как хвостик. Сначала она предложила купить у нее открытки с видом Петры, а потом просто молча ела меня глазами. Я на скалы, она за мной. Я в пещеры — она рядом. Наконец я не выдержала и спросила по-английски, дескать, милое дитя, что тебе нужно? В голове при этом промелькнули разные мысли, в том числе — уж не удочерить и забрать ее в Москву она сейчас попросит? Но девочка просто сказала, что никогда не видела такой, как я. Что я ей понравилась. И подарила мне деревянные бусы, после чего исчезла, будто с чувством выполненного долга. Я растрогалась. Милые бедуинские детишки!

Тем вменением ко мне подошел немолодой уже бедуин в странной форме (то ли охранника, то военного) и попытался продать древнюю монетку за 10 евро.

— Неужто настоящая?— спросила я у проводника.

— А, — вздохнул он.— Может и настоящая. А может и китайская подделка. Настоящих тут на самом деле навалом. Только на выходе, коль у вас ее найдут, в тюрьму посадят. И этого бедуина тоже.

Ну и ни надо мне никакой старинной монетки. А вообще всяких сокровищ в Петре, судя по всему, несметное количество. Но реально вроде бы их никто не находил (монетки не в счет). Раскопки ведутся не активно. Мы с сожалением вздохнули — сюда бы металлоискатель хороший…. Но вынести, наверное, что-то отсюда не реально — город снаружи серьезно охраняется и просматривается видеокамерами. Впрочем, не верю, чтоб тут не было лазеек — в горах-то! Любой бедуинский ребенок наверняка знает все тайные тропы.

Бедуины прямо на земле выложили какие-то черепушки, фрагменты костей, красивые необычные камни — вроде бы все это древнее и найдено тут. Но спросом у посетителей это не очень пользуются. Тем более что камни можно самим поискать. Я нашла несколько и привезла в Москву. Один всегда ношу с собой. Ведь в современном мире нас кругом окружают в основном искусственные вещи. Из-за этого как будто теряешь связь с землей, с основой, с мирозданием... А когда трогаю этот камень, которому миллионы лет, будто силу получаю и смотрю на многие вещи во вселенском масштабе что ли.

Очень сожалела, что не было возможности остаться в Петре на ночь. Официально делать это туристам не разрешается. Но, думаю, если спрятаться в какой-нибудь пещере, никто и не найдет. Мне кажется ночь, проведенная в таком волшебном месте, может наделить человека мудростью и придать силу. Но это кому как, наверное, просто я романтик. И как раз для того, чтобы провести здесь ночь, обязательно вернусь в Петру! Все-таки — без металлоискателя. И кстати, на то, чтобы обойти всю Петру и заглянуть хотя бы в половину дворцов, надо три дня, не меньше.

Итак, их нравы

Что поразило больше всего — портреты короля и его сына. Везде. Они не только на общественных зданиях или внутри них, что вы. Портреты на входе в гостиницу, на магазинах, в ресторанах и т.д. и т.п. Некоторые портреты кажется просто гигантскими — по 2 метра шириной. Так что Путин и Медведев со своими портретишками в чиновничьих кабинетах отдыхают.

Иорданцев вешать портреты короля, разумеется, никто не заставляет. Они делают это по собственному желанию, потому что, как говорят сами, очень уважают своего правителя. Ни один из местных жителей, с которым я общалась, не отозвался плохо о руководстве страны. Они гордятся тем, что у них, не имеющих собственных запасов нефти и газа, бензин стоит столько же, сколько в России (а не так давно цена его вообще была копеечная благодаря тому, что король договорился о поставках нефти с Ираком). Что у них, живущих в пустыне, вода не дороже чем в любой другой стране. И я не знаю на сегодняшний день ни одного другого народа, который выходил мы на митинги не с протестами, а в… защиту своего правительства. Чтобы поддержать короля и выказать дань своего уважения. А тот действительно старается для них. Недавно, к примеру, смог договориться с правительством Саудовской Аравии и обменять часть пустыни на побережье. Теперь на перешедшей к ним длинной береговой линии появится целый ряд шикарных отелей. Иорданцы очень рассчитывают на развитие туристического бизнеса.

Пустыня

Я влюбилась в нее с первого взгляда. Не передаваемое ощущение свободы. Только ветер, горы и песок. Успокаивает, нет, умиротворяет. Я поймала себя на мысли, что если бы меня оставили бы прямо на трассе в середине пустыни, я ничуть не испугалась бы. Я восхищаюсь пустыней, а того, чем восхищаешься, невозможно бояться.

Будете смеяться, но собираясь в пустыню Вади Рам, мы взяли с собой кучу еды, воду, соки… Целый рюкзак набили. Думали — пустыня все ж таки, там всякое может случиться. И первое, что поразило — комфортная температура. В то время как в городе жара или холод, в пустыне всегда примерно + 25 и свежий ветерок. Кайф! Так что ни пить, ни есть там не хочется. Вади Рам отличается тем, что песок здесь красный и блестящий. И горы во время заката буквально сияют красным светом. Считается, что пейзаж здесь такой же, как на Марсе. Он и впрямь фантастичный! Мы лазали по горам, зарывались в песок, красили щеки красной краской, которая прямо внутри скал, медитировали на заходящее солнце и разговаривали с пустыней. Здесь легко и естественно достичь состояния внутренней тишины. И в этом состоянии можно чувствовать душу пустыни, задавать ей вопросы и получать ответы. Не верите? А вы попробуйте. А вообще проведя несколько часов

в пустыне, будто сбрасываешь с себя ненужный груз мыслей, программ и всего наносного, не соответствующего истинной природе человека. И мощь в себе ощущаешь просто непередаваемую!

Бедуины

Гордый, свободный и безумно нищий народ. Богатые бедуины, конечно, есть и я видела их шикарные дворцы, но их все же единицы. И кстати, многие из таких олигархов-бедуинов делают состояние на Петре (древнем городе, одном из чудес света). При въезде в город и даже внутри они открыли палатки, где торгуют всякой всячиной — от амбры до серебряных старинных колец. Цены просто запредельные. И у каждого бедуина есть даже аппарат для кредитных карточек. По словам нашего проводника, зарабатывают они по 10 тысяч евро в день.

Но основная часть бедуинов живут очень скромно. Правительство помогает им во всем. Так, дети, которые ходят в школу, получают провизию, которой хватает всей семье. Для бедуинов строятся дома, где те живут совершенно бесплатно. Поживут-поживут, а потом трогаются с места и освобождают жилье для других. Что их зовет в дорогу? Пустыня. Это какая-то магия. Но ей Богу, я их понимаю. В пустыне можно чувствовать себя свободнее, чем в многомиллионном городе с пластиковой банковской картой в кармане.

По дороге в Вади Рам, мы увидели одного старого бедуина. Остановились. Он принял нас так радостно, будто мы его дети или внуки. Живет он, судя по всему, один. Ну не считая трех верблюдов — один совсем маленький и два взрослых, но весьма облезлые. Так и путешествуют все вместе, с бочкой воды. J. Бедуин напоил нас травяным чаем. И я одна из нашей малочисленной группы (нас было четверо) выпила верблюжьего молока. Очень вкусно! Просто необыкновенно! И это для меня, которая не всякое коровье молоко пьет. Говорят, кстати, что верблюжье молоко очень полезно и даже излечивает некоторые тяжелые заболевания. Тот дедушка бедуин не говорил даже по-английски. Но нам и слова-то были не нужны. От него исходила такая благодать, что и не передать. Мне с ним было так хорошо, как ни с кем другим. Это будто встреча с гуру. И мне даже показалось, что во время нашей скоротечной встречи он передал мне частичку своей благодати. И я теперь не снимаю браслет, сделанный из камней пустыни, который он мне подарил на прощание.

Верблюды

Поговорив с иорданцами, я к своему удивлению узнала, что верблюд — недешевое транспортное средство. Стоит 3 тысячи долларов. А есть еще особые верблюды, которые участвуют в гонках — ну как спортивные машины. Их цена доходит до… 100 000 долларов. Почти как Феррари.

Виктор Молчанов

ЧЬЯ ВИНА?

По-однажды вечерком, посовместнейше с чайком и малым свечным огнём, с почаёвными гостями, кои кружно восседали, важну тему обсуждали, ту, которую частенько ЗАПРЯГАЕМ в круг-дела. И хотя её не раз пословестно шлифовали, но, однако же, она, вновь к десерту прибыла, предложив для чайна ПРЕНЬЯ — необычны поясненья из небесна «словаря».

Суть её претакова: всяк причины вкруголя порождают превсегда (как известно издавна) препоследущи дела, от которых, кой-когда, настроенье ниже дна. Появилась вновь она после краткого СКАЗАНЬЯ нек художника-дружка, коей в эти времена прибыл в местные края. А уж ежели точнее — о негаданном свиданье с модной дамой молодой, кою ранее видал средь ЭЛИТНОГО двора, в круге женского «суда».

Кратка суть слоён-сюжета в том обсказе так текла: «Пред приходом вот сюда, знатной улицей идя — в храм Ириненский зашёл, в коем ранее бывал, в середине сентября. Заходил в него тогда — безусловно неспроста, а с особой внешне целью, на которой настояла предыдущая мысля, ТА которая пред этим ЗАСВЕТИЛА след последства всяк того, что опосля.

И хотя означность та — и банальна, и проста, но вот именно она, в тот осенний, тёплый вечер ПОЖЕЛАЛА, чтобы я, не явивши поясненья — искривил бы прежних ход и свершил бы поворот в по-соседний правый двор, в коем дружно обсуждали событийные дела.

Повинуясь странной мысли, что влекла меня туда, в тот же миг свернул туда. Так вот там, внутри двора тихой улицы жилой (кою Энгельсом назвали, будто в прежни времена здесь живал сией герой) важна домика элитна 31-ва жил-числа, группа женщин громыхала, раз за разом извергая возмутительны слова.

В самом центре, во внутри полногрудого собранья ХРУПКА женщина стояла и на кружные вопросы ПОЛплаксиво отвечала, ибо — в трауре была. А бригада поокружна, та что новость обсуждала, разны версии слогала, и притом любая дама, та что мненье выдвигает — местным ПРАВОМ обладает. Да ведь каждый из субъектов: мысли, действа иль явленья — в соб. манере понимает.

Ну а та приватна частность, о которой ХОР вещает — окончанье жития умна химико-истца, коей в следстве соб.паденья в новом месте уж живает. А причиною сего послужила быто-данность, та, которую житейски по-предметно каждый знает. И хоть схожа ситуацья, зачастую в зимне время лик являет, но, однако же, порой, и в иные времена явность близкая бывает.

Так от тех, кто явь знавает, в отношеньии конца хим.научного бойца — осознал лишь саму малость, ту котору дамский круг в разной форме осуждает. По-детальность в час конца — так картину сослогает: средь асфальтовой тропы в позе важной (ПОЛУпьяной) возлежал весьма вальяжно неДОеденный банан, чьи кудрявые ОБЛОЖКИ (мягки, скользкие одёжки) путь-дорожку украшали, по которой кое-кто в нужно место шаг верстает.

В это время на лич.встречу, с той банано-кожурой спешной проступью шагает тучный, зрелый человек, коей с модною женой и к тому же молодой, в этом доме — год живает. И хоть возраст у него, как те женщины сказали, лет 55-ти, но его прекаждо утро — млад подруга провожает. Он в прекрасном настроенье, как бывало превсегда, в институт свой поспешает, где особую ДИЛЕММУ, своим умным мат.ХИМ.знаньем — по заданью разрешает.

В тот момент в руке «порханет» чёрный, модный саквояж, в коем много твор-страниц, на которых, превсегда — РЕЗВЫ мысли размещает, а затем в исходе дня их по-свойски сопрягает. Он — премногое знавает, но о важных ПУСТЯКАХ постоянно забывает. Да когда шаги слагает, то свой острый оптик-взор, при посредстве стёкло-ШОР — в даль далёку посылает и тем самым низ тропы никогда не замечает.

Ну а это и понятно, ибо именно тогда его тайная мысля — ХИМ.задачу разрешает, а моднючая обувка, в те же самы времена малы метры измеряет. И конечно же тогда, в хим.научной голове, как спознал я опосля — глав. ЗАДАЧУ завершал, ту которую решал. Видно средь вихров-кудрей его серого ПОЛКА, совершенно негаданно тайный ядерный процесс: оборотный, ДВУХсторонний, о котором он мечтал — свой реаль-сигнал подал.

Суть сию я так спознал: средь мозгов его кудрявых — вдруг процесс обратным стал. Знать тем самым УМНИК сей — завершение свидал, той работы, что ваял. Знать в этот миг сией знаток след задачу разрешал, о которой лично мне, в сей же день, но тайно, в СНЕ — в краткой форме нашептал.

В тот момент, как сообщал — он об этом размышлял: «Как сложнейший ХЛОРсостав, 8-ой матрицы особой по-предметно съеденить с 5-ой функцией обратной Х-со ртутной кислоты, той котору, ирреально — в соб.мозгах уже создал.»

Вслед за этим, в заключенье — о итоге рассказал. «И вот ежели б удалось эту явность содиять, можно было бы вослед, чрез три черёдо-хода шахмат-партии химичной, кое-где, на сей земле взрыв-ВОЛНУ вокруг создать, коя тут же, вкруголя — огне-пыхи содияет. А уж ежели вернее, нека АКЦИЯ обратна: поокружно, посовместно — ВЫДОХ-вдохи вкруг сверстает.»

Помолчав секунды три, сообщил о след реали, что причинно полыхает, за которой, в след момент, как полично понимает, он попал в особ подвал, где подземна ИНсемья — к новым играм приглашает. Поясняя след мышленье — он об этом вспоминает: «В тот момент, когда свидал оконечный ХОД-сигнал, вдруг пред ЗРЯЧИМИ мозгами заявилась тайна стать, та что ход очередной — сделать мне на разрешает. А конкретика сия — так реальность освещает: как лишь только в голове слово ЭВРИКА вспорхала, чьё значенье каждый знает, в сей же раз моя нога, двинув в сторону себя, вслед предметно наступает — на кожурку от банана, коя ХОД свой сордияет.

В тот же миг, одновременно — местно следство лик являет. Моя мысле-голова, к возмущению меня, на бетонное изделье, то что СБОКУ проживает — ПРИземление свершает. И вот с этого момента, к огорченью меня в сей же раз та мат.ХИМ.ясность, что до этого была, враз сбежала в никуда, и та серая ОРДА боле уж — не размышляет.» На сей фразе шёпот сник и сокрылся призрак-лик, и тогда-то в тот же миг — вдруг спознал приватну данность, ту котору УМНЫЙ станник ко вниманью предлагает.

То, что с ним происходило — это явно следство было, чьё ЛИЦО, причём всегда, ПРЕДпричина порождает. Это та, что завсегда — не случайною бывает. И вот ежли явность та, о которой сказ вещает, вас к ДОзнанию склоняет, то теперь, чтоб связь понять — вслед второй сюжет шагает. В нём та пара неразлучна: нек причина и последство — ЯВНОСТЬ связки поясняет.

А конкретика сия — неспроста себя являет. Проявилась же она, вот тогда, когда в главе засветилася мысля (коя вновь сюда звала) и притом, как понял я, сей позыв из далека — по-причинно пребывает. Ну а так как кое-кто в данно место приглашает — в тот же миг сюда отбыл, ибо ГЛАС отсюда был. Вслед, когда чрез времена я к Ириненскому храму мерным шагом подходил — вдруг в него я поспешил. Да как будто сам Творец — в храм специально пригласил?

Это было чрез неделю, после случая несчастна, о котором во дворе, от грудастого СОБРАНИЯ, правда, только очертанья — к пониманию «пришил». Вместе с этим, за одно, ту мадам, что во внутри в чёрном трауре была (хоть сам облик макияжный для вдову не подходил) — в личну память запустил.

В тот момент, когда я к храму обозримо подходил — день вечерие кроил, но при этом солнце-свет вход лучами золотил. Вслед, когда я повернул в переулок поимённый, вдруг нежданно перед входом — ярку девушку узрил.

Да вот ту, на коей ране, на прощальном совещаньи по традиции старой — тёмный траур ЛИФ закрыл.

Удивление своё я мгновенно подавил и по-свойски поступил. След вопрос, что втайно всплыл, тут же, разом, удалил и приветливость свершил. Может, плохо поступил, но — соб.честью дорожил. В тот момент на деве той полыхал наряд иной, тот что в дамочке ЖИВОЙ: с яркой алою помадой и цвет-пудрою нарядной — её МОЛОДОСТЬ ершил. И вот именно тогда — следство-знаемость пришла, коя вслед, чрез ПОЛчаса, подтверждение нашла.

Дале дамочка сия, в свете солнечна луча, так увиделась тогда: очертания лица — СРЕДНЯ молодость жильца. За румянами истца можно было опознать, хоть скрывала явный возраст от рождения себя, за 30-тые года. Вслед за сим, когда мадам явно свидела меня, в след момент, без промедленья — тут же в данный храм вошла, пригласив туда ж меня. Следом дамочка сия, обойдя весь дом Творца — свечи нужные зажгла, по подсказке ЗНАТОКА, нек старушки, что худа. Да вот той, что свечи жжёны собирала вкруголя, дабы были бы места для последуща огня.

Осознав информ-права, дале дама подошла к означенной ИКОНЕ, о которой исспрашала у поместного живца. Вставив три больших свечи, пред указанной иконой, на которой писан Спас — поклонилась в ПОЛсебя. После паузы малой, повздыхавши, но слегка, вслед за этим дама та глав.Создателю, Творцу, высшу общему Отцу — сказ по-свойски послала.

И хотя моя глава любопытством не страдала, но конкретика ДОзнанья необычного свиданья, та, что серы кудельки самостийно возбуждала — всё ж к нек.действиям призвала. Так вот дале, опосля (чрез секундны времена), средь кадетов сер.полка негаданно заявилась партизанская мысля, коя в следуще мгновенье — повеленье издала.

К удивлению меня, в те же самы времена, по согласию с зададаньем, тем, что выдала она, ноги сами пошагали к даме модной, молодой, чтоб узнать о просьбе той, кою в Верх ниспослала. Но когда, через мгновенье, вдруг увидела меня, то сама, чуток попозже, вот когда послед ОТВЕТ понятийно осознала, через парочку секунд — СКАЗ по-свойский пред обсказала.

Наперва, чтоб явь реальна понимаемой предстала, ТО, что было до сего — в нужной форме описала. В данном случье её, на особое сказанье, то, которое послала — обозначенность толкала. Вот об этом-то она, чуть подумав наперва, рассказала опосля. Ну, а это и понятно, ибо дамочка сия обращение своё при посредстве трёх свечей и иконы не простой — не за зря в Верха спослала. Ведь она недели всю, от потери, что спознала — в свойской скорби пребывала.

В перву очередь она, поглядев вокруг себя с ГЛАВ.вопроса начала, так как данная утрата её планы поменяла. В сказе том мадам спрошала: «Почему мой умный муж в оконечны времена, да когда уже решалась ХИМзадача, что важна, как он знал наверняка — вдруг упал средь свето-дня и отбыл в ИНОкрая? И кому ж была нужна вот такая быт-беда? Кто ответит за деянье, то которо послужило стать почётною вдовой хим.практична знатока?

Да и как быть опосля, ежли он перед уходом РЕЦЕПТУРУ мне не дал той задачи, что решал, ту котору б — продала? И к тому ж не знаю я, вот на ком лежит вина: и потерю муженька, и последущу неявку мала денежна «мешка»? Но верней — оплаты СКРОМНОЙ за решение задачи ИНОтехно-вещества! А его мой муж равнял — с энергетико-ВОЛНОЙ нек космична образца.

Как же далее живать без РЕССУРСОВ бытия? Ведь пред этим у меня по-предметная житуха чуть успешнее пошла, чем до этого была. След успеху бытовому — нек причина помогда, о которой я узнала от любезна близ дружка. В предыдущи времена, как узнала я тогда, потаённый здешний Шеф, тот, что явну цену знал местна быто-жития, выдал нам, по договору нужный денежный аванс на житейские дела. Безусловно неспроста, а чтоб наша бытовуха — ярку РАДОСТЬ обрела. И вот именно тогда — ПРЕиная жизнь пошла.»

Вот такой обзоро-спрос ниспослала на верха модна «творческа» жена ХИМнаучна продавца и к тому же, персонально всеобъемлюща Творцу, пред которым, преспециально — ТРИ особ свечи зажгла. После явна описанья тайна мысленна сказанья вновь взглянула вкруг себя, а затем, весьма нежданно, стала свойски боязливо об ОТВЕТЕ сообщать, том который «шепотком» сообщала, полыхая светононая братва, та котору пред иконой запалила неспроста…

Препоследуща черёдность, как свещала дама — тут же следом прибыла. Лишь окончила опрос, коей слала в Высока, в резиденцию Истца, вдруг за сим, через мгновенье УСЛЫХАЛА по-ответно пояснительны слова ЗАнебесного Отца. «Ты ж не знаешь всё и вся! Да того, чего жилец — сослогал у те времена! Ну, а чтобы всё ж в тебе понимаемость взошла — вспомни явность зем.житья. «Человек лишь полагает, но однако ж только Бог — кажду ЯВЬ определяет, ту котора быть должна.»

В отношеньи муженька, коей умным слыл тогда, ситуация ЗЕМНАЯ — к финиш-старту подошла. Он в те самы времена был на пике ХИМоткрытья, вот того которо Шеф потаённа жития (ПРИземлённый голова) в предыдущи времена ему свойски поручил и причём аванс вручил, дабы ВКУСНОЙ

жизнь была. Правда он совсем не знал о значении черёдном повозвратна ХИМгонца (втор-проявленна движенья энгергетико-бойца), коей в ХОДЕ лич.себя на сей тверди отдалённой — враз уволил бы живца.

А подобного ЯВЛЕНЬЯ, без решения меня — допустить не смею я. Ведь тогда твердыня вся превратится за года в нек «пустыню» без лица, на которой будет вновь — лишь СОЛЁНАЯ «вода». Ну, а зная наперёд сокровенные дела приземлённого КУПЦА: и его прогматну стать, и особ РЕКЛАМНУ страсть враз совместно повязал поокружну НУЖНУ рать, чтоб их тайна череда дале б к следству привела. О, да, да, ведь это я, в предыдущи времена съеденил в ЕДИНУ цепь круг-причины и последства в отношеньи не рожденья обратима ХИМвенца. Знать на финише была — жизнь научна знатока.

Если точность вам нужна, чтоб означилась вина СОучастника полична в отношеньи увольненья ваша мужа-земляка, то могу дать краткий список, тех, кто явственно причастен к финиш-ТОЧКЕ оконечной ваша умного дружка. И хотя в букете общем разноликая толпа, но явлю — лишь три лица. А начну я с далека, где банановый НЕАХАЛ жизне-спелость набирал.

Наперва «виновен» в сём житель Месамериканский, тот, кто этот плод сорвал, а затем, при след паковке его малость поломал? Но быть может — Федя, школьник, тот который в это утро в свою школу поспешал? Да когда свой шаг ваял, вдруг нежданно, по желанью — с рюкзака банан достал, чтоб до школы пробу снял, ибо на ДОклассный завтрак он уже не поспевал.

Но когда сией малец кожуру с банана снял, во внутри его по-явно тёмны пятна увидал и с досады зрелый плод — сей дороге в дар спослал. Ну а ежли всё ж не он, то тогда ВИНОВЕН в сём — здешний дворник, важный Вася, коей улицы «ровнял»? Он в звене — последним стал. Это он дизайно-ДАР, что по ходу повстречал, по-причинно не убрал. Обща явность — той была: дворник Вася, к удивленью настроенье потерял, пред началом трудо-дня.

А причина поведенья — быт-житейска и проста. К превелику огорчению, путь-дорожного творца, да к тому же с утречка, его полная жена, зная вкусы муженька, вместо мягкой колбасы ему к завтраку дала — только два КРУТЫХ яйца. Он поэтому, тогда, чрез размерны времена, вот когда ПРОход свершал — о колбаске вспоминал, кою кошка, кличкой Нюра, утащила со стола. Ну а так как голова поминанием «жила», то асфальтова тропа — без внимания была. Вот метла только ПРАВУ часть мела, ту что — чистая всегда.

Перед вами, только что, лик сверстали ТРИ лица, чья конкретная вина обозначенно видна. А поскольку дан задача для решенья не сложна, то — кого же всё ж СУДИТЬ за скончанье муженька? Иль кого-то — с тех ТРОИХ, или, может быть, меня? Но однако до того, как поймёте, чья ВИНА — соизолю всё ж сперва осветить секрет дела. Это те, что быть могли в почерёдны времена, если б муж ваш не упал и по-свойски ДОрешал обратиму ХИМзадачу для ПОДземна вожака.

И хотя реаль сия для премногих не видна, но однако знаю я ту мечту, что вам — важна. Прелюбая ваша мысль, коей не была б она, для меня — ясна, видна. Лично вы, как знаю я, в эти траурные дни — лишь жалеете себя. Да ведь вы же, в размышленьях — прагматичны постоянно в отношеньи местной ЯВИ и дальнейша бытия, ибо вы не получили ГЛАВ награду для себя.

Мысль ваша такова: «Гибель мужа, к сожаленью, неожиданно пришла. Ему надо бы, сперва дорешать ту ХИМобратку, что заказана была, а потом уж, опосля, чрез день иль даже два — отбывать в ИНОкрая. Ведь теперь подзем КАЗНА, та, что щедрою была — ей не выдаст ни шиша. И кому она нужна, без РУБЛЁВА тиража?»

Это так и мысле-ДРАМА — понимаема сполна. Вы ж уже не раз мечтали о реалях след житья. И соб.домике удобном (двух-этажном, но достойном), и о ёмком гараже (хоть ПОДпольном, но просторном), и о САДЕ «огородном», где б по центру, за кустами, среди пластикова «рва» — веселилась бы вода. Так при этом, непременно, с лич.водителем дородным (молодым, причём ядрёным), в одеянье ныне модном, тот что следом ПРИголубит за особые глаза.

А поскольку дан мечта вас «дразнила» издавна, то принять сей ХИМпроект от богата Главаря, чтоб могли бы обрести: домик, сад, прислугу бойку и машину внедорожну, и конечно быт-дела — вы специально попросили ваша умна муженька. Ну, а так как практик-химик был влюблён, как никогда, то сией проблеме тайной — посвятил всю кладь ума. Но когда уж оставалось только ТРИ малых «шажка» (потому что пред мозгами увидалася появно его ФИНИШНА черта), в те же самы времена его левая нога, совершеннейше случайно — заскользила в далека. А за этим, как всегда …»

В этот миг любезна дама монолог свой прервала и крутнувшись в ПОЛ-себя — взгляд свечам ниспослала, тем что ранее зажгла. Вслед взглянув на ту икону, пред которою стояла — развернула вновь себя, устремив свой зоркий взор в мои светлые глаза.

Видно дамочка сия, подтверждение НАЙДЯ предыдущему ответу, коей выдали Верха моё мнение спрашала в отношеньи того, что она перевела. Ну, а так как сей ответ философска образца всем известен уж века, ей в ответ явил СЛОВА, кои помнил превсегда.

Безусловно не зазря, а чтоб ТО определенье, кое данность поясняет — в понимание ввела. «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И не одна из них не упадёт на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены;…» Евангелие от Матфея (гл. 10; строка: 29, 30.)

В дополнение к сему, я поставил пред иконой свою худеньку свечу, как полично подтвержденье Мирвоззренье бытия. Ежли более точнее — здешня НЫНЕ проживанья и поличного деянья в ходе кратка жития. Но лишь только произнёс всеизвестные слова (изречения Христа) подтверждающи ответ, тот который с Высока ниспослал Отец сюда, в в сей же миг мадам сия — крив-улыбку послала в направлении меня.

В след момент, взглянув в низа повернулася вкруголя. Не взглянувши напоследок на три вещих свеч-огням, вслед поспешно семеня — к боко-выходу пошла. И хотя сию мадам осуждать не смею я, но однако же она — удивила тем меня: перед выходом из храма — до свиданья не сказала местну дому глав.Отца, где до этого была.

Может данная картина, что застряла средь УМА, быт-деталями житья: и вседневна, и проста, но её объединяет — ЦЕПЬ деяний вкруголя. Так вот если тайна связь: меж причиной и последством, вам, умнейши господа — и знавама, и ясна, то вослед, при соб.желанье вы попробуйте ответить на вопрос, что даме той задавали Небеса. Да приватного конца её умна муженька, ХИМпрогматна знатока. Спросо-явность такова: Кто виновен? Чья вина? Не виновна ль в этом дама, коя — к следствию вела?»

Вот такой объёмный сказ чай-пришелец рассказал и тем самым, важну тему к размышлению подал, хоть она не раз, не два — обсуждалась в вечера. А когда, чрез времена, на дороге, у двора уж затихли голоса, и на дне старинной чашки оставалось два глотка…

Лидия Панина

ОТБЛЕСК ЯНТАРНОГО СОЛНЦА

Кончалось лето. Его пряный аромат будоражил душу. Лаура быстро шла, боясь опоздать на встречу. Знакомая сегодня вечером уезжала в город, где жили её родители. Она хотела передать подарок ко дню рождения мамы. Встреча была назначена у гостиничного комплекса. Девушка не любила толпу, всегда терялась в ней. Здесь было много народа, поэтому, увидев в некотором отдалении скамейку, чтобы никому не мешать, она присела и стала ждать.

Мимо проходили незнакомые люди, толпа менялась, но ту, которую она ждала, среди них не было. Прошло около часа, она стала понимать, что уже никто не придёт. Было обидно. В этот момент её внимание привлекла компания мужчин, остановившихся напротив. Их было трое. Высокие, стройные, в светло-серых костюмах, они очень приятно смотрелись, от них словно исходил свет романтики.

Лаура уловила себя на какой-то потаённой мысли: «Вот это настоящие мужчины, как должно быть счастливы женщины, которых они любят». В этот момент она увидела глаза, которые внимательно рассматривали её. Лаура застеснялась. Решила, что молодой человек догадался, о чём она сейчас подумала. Девушка смутилась и покраснела.

Но Амур уже выпустил свою стрелу, и она плавно устремилась в её сердце. «Боже, что со мной?» — подумала она. У неё закружилась голова, чистая волна нежности заполнила всё её существо. Она опустила голову и боялась её поднять. Молодой человек, словно понимая, что происходит с девушкой подошёл и приветливо спросил: «Вы ждёте кого-то?» Лаура не узнала своего голоса, такой тихий и робкий, что понять слова: «Уже нет» — было невозможно.

Он понял её волнение и больше ни о чём не спрашивал. Несколько минут они молчали. Лаура успела успокоиться, подняла голову и опять встретилась с его любующимися ею глазами. Этот взгляд успокоил её, и совсем незаметно их молчанье перешло в спокойную, ненавязчивую беседу. «Можно узнать ваше имя?» — «Лаура», — ответила она. «Никогда не встречал девушку с таким красивым именем. Оно прекрасно, как и вы», — попробовал сделать комплимент молодой человек. Он с большим интересом слушал всё, о чём она говорила, и охотно отвечал на её вопросы.

Ей показалось, что она давно знает его, на душе было легко и радостно. Она не узнавала себя. Непривыкшая к мимолётным знакомствам, выросшая в строгих правилах поведения, она может быть, впервые наслаждалась этой мимолётной встречей.

Его друзья давно ушли, время быстро летело, заканчивался этот волшебный вечер, но они, поглощённые друг другом, забыли обо всём на свете. И только тогда, когда всеобщая ночная тишина накрыла их, осознали, что наступила ночь, настоящая, глубокая, тёмная. Все пространство, окружающее их успокоилось, площадь была пуста, не было ни одного прохожего. Двери метро были закрыты. Они стали заложниками ночи.

Лаура поняла, что не может сейчас расстаться с тем, кого только что обрела. Она теперь многое знала о нём. Он военный лётчик, с группой товарищей летит в Ливию. Там сейчас война. Они на несколько дней остановились в Москве, для получения последнего инструктажа. Живут в этой гостинице, через два дня улетают.

В душе Лаура обрадовалась встрече, но всегда думающая о том, что скажут окружающие, она в первый момент растерялась.

Ей казалось, что она никогда не встретит любимого, потому что, такого как она хочет, на этом свете нет. И вот, судьба нежданно, негаданно подарила ей встречу с совершенно необыкновенным человеком.

Лаура давно мечтала о сильном, мужественном, любящем друге. Они прогуляли всю ночь. Ночь пролетела мгновенно. Рассвет постепенно открывал не только их лица, но и сердца. Они загорались любовью. Утром Виктору надо было ехать на сбор. Расставались только до вечера, но ей казалось, что навсегда. В глазах были слёзы. Он успокоил её, быстро записал адрес, телефон, побежал к товарищам.

День проходил в тягостном ожидании, всё валилось из рук. В голове вертелась только одна мысль, придёт или не придёт. Она поняла, что панически влюбилась. Стрелки часов всё бежали и бежали вперёд. Вот уже восемь часов вечера, его всё нет. Она села за пианино, пальцы не слушались её. Набрала телефон подруги и тут же положила трубку. По щекам катились слёзы.

В этот момент раздался звонок. Неужели это он, ещё не веря своему счастью, быстро вытирая мокрые щёки, Лаура открыла дверь. На пороге стоял он. Красивый, стройный, и самый желанный человек на свете. Обнявшись, прижавшись, друг к другу сердцами, они долго стояли и молчали.

— Вот как бывает в жизни, дорогая, любимая, я так давно искал тебя, — прошептал он. Они сели на диван, молча, долго смотрели друг на друга, не выпуская рук. Не словами, а глазами о чём-то говорили и клялись. Эта ночь венчала их любовь. Они были счастливы. «Так не бывает, — думала она, — это нереально. Это — сказка». Она витала в другом, каком-то ином мире, где не было горя, предательства, измен. Ей ещё никогда не было так хорошо.

И хотя где-то далеко, в глубине души уже зарождалось предчувствие чего-то горького, но она прогоняла эти мысли, не давала им завладеть ею. «Потом, — решила она, не сейчас».

А сейчас она не могла насмотреться на своего любимого. Как же он прекрасен. Какие красивые черты лица, она гладила лоб, волосы, целовала глаза и нежно отвечала на его ненасытные поцелуи. В нём ей нравилось всё, от какого-то нового, непонятного, ещё неразгаданного, но безумно манящего мужского запаха его тела, до синего цвета его глаз, тихого ласкового голоса.

Наступало утро нового дня, ему снова надо было спешить на учёбу. Но, теперь она точно знала, что вечером он непременно придёт, ведь это их последний вечер. Проводив его, она села в кресло, укуталась тёплым пледом, закрыла глаза и вновь почувствовала его руки, объятья, прикосновения, словно он никуда не уходил. Так она долго сидела, пока зарождающаяся в сердце тревога не подняла её с места.

Оставшись одна она, вдруг, со всей ясностью поняла, что завтра утром он улетит туда, где идёт война. И хотя, он сказал ей, что это совсем не страшно, что наши лётчики летят как инструкторы, что в военных действиях они не будут принимать участие. Но она всё понимала. Сказать большего он не мог. Сам он из Прибалтики, живёт в Риге. Очень любит море. Часами в свободное время любит бродить по пустынному берегу и смотреть, как оно меняется в различное время суток. Ещё любит собирать янтарь, который иногда во время шторма выносят волны. «Небо и море — это моя жизнь», — говорил он.

Она хотела знать о нём всё, но ни о чём не спрашивала, боялась испортить счастливые мгновения. Как будто понимала, что его ждёт впереди. Она хотела, чтобы он отдохнул, снял накопившееся напряжение. Раздался звонок.

Три огромных букета хризантем закрывали лица. Он пришёл со своими друзьями. Вот почему он спрашивал, какие самые любимые мои цветы. — вспомнила она. Свежесть, исходящая от этих перламутровых крупных шапочек, вселяла такую нежность и радость, что у неё вновь закружилась от счастья голова. Она любила эти цветы, ей всегда дарили их на осенний день рождения. Но где же он достал, ведь они продаются только поздней осенью, а сейчас первые осенние дни.

Сильные, весёлые, красивые, смешные, они принесли в дом столько радости, что она не могла поверить, что это происходит сейчас здесь, в её доме. Хризантемы наполнили пространство пьяным ароматом, она боялась, что сердце выскочит от счастья. Веселились, пили шампанское, наперебой

рассказывали, каждый про себя, смешные истории, как будто завтра им не предстояло неизвестное. Друзья ушли, Лаура и Виктор остались одни.

Виктор был молчалив и серьёзен. Он взял её руки, поцеловал по очереди одну, другую и заглянул в её глаза. Знаешь, сказал он, для меня наша встреча не просто встреча, для меня эта встреча — судьба. Я очень хочу, чтобы ты не забыла меня, я постараюсь вернуться. Он посмотрел на часы. Тебе пора? Встревожилась Лаура. Нет, что ты, у нас ещё есть три часа. Ведь это целая жизнь, с какой-то затаённой грустью промолвил он.

Виктор снял с руки часы, красивые, большие, современные. На них был браслет, но не такой, обыкновенный мужской какой видела она раньше. Это был браслет, сделанный из янтарных отшлифованных пластинок, скреплённых тоненькой резинкой продетой снизу и сверху в просверлённые крошечные отверстия. На каждой из них выделялись по четыре маленьких треугольника. Отражаясь друг от друга, они сияли.

— Это очень красивый браслет, — сказала она. — Откуда он у тебя?

— Я сам сделал его. Янтарь подарило море, остальное дело рук.

Лаура держала часы с волшебным браслетом. И хотя на дворе была уже тёмная ночь, но он весь светился золотым светом.

Виктор взял в руки часы и медленно стал снимать браслет.

— Что ты делаешь, — взмолилась она, — не надо этого делать, прошу тебя.

— Я хочу, чтобы ты помнила обо мне и хранила этот браслет. Это частица меня, я буду знать, что он оберегает тебя. Ты будешь ждать, и я обязательно вернусь. Там, высоко в небе, я часто думал о том, что этот огромный мир без любви ничего не стоит. Мне так не хватало тебя. Свои часы я положу прямо к сердцу, в них будет слышен каждый удар твоего. Ты и в небе всегда будешь со мной.

Он вложил браслет в её руки, и тёмной ночью она увидела у себя в руках весёлые отблески янтарного солнца. Они, словно живые, сверкали, переливались янтарным солнечным светом. «Это светится его любовь», — подумала она.

Влюблённые не заметили, как пролетели три часа, но они всё-таки успели сказать друг другу самые главные слова. «Я люблю тебя, — тихо прошептала Лаура. — Будь спокоен, я буду ждать тебя».

«Я люблю тебя и обязательно вернусь. Жди». Прошло немало времени. Лаура ждёт…

Геннадий Панфилов

НЕОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Очередь в процедурную онкологического диспансера вытянулась в коридор. Виктор спросил, кто последний на укол. Ему указали на стоявшую у стены женщину в бежевом костюме. Он подошёл к ней, она подняла голову. Встретив её взгляд, он не стал повторять вопрос, сказал только: «Я за вами». Он понял, что она здесь в первый раз. Наверное, год назад у него было похожее выражение лица — смятенное, беззащитное, может быть, отчаянное. Тем не менее, Виктор отметил, что у неё красивое лицо, особенность которому придавали и умные серо-голубые глаза, и тонкий нос с маленькой горбинкой, и аккуратные, сжатые губы, и пепельно-серые волосы, прядь которых кокетливо падала на левый глаз. Невольно, с сожалением, подумал, что через месяц-два от этой роскошной причёски не останется следа.

— Вы последний на укол? — обратился к нему худой, высокий мужчина с измождённым лицом. — Скажите, что я за вами. Покурю.

Она проводила мужчину удивлённым взором и перевела взгляд на Виктора.

— Да, есть и такие, — предвосхитил её вопрос он. — Лечатся и продолжают курить.

— Нам долго ждать? — спросила она. Голос низкий, грудной, не для пустой беседы.

— В понедельник всегда долго. Сначала проходят на капельницу, потом — мы. Часа три, не меньше… А не скоротать ли нам это время в Царицынском парке? Благо — на машине недалеко.

Она нерешительно кивнула, и, предупредив занявшего за ними очередь мужчину, они поехали.

В машине познакомились. Виктор спросил, давно ли она была в парке. В последний раз, сказала, лет пять назад. «А вы?» — поинтересовалась она. «Год назад, — ответил он. — Был такой же тёплый октябрьский день».

— Вам чем-то запомнился тот день?

— О, да, — коротко сказал он.

Оставив машину у метро, они прошли в парк, миновали плотину, повернули направо и берегом пруда подошли к скамье около плакучей ивы.

Напротив, на островке, сиротливо возвышалось архитектурное сооружение в виде незавершённой арки.

— Похоже, тут у вас облюбовано местечко. Вы так целенаправленно вели меня сюда.

— Хорошо здесь, правда?

— Правда, — согласилась она. — Уютно. Это место напоминает мне китайские акварели.

На лёгкой ряби воды мирно покачивалась стайка уток. Не отрывая глаз от воды, Виктор сказал, что в прошлом году на этом месте простился со своей бывшей женой. Вспоминали с ней вместе прожитые годы. «Вам, наверное, интересно узнать, почему мы расстались?» — спросил он, не меняя позы. «Я догадываюсь», — ответила она. «Когда подтвердились симптомы моей болезни, — медленно продолжал он, — она резко изменилась. В её глазах, голосе, во всём облике появилась настороженность, обречённость, которая не исчезла, а наоборот, усиливалась с каждой неделей, с каждым днём. Работа у неё не клеилась, она стала нервной, раздражительной. Спали раздельно. И тогда я пошёл ей навстречу — предложил развестись». «Вы простили её?» — глухо спросила она после паузы. «За что? — искренне удивился он. — Она же художник. Мы начали дружить, когда она ещё училась живописи». «То есть школьниками?» «Ну да. Однажды в поисках натуры забрели в этот парк. В то время он был заброшен. Помните? Здания напоминали эту Арку-руину. Не раскрыв мольберта, мы ушли. Её живопись дышала, позволю каламбур, живостью, энергией».

— Понятно. Как писал Мунк в своих дневниках, искусство — род эгоизма. А сами вы кто?

— По профессии? Физик.

— Случайно не из той когорты физиков-лириков?

Улыбка ей шла. Даже очень.

— Имел грех, баловался, пока не понял, что Пушкина не переплюнуть.

— Ну, я скажу, у вас и амбиции! — коротко рассмеялась она и попросила его прочитать «что-нибудь из того, что не дотянуло до Пушкина».

Он перевёл взгляд на пруд. Пёстрый селезень нарезал круги вокруг отделившейся от стаи серой уточки.

Помедлив, прочитал:

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной

К себе меня влечёт. Сказать вам откровенно,
Из годовых времён я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашёл мечтою своенравной.

Она громко рассмеялась. Оказалось, за внешней серьёзностью в ней жила лёгкая, отзывчивая натура. Словно опомнившись, оборвала смех и тихо спросила:

— А дальше? Почему остановились?

Он не ответил. Глядя, как и он, на пруд, на арку, она продолжила:

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице ещё багровый цвет.
Она жива ещё сегодня, завтра нет.

Они долго молчали. На противоположном берегу порывом ветра сбросило с берёзы охапку жёлтых листьев.

— В самом деле, нет худа без добра, — наконец заговорил он. Повернулся к ней и спросил: — Саша, скажите, почему сегодня вы пришли одна? В первый раз, как правило, сопровождают.

— А вас сопровождали?

— Да, дочь.

— Никто из родственников и знакомых не знает, что со мной. Мама тоже не знает. Недавно она перенесла инфаркт.

— Простите за нескромность. У вас сейчас есть мужчина?

— Сейчас нет. Виктор, нам не пора туда?

— Туда всегда успеем. Ещё вопрос. Вам операцию делали?

— Нет. Сказали, сначала химия. Почему об этом спрашиваете?

— Надеюсь, вы имеете представление о химиотерапии?

— Наслышана. Побочные действия назначенных препаратов. Читала. А что делать? Чувствуешь себя агнцем, которого ведут на заклание.

Серо-голубые глаза её выражали растерянность.

— Два месяца назад я познакомился с замечательным врачом и человеком — тоже. То, что я узнал от неё и её пациентов, перевернуло моё пред-

ставление о медицине. Как считает Людмила Алексеевна, настоящим врачом её сделал Бутейко, его метод волевой ликвидации глубокого дыхания. В Бердске, где она после института работала в шестидесятых годах, она вылечила всех астматиков. Стопроцентное излечение — представляете?!

— Нет. Наверное, такие успехи не остались незамеченными вышестоящими организациями?

— Естественно. Облздрав четыре раза пытался уволить её с работы. Дальше — больше. Благодаря генералам Генштаба, которых излечила, она перебралась в Москву. Но и тут официального признания не получила. В Москве освоила известные методики лечебного голодания, народной медицины и др. Эти методики вместе с методом Бутейко дали у неё невероятный эффект при лечении сердечно-сосудистых, онкологических, коллагеновых заболеваний, то есть тех, которые до сих пор не поддаются официальной медицине. Среди её пациентов были известные люди — военные, артисты, художники, священники, чиновники. У многих из них, как у Блохина, она была семейным врачом.

— Блохин, кажется, умер от рака?

— Да. Гигантский центр не смог спасти хозяина. Та же участь постигла следующего директора, Трапезникова. Это о чём-то говорит, правда?

— Не возьму в толк одно обстоятельство. Вы рассказали про этого, скажем так, уникального врача. Я читала Брэгга, Уокера, Шелтона. Великие американцы. Они на личном примере доказали, что можно долго сохранять здоровье и жизненный тонус, обходясь без лекарств и отдавая приоритет растительной пище. Почему никто их не слышит? Я имею в виду не только чиновников от медицины, но и учёных.

— Ответ простой. Медицина стала бизнесом. Но проблема, мне кажется, глубже. Она в основах западной цивилизации, потребительском векторе её развития. Что касается медицины, она не рассматривает человека как единое целое. Благодаря современной технике какие-то успехи появились в диагностике и хирургии. И всё. Способности медицины красноречиво демонстрирует реклама аптекарских средств от живота, головы и так далее. Чем отличается современный подход от средневекового? Принципиально — ничем.

— Но есть микробиология, антибиотики.

— Стрельба из пушек по воробьям.

— А генетика?

— Разве можно вмешиваться в геном живого существа, не понимая, как устроен и функционирует его организм и на клеточном уровне, и в целом?! А это сплошь и рядом происходит. Не только искусство — род эгоизма. В большей мере это относится к науке.

— И к вашей?

— И к моей. В сущности, науки уже нет. В услужении у капитала она через так называемые гранты, а по сути, подачки, решает узкие, утилитарные задачи. Соответственно, утеряно и философское осмысление бытия. Действительно, кому нужна философия, мешающая спекулянтам править миром беспрепятственно.

— Вы скептик. Почему вы не пошли учиться в гуманитарный институт?

— В школе учился ровно по всем предметам.

— Почему вы у этого врача не лечитесь?

— У тех, кто прошёл химию или облучение, практически невозможно восстановить иммунитет. А лечение у Людмилы Алексеевны, по существу, сводится к этому. У вас же, Саша, есть реальный шанс.

— Почему мне вы это предлагаете?

Она сделала ударение на втором слове и посмотрела на него прямым, открытым взглядом. Он улыбнулся.

— Моя дочка, ещё малышкой, придумывала «почемучки». Такая у нас с ней была игра. Отвечу вам, Саша, не здесь. Давайте посидим в каком-нибудь уютном кафе или ресторане.

Давно не испытывал он такого нежного, такого волнующего прикосновения женской руки, как сейчас, как здесь, напротив Руины-арки.

Превозмогая боль в суставах, Виктор поднялся. Она поддержала его. Возвращались к машине как два близких человека — не спеша, под руку.

В кафе им подали меню.

— Что будем пить? — спросил он.

— Вы же за рулём, Володя, — напомнила она и смутилась. Смущение длилось недолго. «Простите» произнесла с лёгкой усмешкой.

— Мой дом в квартале отсюда, — пояснил он вполне серьёзным тоном. — Должны же мы отметить наше знакомство.

Глядя, с каким аппетитом она ест рыбу и салат, он предположил вслух, что она сегодня не завтракала.

Саша согласно кивнула, приложила салфетку к губам, и они повторно подняли бокалы.

— Утром я была никакая. Вы, конечно, представляете моё состояние.

— Конечно, — сказал он. — За ваше выздоровление.

Виктор сделал глоток, она же, не пригубив, поставила бокал на стол. Он вопросительно посмотрел на неё.

— Да, необычный день, — глядя на бокал, задумчиво проговорила она. — Утром я была никакая. И вдруг объявляетесь вы. Проявляетесь. Как из воздуха. Как волшебник. Увлекаете меня в парк, я покорно иду у вас на

поводу. У арки вы рассказываете о враче, и я почему-то верю вам. А я, в общем-то, далеко не легкомысленный человек. Скажите, я нормальная? Но, прежде чем вы объясните всё это, я скажу немного о себе. Давайте выпьем.

Они выпили. Она потянулась к соседнему стулу, взяла сумочку, открыла, чуть помешкала, усмехнулась, быстро закрыла, убрала на место.

— Недавно бросили? — догадываясь, спросил он.

— Как в школу пришла работать, начала и все эти двадцать лет смолила. Хорошо ещё, что не запила! Сами знаете, какие это годы были. Реформы, как они их называют, измотали до рвоты. Ладно, учителя — люди взрослые, выстоят. Детей жалко. Ломают им, корёжат и психику, и сознание. Такого унижения наши литература и язык в школе ещё не знали.

— А на личную жизнь и времени нет.

— Не смейтесь. Так оно и есть.

— Я не смеюсь.

— У нас каждая вторая учительница незамужняя. Естественно, мама переживает за меня. Только одному человеку я сказала, что больна. И он…

— Володя?

— Прекратил отношения. Да это и к лучшему… У него семья. А то, как буриданов осёл, разрывался. И мама вздохнула с облегчением.

— Он ей не нравился?

— Наоборот. Они подружились. Но понять, а тем более оправдать наш треугольник она не могла. Мучилась.

— Понятно.

— Видите, у нас с вами в чём-то схожая судьба. А вы где работаете? Чем занимаетесь?

— Пока ещё работаю. Числюсь. Как и многие в нашем институте. Мне легче — есть запасной аэродром. Не скажу, что я на «ты» со словесностью, но тружусь.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Саша… когда до меня дошло, что математика — это тайна за семью печатями, что единая теория фундаментальных взаимодействий в физическом мире невозможна в принципе, что инструмент познания, наш головной мозг, — чёрная дыра…

— И что?

— Я понял… нет, не понял, почувствовал, что человек есть то, ради чего возникла Вселенная.

— Вон о чём вы! — изумилась она.

В первый раз за время их знакомства он смутился. И снова ощутил нежное, волнующее прикосновение её руки к своей.

— Виктор, давайте вместе попробуем. Вы понимаете, о чём я… Виктор?! Вы слушаете меня?

— Да-да, — спохватился он. — Простите. Сейчас… сейчас мы вот что сделаем. Встанем, пойдём ко мне, познакомлю вас с Милкой, дочкой, у меня живёт, и позвоним Людмиле Алексеевне. Надеюсь, завтра же она нас примет.

— А сегодня вы покажите мне свои литературные опыты.

— Идёт. Помните у Пушкина: «Бывают странные сближения»?

— «Граф Нулин». Да. «Пора, пора! рога трубят…»

Они рассмеялись.

Григорий Рахутин

СЕМЬ ШАГОВ К ГОЛГОФЕ

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит её; а ненавидящий душу свою в мире сём сохранит её в жизнь вечную ... Душа Моя возмутилась; и что Мне сказать? Отче! Избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел» (Евангелие от Иоанна (Ин) 12, 24— 27).

На какой же час пришел Иисус из Галилеи в Иерусалим? Что способствовало рождению христианства в среде евреев, а затем и язычников?

Это всенародная слава целителя и чудотворца, мудрость и учение Иисуса из Назорета; это целительская и проповедническая деятельность Апостолов, и Его казнь.

Не было бы казни и воскресения — не было бы и христианства.

Именно великий подвиг самопожертвования и воскресение Иисуса Назорея окончательно убедили Его учеников (Апостолов), что он и есть долгожданный Мессия (по др. евр. Машиах, по гречески — Христос). Позже Его стали называть «Иисус Христос».

Гора Голгофа. В переводе с еврейского языка — «Лобное место». Невысокая, напоминающая череп гора недалеко от городской стены древнего Иерусалима. Над ней возвышается три креста. Руки пригвожденных к ним людей пробиты в области запястья (а не ладоней, как обычно изображается на картинах и скульптурах). Любое движение вызывает боль. Жаркий день, прохладные ночи, безжалостные птицы, выклёвывающие глаза и печень.

Так в римской империи расправлялись с совершившими тяжкий проступок рабами, с разбойниками, мятежниками и нарушителями закона Октавиана Августа от 8 г.н.э. «Об оскорблении Величия». То есть теми, кто объявлял себя Царем без разрешения римского кесаря.

На двух крестах распяты разбойники, на третьем — странствующий проповедник и целитель Иисус Назорей.

По обычным человеческим меркам трудно представить, чтобы человек сам, по собственной воле заставил себя казнить распятием на кресте. Но так оно и было.

Ещё до входа в Иерусалим Иисус неоднократно говорил ученикам Своим, что будет убит язычниками и в третий день воскреснет.

Мог ли Он не пойти в Иерусалим? Конечно, мог. Но Он пошёл, и вынудил себя казнить.

Каким образом?

Об этом — чуть позже. А пока несколько слов о жизни Иисуса Назорея.

Пожалуй, жизнь Иисуса можно условно разделить на три периода: первый: от рождения до крещения Иоанном и поста в пустыне, второй — жизнь странствующего проповедника, целителя и Учителя Апостолов, и третий — реализация плана самопожертвования (условно назовем его «план Голгофа»).

Первый период длился тридцать лет, второй — три года и третий — одну неделю.

Как он жил? Когда подрос, плотничал, как и его отец. Ходил в синагогу, изучал священные книги еврейского народа (в православной библии они есть в «Ветхом завете»), совершал паломничество в Иерусалим на пасху — праздник освобождения евреев от египетского рабства.

Вот и все сведения об Иисусе до 30 лет.

Но в тридцать лет, спокойная, ничем не примечательная жизнь плотника Иисуса резко изменилась. В Галилее, у реки Иордан, примерно в 15 километрах от Назарета, появился страстно ожидаемый в то время Пророк. Четыреста лет уже на этой земле не было Пророка, и близилось время его появления, предсказанное Пророком Иеремией. Вот — вот он придёт. И когда появлялся незаурядный целитель и проповедник, люди вопрошали: «Не Мессия ли он?».

И Иисус крестился у Иоанна Крестителя, а после крещения постился сорок дней в пустыне.

Вряд ли крещение рядового плотника из Назарета происходило так, как это изображено на известной картине Иванова. И неважно, как было на самом деле. Важно то, что именно после крещения и поста в пустыне Иисус получил дар исцелять людей, дар чудотворца и ясновидца. Он осознал в себе Пророка. И это был старт на пути к Голгофе. Начался второй этап Его жизни.

«Услышав же Иисус, что Иоанн отдан под стражу, удалился в Галилею и, оставив Назарет, пришел и поселился в Капернауме приморском (...). И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. И прошел о нем слух по всей Сирии; и приводили к нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их. И следовало за ним множество народа из Гали-

леи, и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана» (Евангелие от Матфея (Мф) 4 8, 23-25).

Но прежде чем пойти на казнь Иисус избрал Апостолов. Вначале двенадцать, а затем ещё семьдесят.

В переводе с греческого языка «apostolos» означает «посланник». У евреев апостолами назывались вестники, которые сообщали в другое селение важную весть. Иисус избрал Апостолов с дальним прицелом. Именно Апостолы после казни и воскресения Иисуса свидетельствовали о Его воскресении, и создали христианство.

Иисус наделил Своих учеников властью излечивать больных и дал наставления, как нужно странствовать. И Апостолы ещё при жизни Иисуса ходили от селения к селению, бесплатно лечили именем Иисуса, намазыванием головы маслом и наложением рук, и проповедовали приближение Царства Небесного.

Три года скитаний по земле, ныне называемой христианами «Святой Землею», три года проповедей, исцеления людей, сотворения чудес, избрания и наставления 82-х Апостолов. Почва созрела. Осталось узнать: за кого Его принимают люди. И выяснив, что за Пророка, стал открывать апостолам, что ждет Его в Иерусалиме.

«Отозвав же двенадцать учеников Своих, сказал им: вот, мы восходим в Иерусалим, и совершится всё, написанное через пророков о Сыне Человеческом, ибо предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и оскорбят Его, и оплюют Его, и будут бить, и убьют Его и в третий день воскреснет» (Евангелие от Луки (Лк) 18, 31-34).

Чтобы быть распятым на кресте Иисус Назорей должен был сделать одно из трех: 1. Поднять мятеж против римлян, 2. Совершить злодеяние, 3. Объявить себя Царем без разрешения римского кесаря. И Он избрал третий путь. Путь царя-самозванца. И вот как Он его реализовал.

Шаг первый: объявление себя Иудейским Царём.

Въезжал Иисус в Иерусалим на молодом осле во главе длинной процессии. За ним следовали Его ученики, женщины из Галилеи, нищие и паломники. Сам он не кричал «Я царь», но за него это делали Его ученики*: «И, когда он ехал, постилали одежды свои по дороге. А когда Он приблизился к спуску с горы Елеонской, всё множество учеников начало в радости славить Бога за все чудеса, какие видели они, говоря: благословен Царь, грядущий во имя Господне!»* (Лк. 19, 36-38).

И Иисус одобрил провозглашение Его царём *«И некоторые фарисеи из среды народа сказали Ему: Учитель! Запрети ученикам Твоим. Но Он сказал им в ответ: сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют»* (Лк. 19, 39-40)

Славили Иисуса Назорея как грядущего Царя не только Его ученики, но и жители Иерусалима и паломники, услышавшие о чуде воскресения Лазаря:

«На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идет в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! Благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!... Народ, бывший с ним прежде, свидетельствовал, что Он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых. Потому и встретил Его народ, ибо слышал, что Он сотворил это чудо. Фарисеи же говорили между собою: видите ли, что не успеваете ничего? Весь мир идет за ним» (Ин. 12 12-13, 17-19).

«И когда вошел Он в Иерусалим, весь город пришел в движение и говорили: кто Сей? Народ же говорил: Сей есть Иисус. Пророк из Назарета Галилейского» (Мф. 21, 10-11)

Шаг второй: изгнание торговцев из храма и ответ на требование дать знамение

«Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим. И нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей и сидели меновщики денег. И сделав бич из веревок, выгнал из храма всех. Также и овец и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, и столы опрокинул; и сказал продающим голубей: возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не делайте домом торговли. При сем ученики его вспомнили, что написано: «ревность по доме Твоем снедает меня». На это Иудеи сказали Ему в ответ: каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать? Иисус сказал им: разрушьте храм сей, и я в три дня воздвигну его. На это сказали Иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его? А он говорил о храме тела Своего» (Ин. 2. 13-21).

За подобный дебош обычного человека заключили бы в темницу, и судили бы в Синедрионе.

Представим, что в наше время пришел в Московский храм «Христа Спасителя» новоявленный пророк из глубинки, разбросал продающиеся в храмовой лавке книги, иконки и другие предметы, и упрекнул, что храм из дома молитвы превратили в вертеп разбойников.

Но Иисуса взять боялись, ибо большинство народа считало Его пророком. *«И учил каждый день в храме. Первосвященники же, и книжники и старейшины народа искали погубить Его. И не находили, что бы сделать с Ним, потому что весь народ неотступно слушал Его»* (Лк.19. 47-48).

Самое обидное для первосвященников и храмовых начальников было то, что они понимали правоту Иисуса, и через четырнадцать лет торговля была выведена за пределы храма.

Естественно, ответ Иисуса на требование дать знамение возмутил первосвященников. Почему Ему бы не воскресить только что умершего в Иерусалиме, или не дать другое знамение? А вместо знамения этот лже-Пророк (с их точки зрения) поставил перед ними невыполнимое условие.

Недоброжелатели ответ исказили: будто Иисус собирался разрушить храм, а затем в три дня воздвигнуть (а, может, действительно им так услышалось, ибо слышат то, что хотят услышать). Намерение разрушить храм вменялось в вину Иисусу и учеников Его. Этот ответ припоминали даже тогда, когда Иисус был распят на кресте: *«Проходившие злословили Его, кивая головами своими и говоря: э! разрушающий храм и в три дня созидающий. Спаси себя самого и сойди со креста. Подобно и первосвященники с книжниками, насмехаясь, говорили друг другу: других спасал, а себя не может спасти! Христос, Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем»* (Еангелие от Марка (Мк) 15. 29-32))

Шаг третий: проповеди в храме рядом с воскрешенным Лазарем, обличение первосвященников, богачей и фарисеев.

Рядом с Иисусом в храме сидел воскрешенный им «трехдневный» Лазарь как живое свидетельство сотворённого Иисусом чуда. Благодаря этому чуду многие уверовали: Иисус Назорей и есть ожидаемый в то время Христос. Число верующих в мессианство Иисуса непрерывно растёт.

Иисус обличал в лицемерии ревнителей веры фарисеев. Первосвященникам грозил: *«Отнимется у вас Царство Божие, и дано будет народу, приносящему плоды его»* (Мф. 21,43), *«мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие»* (Мф. 21,28).

Иисус нищим предрекал рай, а богачам ад. Об этом недвусмысленно сказано в притче о нищем Лазаре и богаче. О трудности богачам попасть в рай Иисус говорил : *«легче верблюду пройти через игольные уши, чем богачу в Царство Небесное», «Блаженны нищие, ибо ваше есть Царствие Божье. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо восмеётесь….Напротив, горе вам, богатые, ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете»* (Лк. 6, 20-21…24-25).

Иисус утверждал, что близится Царство Небесное, призывал покаяться и спасаться: *«Говорю же вам истинно: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие»* (Лк 9, 27)

Многие богачи не верили в скорый конец света, не собирались каяться и спасаться, и считали Иисуса лже-Пророком. Но основная масса народа, некоторые члены синедриона и начальники иудейские (Иосиф из Аримафеи, Никодим) считали Иисуса Пророком.

Шаг четвертый. Приказ Иуде Искариоту «что делаешь, делай скорее», и переход в Гефсиманский сад

Иисусу Назорею необходимо предстать перед судом синедриона. Но как это сделать?

Власти бездействовали и Его не брали из страха перед народом. Посланные за Иисусом слуги не привели Его к первосвященникам, пораженные высказываниями Иисуса.

Тогда Иисус привлек к осуществлению своего замысла одного из учеников.

Иисус держал события под контролем: к первосвященникам приходил Иуда Искариот, и обещал им указать место ночевки Иисуса (о договоре Иуды с первосвященниками пишут все четыре Евангелиста).

Несомненно, у римского наместника в Иудее Понтия Пилата было совещание с первосвященником Каиафой, как решить проблему с Иисусом Назореем. О совещании свидетельствует, например, участие тысяченачальника в ночном аресте Иисуса.

Час казни приближался.

Вечером в четверг Иисус решил попрощаться со своими учениками на пасхальном ужине. Он знал: ночью в Гефсиманском саду должны Его арестовать.

«И когда настал час, Он возлёг и двенадцать апостолов с Ним. И сказал им, очень желал Я есть с вами сию пасху прежде моего страдания» (Лк. 22, 14-15).

На пасхальной вечере Иисус умыл ноги своим ученикам, в том числе Иуде Искариоту, преломил хлеб и дал вкусить его каждому Апостолу, и велел пить вино из общей чащи.

В воспоминание о Христе обряд преломления хлеба и вкушения вина из общей чаши делается в несколько измененном виде до сих пор.

В конце трапезы Иисус отправил одного из Своих учеников за стражей для Своего ареста.

«…Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит. Один же из учеников, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. Ему Симон Петр сделал знак,

чтобы спросил, кто это, о котором говорит. Он, припав к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! Кто это?

Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту. И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее!» (Ин. 13 21-27).

В Евангелиях используется высокопарный стиль и первая дефиниция слова «предать» в смысле передать («предать суду», «предать земле»). Например, *«Отче! В руки твои предаю дух мой»* (Лк. 23, 46).

Предательство в моральном смысле слова — это неожиданная подножка; нож в спину, неприятный для предаваемого поступок человека, от которого это не ожидаешь.

Был ли поступок Иуды Искариота неожиданным и нежелательным для Иисуса? Нет. Значит Иуда не предатель, а верный ученик, способствовавший достижению Иисусом поставленной цели.

Обратим внимание: Иоанн заметил изменение в Иуде: «после сего куска вошел в него сатана». После сего куска.

Скорее всего, Иуда выполнил приказ Иисуса в состоянии гипноза. А когда он вышел из этого состояния, и осознал причастность, пусть и невольную, к осуждению своего Учителя, Иуда совершил запрещенный иудаизмом поступок — он повесился.

Читаем Евангелие дальше: *«Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему. А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим. Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь. Когда он вышел, Иисус сказал: ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нём»* (Ин. 13, 28-31).

Любопытно: опять, Иоанн подчеркнул, что Иуда вышел в ночь после принятия куска.

Мог ли Иисус передать кусок другому Апостолу и приказать «Что делаешь, делай скорее»? И был бы выполнен этот приказ, или нет? Неужели, если бы Иуды не было на пасхальной вечере, то казнь не состоялась бы, и не было бы христианства? Воздействие Иисуса на Апостолов было потрясающим: по одному Его слову «Следуй за мной» за ним сразу, бросив все, пошли и Андрей, и Петр и другие Апостолы. Так неужели любой из них не сделал бы то, что сделал для Иисуса Иуда Искариот? Несомненно, сделал бы.

Итак, Иуда, «приняв кусок, тотчас вышел, а была ночь».

А Иисус, несмотря на несомненную усталость после долгого дня и сытного ужина с вином, отправился в Гефсиманский сад, ибо в помещении могли арестовать не только его, но и Апостолов.

Точность предвидения Иисусом предстоящих событий поражает, чему в Евангелиях есть ряд свидетельств. Достаточно вспомнить его пророчество Петру, заверявшего Иисуса в своей верности: *«Господи! С Тобою я готов и в темницу и на смерть идти. Но Он сказал: говорю тебе Пётр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня»* (Лк. 22, 33-34).

Шаг пятый: ожидание ареста в Гефсиманском саду.

Ожидание ареста. Ожидание издевательств, избиений и жуткой казни распятием на кресте. Критические минуты для реализации плана «Голгофа». И Иисус стал молиться. *«И говорил: Авва Отче! Всё возможно Тебе! Пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты»* (Мк. 13 36). И хотел видеть рядом своих любимых учеников. Но «очи их отяжелели». Неудивительно. Позади день и ужин с вином. А была уже ночь.

«И приходит в третий раз и говорит им: вы все ещё спите и почиваете? Кончено! Пришел час; вот предается Сын человеческий в руки грешников. Встаньте, пойдем: вот приблизился предающий меня» (Мк. 13 41-42).

Итак, Иисус молился и ждал ареста. Не ушел из сада. И, преодолев минутную слабость, все же пошел навстречу издевательствам и казни. Действительно, высочайший нравственный подвиг! Многие ли на подобное способны?

Шаг шестой: молчание в синедрионе на обвинения в Свой адрес, и положительный ответ на вопрос первосвященника: *« Ты ли Христос сын Божий?»*

«Первосвященники и старейшины, и весь синедрион искали лжесвидетельства на него, чтобы предать Его смерти. И не находили; и хотя много лжесвидетелей приходило, не нашли. Но наконец пришли два лжесвидетеля и сказали: Он говорил «могу разрушить храм Божий и в три дня создать его». И встав первосвященник сказал Ему: что же ничего не отвечаешь? Что они против тебя свидетельствуют? Иисус молчал» (Мк. 26. 59-61).

Мог ли Он ответить так, чтобы избежать смертного приговора? Несомненно. Он находил мудрейшие ответы на самые каверзные вопросы «Подобает ли платить подать кесарю?», и «Побить ли камнями женщину, застигнутую в прелюбодеянии?». Но цель Иисуса — быть распятым язычниками.

«И первосвященник сказал ему: Заклинаю тебя Богом живым: скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?» (Мк. 26. 62).

Ответ Иисуса «Нет» и уход Его из Иерусалима был бы очень желателен для первосвященников по двум причинам. Во-первых, они доказали бы рим-

скому наместнику в Иудее, что способны решать сложные вопросы (власти боялись восстания против римлян во главе с Иисусом), и во-вторых, им не очень хотелось крови популярного человека.

Но религиозное отступничество не состоялось:

«Иисус сказал: Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник разодрал одежды свои (* — знак скорби) и сказал: На что ещё нам свидетелей? Вы слышали богохульство? Как вам кажется? Они же все признали его повинным смерти»* (Мк. 13, 62-64).

«Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти; и, связавши Его, отвели и предали Его Понтию Пилату, правителю» (Мф.27,1-2).

Шаг седьмой: молчание на обвинения первосвященников в Свой адрес и положительный ответ на вопрос Понтия Пилата: «Ты царь?»

*«Иисус же стал пред правителем. И спросил его правитель: Ты Царь Иудейский? Иисус сказал ему: ты говоришь** (*— восточная форма утвердительного ответа). *И когда обвиняли его первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечал. Тогда говорит Ему Пилат: не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя? И не отвечал ему ни на одно слово, так что правитель весьма дивился»* (Мф. 27, 11-14).

(По Евангелию от Иоанна на вопрос «Ты Царь Иудейский?» Иисус *ответил «Царство мое не от мира сего»* (Ин. 18, 36). Этот ответ равносилен самоубийству, ибо в представлении римлянина только римский кесарь владел царством не от мира сего).

В соответствии с процедурой римского судопроизводства, Пилат повторил обвинение: «*итак, ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я царь…»* (Ин. 18, 37).

Последний шаг к Голгофе сделан. Выбора у Пилата не было. Отпускать на свободу популярного человека, считающего себя Царем, нельзя было и по римскому законодательству и по взрывоопасной ситуации в Иерусалиме, беременном восстанием против римлян.

Но как сделать так, чтобы решение принял не Пилат, а «народ», т.е. толпа на площади претории? Об этом было придумано с первосвященником заранее: Пилат предложил толпе помиловать либо Иисуса, либо Варавву, «личность известную», «произведшего в городе со своими сообщниками мятеж и убийство». А первосвященники постарались, чтобы в то утро перед Пилатом оказалось большинство сторонников Вараввы. *«И превозмог крик их и первосвященников»* (Лк. 23, 23).

«И была надпись вины Его: Царь Иудейский» (Мк. 15, 26). *«Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было Иисус Назорей, Царь Иудейский»* (Ин. 19, 19).

И когда повели Иисуса на казнь *«шло за ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем»* (Лк. 23, 27).

Руки и ноги Иисуса прибили к кресту. Крест вознесли над Голгофой.

На сей час Он и пришел. Зерно, павшее в землю Голгофы, принесло плоды по всему миру.

Михаил Стародуб

СКАЗКИ О ЛЮБВИ

1. Ёма

Дядька, который работал на стройке подъемным краном, получал хорошую зарплату. Словами благодарности и восхищения. Иногда ему даже аплодировали, а если дядька исполнял что-нибудь особенно необычайное, его имя с большой буквы «Ё» появлялось на заборе, которым была огорожена строительная площадка.

— Молодец, Ёма! — писали строители яркой краской, и это была чистая правда.

По праздникам Ёму украшали цветными лентами, вешали на него флажки.

Сослуживцы считали дядьку надежным, но вполне бессердечным механизмом. Он и сам был с этим согласен, пока не влюбился. Изо всех немереных сил!

Была ранняя весна, улицы казались серенькими. Ёма увидел с высоты — солнечные кудри. Услышал, как цокают по мостовой каблучки.

За одну ночь Ёма уменьшился ростом, отрастил тулово и остальное необходимое — пару ног, ручищи (левая — оказалась особенно могучей, просто непобедимой!). А голова у него всегда была на месте, только немного напоминала кубик. Ёма прикрыл голову кепарём с козырём, надел штаны и просторную рубашку, чтобы непобедимая левая не торчала, привлекая лишнее внимание. Главное, что под рубашкой постукивало пламенное сердце, которое согревает всякого, кто влюблен. Оно появилось без спросу, само собой.

Возлюбленная Ёмы была рыжеволоса. С большой высоты не видно — хороший человек или плохой проходит рядом с тобой по улице, поэтому Ёма пошел знакомиться.

Девушку звали Си. Она готовилась стать мелодией без слов, легкомысленным ветерком или воздушным облаком, в крайнем случае, птицей. И уже добилась серьезных успехов. В двух шагах от Си сразу хотелось напевать. Кому-то от счастья, другому без всякой причины, третий удивлялся и даже злился, но пел. Впрочем, это происходило с теми, кто находился неподалеку от Си. Тот, кому нравилась тишина, всегда мог отойти на безопасное расстояние в три шага от приставучего мотива.

А еще через секундочку рыжеволосая Си учила Ёму танцевать. Притом, что оба даже и слова еще не успели произнести!

Сначала танец получался не очень-то складный. Потом оказалось, что Ёма мелодичен. Что внешняя нескладность обманчива.

Весь день они танцевали на улицах города, не замечая любопытных, которые с удивлением и завистью глазели на странную пару. Си напевала, а Ёма подхватывал, и наоборот. Солнце поблескивало, листья шелестели, городские воробьи музыкально чирикали, голуби вполне мелодично ворковали. Кто бы мог подумать! Казалось, вместе с танцующей парой, вслед за ней, из улицы в улицу скользят звуковые сочетания, слаженная композиция движений, ритма… объём удовольствия и восторга, к которому могут присоединиться желающие.

Откуда приходят такие настроения?

Может быть, из хранилища невероятных настроений? Из пространств, где вызревают восторги? Из космоса, с планеты До-Ре-Ми?

Так или иначе, настроения приходят. И, разумеется, уходят. Как уходит всё, что вокруг и вместе с нами.

Утром рыжеволосая Си, превратившись в тучку, взлетела к солнцу. Можно было без труда следить за ней. Там, в небесах она была самой красивой среди облачных нагромождений: летучей дымкой, с рыжей каймой на туманной верхушке.

А что же Ёма?

Возвратился в механизмы. Стал работать подъемным краном. Думая о том, как отрадно было бы носить возлюбленную на руках здесь, на Земле. Хватило бы даже — одной левой руки, чтобы доставлять с места на место, к примеру, кресло, в которое присела любимая, шкаф, полный нарядной одежды, стол, уставленный изысканными лакомствами и напитками. Остальное по мелочам — зубную щетку, полотенце, гребень для укладки солнечных волос. Славно было бы держать на вытянутой могучей левой руке даже и сам домик. Ёма, без всякого сомненья, справился бы с этим.

Тогда как рука правая, о! — правая рука пригодилась бы для действий упоительных и сокровенных…

…Подъёмный механизм Ёма представляет себе это (и прочее, более сказочное, ни с чем не сравнимое!), захватывая и перемещая грузы с места на место. В глубинах металлической конструкции жизнерадостно звякает и щелкает, позванивает и вполне мелодично дзинькает.

Все, кто приходят послушать звяки и щелчки, посмотреть на Ёму, получают немалое удовольствие. Как от выступления танцевально-музыкального

виртуоза с экзотической программой, которая — вот странно! — трогает до глубины души. На очередной строительной площадке, где трудится Ёма, выставлены удобные кресла. Дамы и господа платят немалые деньги за места в первом ряду.

Сам Ёма перемен не замечает. А может быть, ему безразлично, что у публики, наблюдающей за его работой, на глазах слёзы умиления. Профессор Пузиков утверждает, что эти беспричинные сердцещипательные слёзы чрезвычайно полезны для организма: омолаживают, бодрят, спасают от стресса и простуды.

С некоторых пор общество рыдает в голос, сертификаты на сеансы слезотерапии проданы на пять лет вперед, а сам Ёма объявлен национальным источником здоровья.

2. Влюбился гром в молнию…

…случилось это в начале начал, когда тучи без стеснения клубились у самой молоденькой, не обустроенной еще земли, а ясное небо и солнце можно было увидеть раз в сто лет. В доисторических туманах разгуливала красавица Молния. Она умела превращаться в небесную кошку, скользить в облачных просторах рыбой в серебристой чешуе, чтобы прорасти, вдруг, огненным бутоном, или явиться двуногим существом тонкокожего племени, которому еще только предстояло заселить окружающие территории.

Странствующий разум Гром — оказался в нашем только что исполненном мире по неосторожности. Он, не имея плоти, всего лишь заглянул в смотровую щёлочку между Старым и Новым мирами, желая поглазеть на неупорядоченные сочетания первоэлементов. Наблюдая происходящее, Гром пришёл в восторг! И полюбил красавицу Молнию с первого взгляда. Да так крепко, что однажды у этого объёма пламенной любви прорезался голос. Но слов, чтобы объясниться, в тех первобытных местах еще никто не придумал. Гром научился у ручья журчать о счастье. Он плескался морским прибоем, шелестел, как нежнейшие весенние дожди. В ответ Молния полнилась светом, загадочно поблескивала, подражая далёким звездам. Гром пробовал петь, но оказалось, что у него нет слуха.

Петь умел Ветер. И как! Он запускал множество мотивов, которые обещали блаженство, звали Молнию в неведомые края. При этом лишали красавицу воли, усыпляли, или наоборот, заставляя корчиться, действовали самым непредсказуемым, колдовским образом.

Гром страдал от горя и обиды. Восклицал и плакал, стеная. В этом мире у него не было ничего, кроме голоса и любви — остальное, положенное разумному организму, располагалось в соседних измерениях.

И вот, одно за другим проходят тысячелетия, но до Молнии, увы, все еще невозможно докричаться. Завидев в облаках край ее огненной одежды, Гром грохочет уже, кажется, по привычке. Так, на всякий случай.

А ветер поёт по-прежнему. Конечно, его мелодии являются, по существу, всего лишь эхом гармонии небесных сфер. Но даже отзвука достаточно нам, двуногим существам, тонкокожая плоть которых находится в этом мире, а пламенная любовь друг к другу разгуливает в соседних измерениях. Действуя самым непредсказуемым, колдовским образом.

3. Aquilegia vulgaris

…в некоторых высокогорных местах висела связка колокольчиков. Золотой, серебряный, медный и самый обычный, полевой цветок-колокольчик (Aquilegia vulgaris), сорная трава, которая торчит за любым деревенским забором. Каждый — величиной с перепелиное яйцо, а полевой колокольчик — менял размеры.

Золотой был исполнен из солнечного света и вздохов животворящего южного ветра, серебряный — из звёздных лучей и посвиста северных метелей, медный — из янтарной лунности. Чашечку полевого колокольчика приходилось менять: по ночам в тех местах становилось морозно. Рано утром прилетала старая орлица, приносила в клюве фиолетовый цветок на смену увядшему. За каждодневный труд этой птице даны были долгая жизнь и здоровье, но не бессмертье! Потому, что бессмертье — чересчур строгое наказание, даже для орлиц.

Связка висела над одной из самых крутых вершин по вполне сказочным, неведомым людям законам. Золотой колокольчик крепился в прозрачной пустоте солнечным гвоздиком, серебряный — звездной стрелкой, медный висел на изящной, янтарного цвета булавке. Полевой колокольчик — с худеньким, нежным стебельком — парил в связке сам по себе, и это казалось особенно чудесным.

Наступало утро.

И пока звонил золотой колокольчик, все на Земле замолкало. Утихали проливные дожди, ураганы ослабляли хватку, море-океанские волны шипели и пенились в четверть силы. Кругом были только вздохи, стук сердца (тех, у кого оно имеется), шорохи, всплески и бесконечное прочее, все, что не долж-

но останавливаться ни на мгновенье, и называется живительной тишиной. Именно в такие минуты счастливчиков осеняли догадки и прозрения.

Но наступало время серебряного колокольчика. Птицы с особенно звонкими голосами приветствовали новый день. Дети — в самых разных уголках белого света — начинали улыбаться и сиять глазами. Резвились щенки и прочий звериный, птичий и рыбий молодняк. Не спеша, тянулись к свету ростки, раскрывались почки и бутоны. Взлетали бессчётные тучи насекомых. Сами собой складывались мелодии, такие нежные, что не всякий услышит, но любой почувствует! Одна мелодия дополняла другую, а все вместе — очень недолгое время представлялись единым целым.

Тогда, вдруг, оживал колокольчик медный. Сверкала молния, скрежетал далёкий гром. Пыхтели и тужились вулканы, срывались лавины, трещали лютые морозы.

Между прочим, до сих пор никто на Земле не может с полной уверенностью сказать:

— Каждое утро начинается со звона колокольчиков, чтобы сложиться заново? Здесь и сейчас?

— Или с давних времен существует одно и то же раннее утро, которое неизменно повторяется от Сотворенья мира для всех живущих? А колокольчики всего лишь сообщают об этом?

Однако, пора рассказать и про полевой колокольчик!

Его чашечка всегда фиолетова, или небесного цвета. Раскачиваясь под ветром, вздрагивая на худосочном стебельке, цветок с вытянутым, длинным венчиком, похожим на кривую шпору, кажется никчемным и молчаливым. Но вместе с его чуть заметным, легким трепетом прихорашиваются звери и птицы, павлины распускают хвосты, гортанно трубят лоси, даже рыбы чувствуют некоторое воодушевление. Любовь приходит в сердца тех, кто может похвастать такой серьезной ценностью.

Никто сегодня уже и не вспомнит, что были времена, когда на звон колокольчика приходили звери и люди, слетались птицы. Каждый, взбираясь на крутую вершину, искал своего, все вместе — Силы.

По справедливости считалось, что живое существо не в состоянии появиться вблизи источника дважды в жизни. Проявления Силы в чистом, первозданном виде были разрушительны для организма. Ощущения и чувства — непереносимой крепости и густоты — встречали любого, случайно или намеренно попавшего в эти заповедные места. Откровения потрясали. Впечатления казались настолько грандиозными, что сознание временно помрачалось. Слепило счастье, захлестывала нежность.

Приходилось довольствоваться частью.

Звери инстинктивно, а люди сознательно выбирали из связки колокольчиков — единственный. Каждый получал в дар то, что считал особенно важным. Малиновое злато мудрости, серебро и медь речи, умение заглянуть в самую суть без вреда для сердца и рассудка, звёздные формулы и лунную тайнопись, хитрость, власть, богатство, непобедимость в бою, остальное — на выбор, бессчетное…

Все вместе — полнились Силой.

Ах, да…

Про полевой колокольчик, который дарил взаимную любовь и надежду...

Сказать откровенно, немногие искали такого блага. В сравнении с невероятным прочим, возможности aquilegia vulgaris не поражали воображения. А если вспомнить, что запасы головокружительной любви рано или поздно сублимируются в жалость! Сочувствие к окружающему миру вполне независимо охватывает душу.

Потребность питать алчущих и жаждущих, одеть нагого или нищего, без промедления согреть и приютить первого встречного, это ли не тяжкий труд? Что там! Для большинства — обуза и морока!

Впрочем, тех, кто мучился от неразделённой любви, это не останавливало. Молодые люди обретали взаимность (и, вместе, способность к состраданию). Девы — становились единственными мил-сердечными подругами (начиная чувствовать чужую боль, как свою).

Что из того?

Люди, звери и птицы, осененные Силой, возвращались в мир.

Среди подобных не находилось равных. Они становились первейшими, лучшими из лучших в своём племени, вызывая зависть удачей и талантами.

Достаточно скоро к ним приходили усталость и раздражение. Первейший начинал подозревать, что обманулся колокольчиком. И как! Дар казался ничтожным, преимущества жалкими. В сравненьи с тем, что имело бы смысл взять от Источника, неограниченного в проявлениях. Тогда первейшие учились изощренно и всласть страдать от сознания ничтожества собственной силы. Мучиться и тосковать от презрения к самому себе.

Но ещё более удивительно то, что вкусившие от aquilegia vulgaris проживали день ото дня вполне самодостаточно. Изо всех сил, сочувствуя лучшим, первейшим в своем племени. Тем, кому не было и нет равных среди подобных.

Андрей Телегин

КАКОЙ ФОНАРЬ...

…Какой фонарь без Диогена,
А Диоген без фонаря?
Какой же допинг без спортсмена,
А трон без батюшки царя?

Какой верблюд без каравана?
Какой же бал без сатаны?
Какой Онегин без Татьяны?
Какой же Разин без княжны?

Какой матрос без бескозырки?
Какой без Нила крокодил?
Какой бутырец без Бутырки?
Какой курилец без Курил?

Какая роза без мороза?
Какой без рифмы стихоплет?
Какой курильщик без склероза?
Какой без мозга идиот?

Какой пожар без Герострата?
Какой без лома костолом?
Какой без мата мирный атом?
Какой без Ньютона бином?

Какой судья без прокурора?
Какой без Дарвина Ламарк?
Какой оркестр без дирижёра?
Какой костер без Жанны Д'Арк?

Какой Хрущев без кукурузы?
Какое счастье без любви?

Какое море без медузы?
Какой француз без «се ля ви»?

Какая мудрость без Сократа?
Какой без мудрости Сократ?
Какой Энштейн без плагиата?
Какой без шахмат детский мат?

Какое море без саргассов?
Какая рыба без костей?
Какой Спартак без Марка Красса?
Какой без Зевса Прометей?

Какой Ромео без Джульетты?
Какой без хлеба русский квас?
Какой бандит без пистолета?
Какой без маски Фантомас?

Какой закон без Архимеда?
Какой же мат без королей?
Какой Хуан без Кастаньеды?
Какой же насморк без соплей?

Какой стог сена без иголки?
Какой же глаз без синяка?
Какой же Новый год без елки?
Какое шило без мешка?

Какой собор без Квазимодо?
Без Эсмеральды и козы?
Какой красавец без урода?
Какое лето без грозы?

Какой без айсберга «Титаник»?
Какой без палок барабан?
Какой без ручки подстаканник?
Какой без «зеков» Магадан?

Какой обед без чарки водки?
Какой без рыбы океан?
Какой начальник без Чукотки?
Какой без Пасхи истукан?

Какой разбойник без булата?
Какой старик без бороды?
Какой пожар без Герострата?
Какое горе без беды?

Какое утро без тумана?
Какая зорька без росы?
Какой карманник без кармана?
Какой салат без колбасы?

Какая песня без гитары?
Какая свадьба без вина?
Какой Саратов без Самары?
Какой Алтай без Шукшина?

Какое виски без бокала?
Какой прогресс без перемен?
Какой Карл Маркс без «Капитала»?
Какой без бочки Диоген?...

Диоген Московский

Михаил Филиппов

ЖИЛИ-БЫЛИ ДЕД ДА БАБА

Не было бы счастья... Прогулка с дедом

Ехал дед из рязанской деревни в Москву с робкой надеждой на маломальскую помощь. Но то, что случилось, иначе как чудом не назовешь. Не знаю, куда он обращался, но подобрали ему посильную работу с учетом его ранения: гардеробщиком на «вешалке» в театре. И (о, чудо!) сразу дали жильё. В наше время немногочисленные, оставшиеся в живых участники Великой Отечественной Войны, спустя семьдесят лет после ее окончания, еще живут в бараках и ветхих домах.

Все-таки общество российское было в то время милосерднее, люди добрее и отзывчивее. Это пришедшая на смену благополучной жизни советская действительность, в которой возникла атмосфера наушничества и доносительства, приводившая к арестам и репрессиям даже ни в чем не повинных обывателей, сделала людей подозрительными, замкнутыми и равнодушными. А народившаяся номенклатура в лице чиновников всякого рода просто патологически ненавидела всяческих просителей: «это вам не положено» — вот их ответ на просьбы. Десятки справок надо было представить, чтобы подтвердить: это тебе положено.

Обосновался дед в Москве, а вскоре к нему приехала Стеша с ребятами: Пете было восемь, Коле — семь, а младшему Сашке — шесть. Как она управлялась с малолетними сыновьями, когда дед был на фронте, можно только предполагать. Закон 1912 года впервые ввел государственную поддержку солдатских семей: жены и не достигшие 17-летнего возраста дети воюющих солдат получали 3-4 рубля в месяц на человека. В пересчете на современные деньги семья воюющего деда, состоящая из четырех человек, должна была получать от 16 до 21 тысячи рублей. Не густо, конечно, но для деревни, где имелось подсобное хозяйство (огороды, скотина), это позволяло более-менее сносно существовать.

Это сейчас я пишу «дед и бабуля», а в то время они были молодыми людьми: им было по 28 лет. И началась московская жизнь. Жили они в Газет-

ном переулке рядом с Тверской. Это самый центр Москвы, в трехстах метрах от Кремля!!! Вот уж воистину: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Их дом стоял на месте, где в 1925-1927 годах по проекту инженера И.И.Рерберга был построен Центральный телеграф, который и сейчас выглядит очень современно (кстати, по его же проекту построен Киевский вокзал). Так говорил мне отец и еще показывал мне Церковь Успения Богородицы «что на Успенском вражке», где его якобы крестили. Но здесь он, по-моему, что-то путал: по христианскому обычаю новорожденного ребенка крестят в скором времени после рождения, а когда они переехали в Москву Пете (моему отцу) было уже восемь лет.

Представляю себе, как дед неспешно переходит неширокую в то время Тверскую улицу, по которой медленно проезжают немногочисленные автомобили, и входит в Камергерский переулок.

Камергерский переулок, проезд Художественного театра — так он назывался во времена нашей молодости. Здесь смешались история давняя и недавняя и то, что происходило на наших глазах. Несколько веков назад здесь были дома и усадьбы знатных вельмож, приближенных к императорским особам, — камергеров (должность почетная, но ничего не значившая). Здесь в 1920-х годах работало артистическое кафе «Десятая муза», в которое часто захаживали и читали свои стихи Маяковский, Бурлюк, Брюсов, Есенин. В 1930 году в начале переулка был построен жилой дом, в котором поселились обласканные советской властью литераторы — «инженеры человеческих душ», как говаривал товарищ Сталин.

И, наконец, сам театр, в честь которого был переименован переулок. Талантливый архитектор Ф.О. Шехтель (кстати, друг А.П.Чехова) при реконструкции здания усадьбы князя П.И.Одоевского не утяжелил его фасад ни портиком с массивными колонами, ни широкими подъездными лестницами. Чеховская чайка, парящая на волнах занавеса главной сцены театра, — это его фантазия. В 1932 году советская власть пожаловала театру имя пролетарского писателя М.Горького — буревестника революции. Но эта птица — предвестник бури и «пророк победы» — не смогла согнать изящную чайку с занавеса театра.

В проезде Художественного театра было несколько книжных магазинов: большой магазин «Политическая книга», популярная у нас «Педагогическая книга», «Медицинская книга», в которую мы не заходили (там не было ничего интересного для нас), и «Пушкинская лавка», где можно было подышать воздухом старых книг и поглазеть на их развороты с «ижицами» и «ятями». Мы с Витькой, моим школьным другом, бредили книгами: узнавали у знакомых продавщиц, когда и в каком магазине должно появиться что-то новенькое. «Выбрасывали» в свободную продажу дефицит экземпляров по 200-300. И нужно было оказаться в нужное время и в нужном месте, чтобы купить такую желаемую книжку Ронсара, Исикавы Токубоку, Тютчева или сборник стихов кого-нибудь из «великолепной четверки»: Евтушенко, Вознесенского, Рождественского, Ахмадулиной. («Несоветских» поэтов Цветаеву, Мандельштама, Ахматову, Пастернака в то время еще не издавали.) В любую погоду и в любое время года, прогуливая занятия в институте, мы бегали по книжным магазинам. Начинался наш маршрут с Кировской (теперь Мясницкой) улицы. От магазина «Глобус» мы бежали на Кузнецкий мост, где был популярный у нас книжный магазин, забегали в соседнюю «Лавку писателей», где тоже могло что-нибудь перепасть, и дальше вниз через Петровку и Неглинку, потом вверх по продолжению Кузнецкого моста к Пушкинской улице. Пробегали по проезду Художественного театра на улицу Горького (Тверскую) к Моссовету, напротив которого находился «Сотый» — книжный магазин № 100. В магазине работала продавщица Надя Сумина — внешне непривлекательная девушка, неявно показывавшая свое превосходство перед нами относительно доступа к таким желанным книгам. А мы с Витькой лебезили перед ней, но не «клеили», нам были нужны книги, а не Надя: мы были книжные маньяки. Но иногда она нас жалела и оставляла какую-нибудь изданную новинку. На этом наш книжный маршрут заканчивался, но неизменно проходил он через проезд Художественного театра — Камергерский переулок. И если он не сердце Москвы, то это ее пуповина, которая связала столько эпох, событий и людей с моим городом.

…А дед не торопясь шел по Камергерскому, выходил на Большую Дмитровку и поворачивал налево. В начале 1920-х годов эта улица носила имя Эжена Потье — участника Парижской коммуны и автора пролетарского гимна «Интернационал». И если слова гимна «Это есть наш последний и решительный бой» сознательная часть рабочего класса еще знала, то об его авторе мало кому было известно. Но советская власть, следуя призыву этого гимна «весь мир насилья мы разрушим до основанья…», разрушала историческую память, давая новые имена старинным городам, площадям и улицам. Так на месте дороги, ведущей в подмосковный Дмитров, вдоль которой были слободы ремесленников и торговцев, а затем усадьбы и особняки московской знати, появилась улица с именем мало кому известного француза. Правда, это имя не прижилось, и через несколько лет улица вновь стала Большой Дмитровкой.

В 1937 году исполнилось сто лет со дня смерти А.С.Пушкина, и советская власть решила увековечить его память в названии улицы, переименовав Большую Дмитровку в Пушкинскую. Московская жизнь поэта не связана

с этими местами за исключением одного эпизода. В 1830 году в одном из домов этой улицы он в «пух и прах» проигрался в карты. Азартен был поэт и продул достаточно крупную по тем временам сумму денег: двадцать тысяч рублей. Этот проигрыш Пушкин выплачивал по частям в течение многих лет, и последнюю часть выплатили его наследники уже после гибели поэта на дуэли. В 1994 году улице вернули изначальное название, которое, будем надеяться, останется за нею навсегда.

Одно время Дмитровка носила прозвище Клубной улицы: на ней существовали Английский, Приказчичий и Купеческий клубы. Клубов уже давно нет в помине, а вот театров в настоящее время на ней и в примыкающих переулках — четыре. (Когда-то было пять: цыганский театр «Ромэн» располагался напротив музыкального театра Станиславского и Немировича-Данченко.) И еще — Дом Союзов, в Колонном зале которого давали концерты, устраивались новогодние елки для детей (на них меня водила мама), и устраивались прощанья с умершими руководителями партии и правительства, если они в то время находились у власти.

В наше время, в 1960-х годах, улица была примечательна еще и тем, что на ее левой стороне находился магазин «Чертежник». В нем мы покупали листы специальной бумаги для черчения: ватман и полуватман. Там я приобрел немецкую готовальню (набор чертежных инструментов): Московский инженерно-физический институт, где я учился, унаследовал от своего предшественника — Московского механического института — сильные инженерные кафедры, и приходилось делать много чертежей. А еще в этом магазине продавались счетные (логарифмические) линейки. Мечтой студента было купить большую чешскую линейку за десять рублей, наши были поменьше, похуже и стоили четыре рубля (стипендию в институте платили сорок рублей). Расчеты надо было делать на лабораторных работах по физике. А выполнение их с помощью такой линейки было на грани искусства.

Второй достопримечательностью была пивная, которую называли «молочная». С дореволюционных времен здесь располагался облицованный снаружи белым кафелем магазин А.В.Чикина, в котором продавались молочные продукты и колбасы. Успешный предприниматель, уважаемый даже советской властью, говорил: «Поэты поэтами, но ведь и бочкою масла, и головкою сыра, и бутылкою вкусного молока можно в равной степени славить свое Отечество, служить благу и расцвету родной земли».

Пивная находилась на той же стороне улицы, что и «Чертежник», на углу Столешникова переулка в полуподвальном помещении, за что и называлась у завсегдатаев «Яма». По легенде здесь снимался эпизод фильма «Берегись

автомобиля», в котором следователь-милиционер и автомобильный вор, расслабленные фирменным напитком (пивом с водкой) признаются в любви друг к другу («ты меня уважаешь?) на почве любви к Шекспиру. Иннокентий Смоктуновский и Олег Ефремов бесподобно играли эту сцену.

Но мы предпочитали другую пивную на Маросейке (тогда — улица Богдана Хмельницкого) и презирали тех, кто ходил в «молочную». В полумраке накуренного подвального помещения было сподручно разливать по стаканам под столом принесенную с собой бутылку водки, а закуска там была соответствующая. До сих пор помню, какие там были бутерброды: на слегка поджаренный черный хлеб, обмазанный сливочным маслом, была выложена балтийская килечка пряного посола, сверху на неё нарезанные кружечками сваренные вкрутую яйца, посыпанные зеленым лучком. Ну, как было не выпить рюмку водки!

…Однако вернусь к деду. Миновав театр «Ромэн» и пройдя еще метров тридцать по Дмитровке в сторону Страстного бульвара, он поворачивал направо в Петровский переулок (потом улица Москвина) и подходил к своему театру — Театру Корша. И такой путь он проделывал пешком до тех пор, пока их семья не переехала в Новогиреево. А после переезда — на автобусе (или троллейбусе) от Охотного ряда до театра: тяжело ему было с больными легкими идти в гору от Дома Союзов до Кузнецкого моста. И так — сорок один год (столько времени он прослужил в театре), до семидесяти лет, в любую погоду, и зимой, и летом.

Театр. Корш и МХАТ

Вот мы и пришли к театру. Мне и сейчас нравится этот дом, не хочется говорить «здание»: это именно дом, построенный в «пряничном» псевдорусском стиле и похожий на терем. Видимо, были учтены пожелания купцов Бахрушиных, на чьей земле и на чьи деньги в 1885 году по проекту архитектора М.Н. Чичагова был построен театр. Терем из красного кирпича (не панельный и не блочный дом) был построен в фантастически короткие сроки — всего за сто дней. Широкая лестница с эдаким купеческим размахом ведет к трем подъездам главного входа. Вход на ярусы и галерку (раёк) был отдельный справа от главного входа. Особенностью нового театра были оборудованная по последнему слову техники сцена, зрительный зал, гримерки и фойе, освещенные электричеством. Вот что писала ведущая актриса театра: «Это тогда было новостью необыкновенной, и даже в Большом и Малом театрах еще пользовались газом; правда, новое освещение было далеко не

совершенно. Лампочки давали свет желтоватый и горели ненадежно… Тем не менее, впечатление новое освещение производило огромное».

Официально театр назывался Русским драматическим, но в историю вошел как Театр Корша. По имени владельца, антрепренера Федора Адамовича Корша. Он был известным московским адвокатом и в то же время являлся членом «Общества русских драматических писателей». Женившись на дочери ростовщика, он получил приличное состояние, что позволило ему арендовать у Пушкинского театра часть помещения (гардероб). Общение с актерами и театральными администраторами помогло Коршу понять, как надо правильно организовать театральное дело.

Когда Пушкинский театр оказался на грани закрытия, Корш предложил его труппе организовать дело на паях. Актриса этого театра вспоминала: «В этом новом деле мы все были заинтересованы кровно и смотрели на него как на продолжение так внезапно прерванной линии бывшего Пушкинского театра, который всем нам был своим близким, родным. Корш понимал, что для успеха театра нужно не только хорошее помещение, но и «приманка» для привлечения «иного качества публики на потребу кассовых интересов». Он решил сохранить коллектив и так изменить характер репертуара театра, чтобы он был более привлекателен для зрителей. Вот очень лаконичная его характеристика: «Корш был настоящим коммерсантом и выжимал из театра все соки. Как человек неглупый, понимающий свою выгоду, он привлек к театру лучших актеров из провинции и не скаредничал...».

Свой частный театр он основал в 1882 году, сразу после отмены государственной монополии императорских театров. Три первых сезона Корш работал в Камергерском, как раз там, где через двадцать лет, в 1902 году заново откроется Московский Художественный театр.

Театр очень быстро стал популярным у московской публики. В первые годы его репертуар не отличался высоко художественными пьесами: это были, по словам современников, «грубейшие фарсы и пошловатые пьески». Однако они привлекали публику и помогали делать театру хорошие денежные сборы. Своеобразной рекламой театра стали «Пятницы»: еженедельные пятничные премьеры, которые ставились с 3-4 репетиций. Столичные театралы знали: что бы ни случилось — в пятницу, как часы, у Корша новый спектакль.

Театральные и коммерческие успехи Корша были гарантией для мецената-купца А.А. Бахрушина, предоставившего ссуду пятьдесят тысяч рублей и землю для строительства театра в Петровском переулке. Получив новое здание театра, и имея достаточное финансовое обеспечение, Корш мог себе позволить постановки серьезной драматургии. В его театре впервые были

поставлены пьесы А.С. Грибоедова, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова, У. Шекспира.

Замечательным нововведением Корша было устроительство утренних спектаклей, билеты на которые продавались по удешевленным ценам. Актер этого театра (а потом—МХТ) Иван Москвин вспоминал, что в молодости был «отравлен» театром благодаря Коршу, который «за 20 копеек давал возможность посмотреть первоклассную труппу». (Такова была и стоимость суточного рациона солдата русской армии).

Прошли годы. За это время театр и переулок, в котором он находится, несколько раз меняли свое название. Я пришел в этот театр к деду, когда он стал называться Филиал МХАТ и находился на улице И. Москвина. Всё циклично и взаимосвязано.

Моя сознательная жизнь в Москве началась с 1947 года, когда наша семья после войны вернулась из Монголии. Мы не сразу въехали в комнату, которую отец получил еще до войны. Комната наша была в коммунальной квартире из семи комнат, в которой проживало двадцать человек. Зато квартира находилась в самом центре Москвы в Нижнем Кисловском переулке (дом 5, квартира 35) рядом с Арбатской площадью в пяти минутах ходьбы от кремлевской башни Кутафьи. И для того, чтобы попасть к деду в театр, не нужно было ехать на трамвае или троллейбусе. Что стоило восьмилетнему мальчишке пройти полчаса по тихим переулкам! Я начинал свой путь от дома Моссельпрома по Калашному переулку к Никитским воротам. Затем— по Леонтьевскому, Малому и Большому Гнездиковским переулкам (параллельно Тверскому бульвару), куда своим задним фасадом из красного кирпича выходило недостроенное здание театра Таирова (теперь это МХАТ им. М.Горького). Перейдя улицу Горького (Тверскую), и обогнув Елисеевский магазин, по Козицкому — к улице Москвина. И моя мама Лиза не боялась отпускать меня в этот путь одного.

Что меня тянуло в театр? Сейчас «задним умом» я соображаю, что этому способствовали радиоспектакли (телевизора у нас еще не было). В квартирах у всех жильцов обязательно была проводная радиотрансляция, а «ламповые» радиоприемники были изъяты властями еще в начале войны, чтобы советские граждане не могли слушать вражескую фашистскую пропаганду. На стенах квартир висели черные картонные «тарелки»-громкоговорители, из которых раздавались важные сообщения и объявления о воздушной тревоге при налете немецких самолетов. Вскоре после войны на смену «тарелкам» пришли небольшие пластмассовые коробки с незатейливым дизайном и негромким звуком. Чтобы расслышать, о чем там говорят, приходилось прижимать эту коробку плотно к уху. Именно через них произошло мое знакомство

с театром. Многие годы на радио существовала театрализованная передача «Клуб знаменитых капитанов», героями которой были литературные персонажи: путешественники, моряки и пираты. И еще была передача «Театр у микрофона»: там в записи звучали лучшие спектакли московских театров. Боясь пропустить начало этих передач, я бежал домой из школы, которая находилась недалеко в Хлебном переулке, садился подальше от дверей, за которыми шумно ходили и громко разговаривали соседи и, прижимая радио к уху, мог часами слушать эти передачи. Наслушавшись радио, хотелось смотреть на сами действа, на игру актеров.

Мне повезло: ни у кого из моих одноклассников не было родственников, работающих в театре. А у меня дед работал в гардеробе театра — «на вешалке», принимая от публики верхнюю одежду. Всем известно это хрестоматийное выражение К.С. Станиславского: «Театр начинается с вешалки». В светлом проеме гардероба за его стойкой дед в строгом темном костюме выглядел достойно и вполне соответствовал роли человека, с которого начинается театр.

Дед, всегда чисто выбритый, с коротким седым ежиком волос на голове, прямой (бабуля говорила: «Как аршин проглотил») и худой стоял и по-доброму смотрел на меня, когда я появлялся в фойе. Он не улыбался, но его худое и слегка вытянутое лицо с большими ушами, губами и носом (нашей «филипповской» породы) выражало довольство: вот, мол, внучек-театрал пришел. Я подходил к деду, тут же подбегали билетерши и, улыбаясь, начинали что-то щебетать, расхваливая меня. Они были очень добры ко мне и заботливо внимательны к деду. Одна из них была маленькая женщина, лет пятидесяти с небольшим, брюнетка с короткими волосами. Имени ее я, к сожалению, не помню. Вторая — тетя Берта: очень симпатичная лет сорока пяти еврейка невысокого роста. У нее были пепельно-седые вьющиеся волосы и правильные черты лица с тонким макияжем. Вся она была такая ладная, как будто составленная из полушарий разного размера, обтянутых темной униформой, крой жакета которой позволял рассмотреть скромные кружева белой блузки. «Сергей Егорович, — говорила она— вы не беспокойтесь, мы его где-нибудь посадим». Она брала меня за руку и вела, как правило, на бельэтаж. Дождавшись второго звонка, она вводила меня в полумрак зрительного зала и, подсвечивая фонариком, выбирала свободное место. Причем она это делала так, чтобы передо мной не сидела дама с пышной прической или мужчина высокого роста: я должен был хорошо видеть, что происходит на сцене. Бельэтаж был дальше от сцены, чем партер, но там было уютно и не чувствовалось огромное пространство зала. А для того, чтобы лучше рассмотреть лица актеров, у деда можно было взять бинокль. У него их было штук пять-шесть: несколько театральных и один полевой.

Звучал третий звонок, и на зал опускалась обволакивающая бархатная темнота, отделяющая вас от внешнего мира. Шурша в темноте, раздвигался занавес, и возникала сцена — пространство, в котором происходила другая жизнь.

Репертуар филиала МХАТ отличался от того, что играли на главной сцене в Камергерском переулке. Я пересмотрел почти всё:«Вишневый сад»; «На дне»;«Горячее сердце»;«Пиквикский клуб»;«Домби и сын»; «Идеальный муж»; «Милый лжец»; «Безымянная звезда» и, конечно, «Двенадцать месяцев» С.Я. Маршака.

Некоторые спектакли я смотрел несколько раз и в исполнении разного актерского состава. Довелось мне весной 1948 года увидеть великого Василия Ивановича Качалова в роли горьковского Сатина, когда он в полуподвальной ночлежке Хитрова рынка произносит знаменитый монолог: «Человек! Это звучит гордо! Так выпьем за Человека!». И все присутствующие в ночлежке выпивали. А иногда, как рассказывали дед и мой дядя Коля, тоже работавший в театре осветителем, актеры и в самом деле пили водку и дальше «хохмили не по тексту», но в пределах драматургии. И в самом деле, как можно было актерам, людям творческим, сотни раз перевоплощаться в образы своих персонажей и не «хохмить», разыгрывая одни и те же мизансцены и произнося одни и те же тексты своей роли. Поэтому я охотно верю в эти театральные байки.

Особенно мне запомнилась премьера спектакля-сказки «Двенадцать месяцев». Театральную сказку написал Самуил Яковлевич Маршак, детские стихи которого в Советском Союзе знали все от мала до велика: «Жил человек рассеянный на улице Бассейной…». А в юности мы познакомились с Шекспиром, читая как подлинник «сонеты» и не сразу сознавая, что это перевод. Перевел их, а вернее пересочинил на русском языке, великий, не показывавший своей величины, поэт Маршак! Так вот, на премьере спектакля я видел его. Мне родители купили билет в партер, и я сидел ряду в десятом, на два ряда дальше от сцены, за Маршаком.

Спектакль был потрясающий. Открывался занавес, и вы попадали в морозное утро на опушку заснеженного зимнего леса. Из-за деревьев виднелся диск восходящего утреннего солнца, от лучей которого розовели сугробы и хлопья снега на лапах елей. Переговаривались между собою белки, сидящие на ветках деревьев, пересвистывались птицы. И в этот теплый августовский день у сидевших в зале по коже пробегали мурашки от мороза на сцене. (Го-

ворили, что на декорации этого спектакля были истрачены огромные деньги. За это главного художника театра посадили в тюрьму). В антракте зрители выходили на крыльцо театра покурить и погреться в вечернем московском тепле. В очках, похожий на небольшого бегемота Маршак, опершись на трость, курил в окружении нескольких знакомых. Видно было, что постановка спектакля ему нравится.

Константин Хапилин

ЗАЩИТНАЯ РЕАКЦИЯ

В тот год я учился в шестом классе сельской семилетки, именуемой в то время «неполной средней школой». В феврале после зимних каникул к нам прислали из района новую учительницу русского языка и литературы взамен прежней Анастасии Ивановны, которая ушла в декретный отпуск. Мы успели привыкнуть к Анастасии Ивановне и сожалели о ней. Заменившая ее Зинаида Борисовна Машевская поначалу показалась нам несколько странной: новая учительница русского языка говорила с заметным белорусским акцентом. Но к этому мы скоро привыкли и уже не замечали особенностей ее речи. Более того, мы искренне полюбили Зинаиду Борисовну за ее доброту. Она с большим пониманием относилась к нашим подростковым увлечениям и, если журила нас за детские шалости, то беззлобно, добродушно.

В ту зиму мы чрезмерно увлекались катанием на лыжах с гор.

Каждый день после уроков, бросив школьную сумку и взявши лыжи, мы спешили на крутой левый берег нашей речки Быковки. И катались там допоздна, забыв про домашние задания. Прежняя учительница всячески пыталась искоренить эти наши увлечения, новая — относилась к этому вполне лояльно.

Однажды, после уроков Зинаида Борисовна подошла ко мне:

— В выходной ты поедешь кататься на лыжах? Возьми моего сынишку Волю. Только с обрыва не давай ему кататься. Видела я этот обрыв. Там голову можно сломать. Ему только шесть-седьмой. Мало бывает на улице, увлекается чтением. Читает он бегло, много книг перечитал. И вот, изъявил желанье, покататься на лыжах с горы.

Я заверил Зинаиду Борисовну, что ее сын будет под моим зорким наблюдением, и добавил:

— Люди знают свои желания, но не всем известны их последствия. Не так ли полагали древние греки?

Язык мой — враг мой. Он сверкнул перед учительницей моими знаниями истории древнего мира, к изучению которого мы приступили в пятом классе. Зинаида Борисовна пристально посмотрела на меня. Она как будто хотела спросить, «ты имел ввиду Пифагора?», но подумав, сказала:

— В школе прекрасная библиотека. Но о Пифагоре мы с тобой поговорим отдельно, в свое время…

Утром в воскресенье я подъехал на лыжах к дому Зинаиды Борисовны. У ворот меня поджидал малыш в меховой шапке и красных рукавичках. Он показался мне не по годам рослым. Его умные глаза светились добротой. Я сказал ему:

— Будем знакомы! Обращайся ко мне на «ты». Я буду звать тебя «Шесть-Седьмой», а ты зови меня «Старшой». Это будут наши позывные

— Согласен, Старшой. Желаю быть твоим другом.

— Время покажет. А пока мороз да солнце, денек чудесный и скользский снег..» — Тут Шесть-Седьмой перебил меня:

— Не смотри на солнце, глаза испортишь. Это я точно знаю.

Малыш поучал меня, блеснув своими знаниями жизни.

— А у тебя доброе сердце. Я вижу, ты учителем хочешь стать?

— Как мои родители.

— Спасибо тебе за совет. Но знай, если ты этот свой совет, не смотреть на солнце, дашь старшекласснику, он тут же ответит тебе: «Не учи ученого!» Я ради интереса смотрю на солнце через стекло, закопченное над керосиновой лампой. Так при затмениях люди смотрят на солнце через защитные стекла, и никто глаза не портит. Можно сказать, «не смотри на солнце без защитного стекла», но это всем известно. В человеке присутствуют рассудок и защитная реакция. Это, я думаю, опыт наших предков. Представь себе, из-за угла на тебя едет грузовик. Пока сознание сообразит, что делать, грузовик тебя может раздавить. Но защитная реакция успела дать команду: «Иди на обочину, вправо!» — Ты сбежал на обочину, без раздумья, и машина промчалась мимо. Защитная реакция тебя спасла. Ну, а сознание констатировало бы народную мудрость: «Не загоняй себя в угол». И на проезжую часть дороги не выходи».

Шесть-Седьмой, выслушав мою притчу, задал мне вопрос:

— А разве сознание не ошибается?

— Ошибается. Оно решает, что делать в данной ситуации, которую обобщил для нее разум Но разум могут обманывать наши глаза и уши. Так, летом я видел дождевые потоки, текущие как будто в гору. Обман зрения! Зимой встань тут на лыжах, и они понесут тебя по насту туда же, куда вода текла летом. И докажут, что тут нет подъема. О, лыжи никогда нас не обманывают. Сознание же может стать в тупик при выборе возможных вариантов, «что делать?». Оно не может видеть будущее, знать, что будет потом, и от того может ошибаться. А вот, что я запомнил из своего детства. Родители к моему

шестилетию подарили мне букварь для самостоятельного обучения чтению. Буквы я знал и скоро научился читать. Букварь стал моей любимой книгой. Я читал слова, расположенные столбиком и удивлялся написанию знакомых мне предметов. А слова «Су(-)харь» и «Ба(-)рабан» вызывали во мне взрыв хохота. Однажды я сказал моим приятелям, учащимся шестого класса. «У меня есть очень интересная книга» — «Покажи нам»

Я раскрыл страницу букваря со словами «сухарь» и «барабан» и при этом расхохотался. Приятели смотрели на меня с недоумением. Один из них спросил меня, умею ли я читать. «Почитай нам» Я раскрыл знакомое стихотворение, которое знал наизусть и, произвольно водя пальцем по строчкам, декламировал: «Я катаюсь на коньках, разгорелись ушки. Рукавички на руках, шапка на макушке». Друзья мои хохотали, схватившись за животы. Что их рассмешило, я догадался позднее. Я водил пальцем не по тем строчкам, которые декламировал. Видно со временем в нашем сознании меняется представление о том, что кажется смешным.

Зимний день короткий, катаясь на лыжах, мы не заметили, как наступил вечер. На следующий день после уроков Зинаида Борисовна снова подошла ко мне.

— Сын мой в восторге от вчерашнего катанья с горы. Рад знакомству со «старшеклассником», то есть с тобой.

— Ваш сын далеко обогнал своих сверстников в умственном развитии. Только бы не возгордился перед ними, не пытался бы их учить. А он мне признался, что мечтает стать учителем, «как его родители».

— Да, да. И я боюсь, не зазнался бы, не стал бы выскочкой.

— У него очень доброе сердце. Не удержится от советов и назиданий своим друзьям — может встретить отпор в своем коллективе. И тогда сердце его ожесточится. Сердце ведь не любит незаслуженного осуждения.

— Надеюсь, ты сказал ему об этом?

— Какое я на то имею право? Я сам не все понимаю и хочу спросить Вас. Я читал советы Феофана Затворника и записал их:

«Сердце держите на привязи, а то оно много глупостей городит.

Глупо оно и без строгого руководства в тот же ров попадете».

Выходит, человеческое сердце вместилище разных желаний, и добрых и злых.

— О! «преподобный», остановись! Это мы не проходили, это вам не задавали. А что касается моего сына Воли, я не хочу его переубеждать. Пусть сам учится и на своих, и на чужих ошибках.

После этого разговора с Зинаидой Борисовной я учинил себе подробный анализ своего поведения с сыном учительницы и осудил свои назидания. Я не во всем был прав! Дав малышу прозвище «Шесть-Седьмой», а себе — «Старшой», я невольно воздвиг барьер между нами. Своим советом, беречь глаза от солнца, малыш хотел преодолеть этот барьер между нами и показать, что не такой уж он зеленый. Тоже защитная реакция.

А я, не поняв его устремления, фактически обвинил его в недомыслии. Затем отверг его утверждение, что «это он точно знает», будто сам он не ведает, что на солнце можно смотреть только через защитные очки. Но он выступил и как учитель, и как врач, и как практик. Теперь я знаю, что и с защитной реакцией от встречного грузовика я не совсем был прав. Впоследствии это случилось со мною в натуре. Однажды я ехал на своей машине узкой проселочной дорогой. Встречный самосвал, мне показалось, подозрительно вилял. «Сверни на обочину от греха подальше» подсказало мое сознание. Я так и сделал, не заметив скрытый травой обвал. Еще мгновение и моя машина полетела бы в обрыв. Меня спасла защитная реакция, она дала команду, минуя сознание: «Жми на тормоза». Хорошо, что не нажал на «газ», педаль его была рядом. Так уцелел, хотя правое колесо моей машины уже висело над обрывом. Проходившие мимо грибники помогли вытащить мою машину на дорогу.

Летом Зинаида Борисовна с Волей покинула нас. Вернулась из декретного отпуска наша прежняя учительница Анастасия Ивановна. А, спустя десять лет, я узнал, что Зинаиды Борисовны нет в живых. Не выдержало ее сердце свалившихся на нее несчастий. После смерти ее мужа, заболевшего туберкулезом еще в годы войны, умерла и дочь Софья от скоротечной чахотки. Мои надежды как-нибудь встретиться с Зинаидой Борисовной рухнули. Не удался и запланированный ею разговор о Пифагоре, о человеческих устремлениях.

Ее сын Воля после окончания восьмилетки поступил в Машиностроительный техникум, по окончании которого два года работал на заводе. Вот, что он поведал мне об этом времени в своем письме.

« Бог в помощь, Старшой! Твой Шесть-Седьмой шлет тебе нижайший поклон. Теперь я работаю мастером на «почтовом ящике». Завод наш большой. Многотысячный коллектив. Друг друга знаем только в лицо. Одного из них я называю условно «черным человеком». Он предрек смерть моей мамы, и порой мне кажется, что именно он накаркал ей кончину, хотя и не был ее причиной».

В семидесятых годах строители перекрыли дорогу, по которой я каждое утро шел на завод. Тут была возведена семиэтажка с девятью подъездами. Мне приходилось обходить ее с правой или с левой стороны. И часто за

углом семиэтажки мне навстречу выходил «черный человек». Он бесцеремонно обращался ко мне на ты. Так однажды он спросил меня:

— Как здоровье твоей мамы? Я ответил:

— Она перенесла инсульт

— И она парализована? Да? А какая сторона? Правая? Приготовься, мой друг, ее хоронить. Она скоро умрет.

— «Типун тебе на язык. Мама поправляется.

— Правая сторона… Все равно, она скоро умрет.

Слова горе-пророка сбылись. Мамы не стало в октябре, 15 числа. С тех пор я стал далеко обходить семиэтажку, чтоб не встречаться с «черным человеком», ставшим мне неприятным. Но однажды, я увидел его идущем мне навстречу. Хорошо, что вовремя заметил! Я тут же свернул на правую сторону улицы. Но моя предосторожность оказалась напрасной. «Черный человек» без труда разгадал мой маневр. Он так же свернул на другую сторону улицы и шел мне навстречу. И тут я развернулся и быстрым шагом пошел в обратном направлении. Так и убежал от него.

С этим «черным человеком» я более не встречался.

Спустя пять лет после этого письма, я случайно повстречал Шесть-Седьмого в Политехническом институте, куда я был приглашен на семинар по вопросам трения в природе и технике. Оказалось, что Шесть-Седьмой был студентом третьего курса этого института. Он узнал меня сразу, как только я появился в коридоре института на четвертом этаже. Я же обратил внимание на идущего рядом справа от меня высокого юношу во фланелевой спортивной одежде с логарифмической линейкой в боковом кармане. Подумал: Студент этого ВУЗа. Вот такими же были и мы лет десять тому назад. А студент тут же мне представился:

— Я Шесть-Седьмой. Здравствуй, Старшой! Не узнаешь? Не забыл мой позывной?

— Тебя не узнать, так возмужал. Ну, здравствуй, Шесть-Седьмой! Рад нашей встрече.

— А ты легок на помине. Вчера я вспоминал тебя. Помню, Старшой я твой совет, не загонять себя в угол, ан — загнал.

Подвела моя услужливость. Вспомнил мораль басни Крылова: «Услужливый дурак опаснее врага». Возможно это и меня касается? И, стоп! себе думаю, не придурок ли я?. Давай присядем, расскажу тебе все, если ты не спешишь...

Я здесь, на третьем курсе конструкторского факультета. На днях не было третьей пары занятий. Пошел в общежитие. Здесь меня ждали мои однокурсники.

— Садись, забьем партийку в домино, — сказал мой приятель Семен Мухин, перемешивая фишки на столе.

— Извините, ребята, Иду на кафедру защищать курсовой проект «статически неопределимые шпангоуты».

— Куда ты рвешься, первым хочешь быть? У меня, даже конь не валялся. Ты один у нас сечешь… эти «статически и фактически неопределимые системы».

Встретивший меня преподаватель на кафедре, был вчерашним студентом, а ныне — аспирант. Гладкая словно прилизанная прическа, всегда в черном костюме при галстуке, он казался нам чопорным и заносчивым. Мы звали его Сан Санычем.

Перед ним я развернул свои листы ватмана.

Он остался доволен моим проектом. Что-то сказал мне в похвалу. И я расчувствовался в своей гордыне. Оценил меня по достоинству! Захотелось сделать ему что-то приятное. И случай представился. Когда преподаватель раскрыл свой журнал и выводил в нем оценку «отлично», я невольно пробежал взглядом по списку студентов в журнале и заметил, что у Семена Мухина в графе оценка стоит «зачет». Ошибка в журнале? Семен же при всех сказал о курсовом проекте, что у него «даже конь не валялся». Сделаю доброе дело, подскажу преподавателю, пусть поблагодарит меня за это. «В журнале у Мухина стоит «зачет», а он еще не сделал проект. Очевидно — ошибка?»

У Сан Саныча мгновенно исказилось лицо. На нем я прочитал негодование: «Куда ты лезешь со своим носом?». Но, сдержавшись, он сказал мне сквозь зубы. «Спасибо».

А сегодня я узнаю, что он увольняется. Не из-за меня ли?

Зачем я вмешался в это дело? Или я действительно «услужливый дурак?». Из институт бежит аспирант-преподаватель. А ведь я полагал, «что положено кому, пусть каждый совершит». Не так ли? Сдать все экзамены, защитить курсовые проекты, затем дипломную работу должен каждый наш студент. Никого ведь насильно в институт не загоняли. И пусть все выполняют вузовскую программу, как необходимый минимум.

— Что сказать тебе? Я твой единомышленник и не «Старшой», а твой верный друг! И ты ж не «Шесть-Седьмой», а Владимир Машевский, студент политехнического института, будущий инженер-конструктор.

Обстоятельства всегда складываются. Но тут ты не прав, полагая, что этот Сан Саныч бежит от тебя, как некогда сбежал ты от «черного человека». Говорят, какой-то студент донес, что на этой кафедре берут взятки за зачет по курсовому проектированию. Но я уверен, что твой проект был факультативным, как пособие в помощь будущему специалисту проектировщику.

А твой приятель Мухин мог убедить заведующего кафедрой, что он собирается стать строителем, а не проектировщиком и знание алгоритмов расчета статически неопределимых систем ему ни к чему. А потому, упросил зачесть ему проект по результатам проведенного коллоквиума и семинарских занятий по данному предмету. И завкафедрой поставил ему зачет.

Подлинными конструкторами бывают только те, кто родился с задатками конструктора, одаренного нестандартным мышлением. Они творцы машин и сооружений на блага людям.

Тебя подвело твое доброе сердце — это станет уроком на всю жизнь. Мы же для себя сделаем важный вывод, впредь не упускать хороший случай, чтобы промолчать. И это тоже защитная реакция!

Виктор Черняк

РАССКАЗЫ ИЗ ЦИКЛА «МОСКОВСКИЕ ПЯТИЭТАЖКИ»

1. Комната на пятом этаже

Чета Дахно проживала в комнате на последнем этаже «пятиэтажки» с окном на Ленинградский проспект, без лифта. Потолки над лестницей в черных сигаретных пятнах. Зимой в подъезд забиралась компания — мальчики и девочки, пили пиво, покуривали, развлекались, например, поджигали почтовые ящики со всем содержимым. Кайф ловили. Стояли у стен, сидели на ступеньках, разговаривали — о выпивке — сколько кто, о своих дружках и подружках. Изредка с улицы в подъезд заглядывал участковый, откроет дверь, всмотрится в темноту, посветит фонариком. — А чего? Зашли погреться. Нельзя что ли? — Жильцы жалуются. А это чья работа? — Какой почтовый ящик? Этот? Не знаем, шпана, наверно. — Смотрите мне. Мотайте, ребятки, отсюда по домам, а то быстро организую переночевать. В обезьяннике. Тебе сколько лет? Отец знает? Ну? Милиционер сам их побаивается, пырнут в темноте ножичком сдуру. А каково жильцам? — Это чья работа? Фонарик пробежал по изрисованным-исписанным стенам. — Это? Мы почем знаем? Шпана, наверно. Знаете, какая сейчас молодежь.

Замолкают, когда в подъезд входит кто-то из жильцов, вежливо освобождают тропинку на ступеньках. От затаенной вежливости и жуткой тишины в темноте, заполненной близким дыханием, у женщин холодок под ложечкой, а мужчины кулаки сжимают, нащупывая в кармане ключ от дверей — на всякий случай, хоть какое-то оружие. Пока доберешься до своего этажа, страху натерпишься.

Зимой в поликлинику они не ходят — холодно и скользко. Да и этот ужасный пятый этаж. Юная лаборантка из районной поликлиники приходит к ним один раз в неделю днем по назначению врача.

Старик Дахно, высокий и худой, в очках, за которыми нос едва проглядывает, суетится, помогает девушке снять шубку. В прихожей на стене черно-белые фотографии в деревянных рамках — улицы старой Москвы. Таких улиц и такого города больше нет.

— Замерзли? — спрашивает Дахно. — Сейчас будем чай пить. Белочка, у нас гости..

Он называет лаборантку гостьей, к ним давно никто не приходит.

— Да, да, я сейчас — говорит женщина из комнаты.

Белочка, маленькая рыжеволосая в широком халате, сидит на диване, рядом с ней на полу — черный телефонный аппарат, у нее больные пальцы, на журнальном столике старая пишущая машинка, по дивану и на полу разбросаны черновики рукописей. Через всю комнату по линолеуму из передней тянется телефонный шнур, тоже черный. В последние годы женщина ужасно страдает — артрит, она с трудом передвигается по квартире.

На диване несколько томов Большой советской энциклопедии с заложенными страницами. Старинный буфет с хрустальными дверцами, массивный книжный шкаф, большой круглый стол, стулья с высокими спинками, мебель, конечно, не для малогабаритной, квартиры, несовременная. Когда-то Дахно покупал все эти вещи в комиссионке на Горького, грузчики с трудом втаскивали их на пятый этаж, запрашивали. На окне тяжелые шторы, слышен слабый шум проспекта. Зимой весь день в комнате включен свет, а летом в открытое окно ветер доносит запах лип с аллеи Ленинградского проспекта.

— Осторожней, — предупреждает Дахно, — здесь провод.

Дахно придвигает к дивану тяжелый стул для девушки и идет на кухню ставить чайник. По случаю гостьи на столе появляются чашки с блюдцами из старинного сервиза, одно блюдце с трещинкой.

Белочка — сценарист, пишет для Свердловской киностудии сценарии научно-популярных фильмов — травы луговые, пористый бетон. Каждый по шестнадцать страниц. Дахно отправляет их в Свердловск заказным письмом. Она с трудом печатает на машинке больными пальцами, вынимает из машинки лист, не читая откладывает в сторону.

— Как вы добрались? Внизу опять хулиганы? Молодежи заняться нечем. Может быть, в милицию позвонить, ты как думаешь, Белочка?

Лаборантка раскрывает свой чемоданчик, быстро и осторожно делает все положенное.

— У вас легкая рука, — говорит женщина. — Что же ваш муж не пришел? Занят?

Старик Дахно пьет горячий чай из блюдца с трещинкой. Ворчит: видел, говорит, разную Москву — извозчики, щеголи, трамваи, нищие. Фотографировал, когда взрывали храм Христа Спасителя, сносили дома в Замоскворечье. Многие негативы остались в коробках. Когда-нибудь чужие люди выбросят это старье, вместо шкафа поставят модный фанерный, на тонких

ножках, который займет меньше места. Москву старик любит, говорит: странный город, его постоянно уничтожают и на том же месте город, как феникс, возрождается. Новые поколения не понимают удивительного города, который увековечили Пушкин, Толстой, привыкают к новому, думают, что это и есть Москва. А ведь это уже не Москва. Каждая новая власть сносит и строит, они, видите ли, знают, как надо.

Он вздыхает, извиняется, осторожно пьет из блюдцв.

— Никак не могу привыкнуть к цветной фотографии, — снова говорит Дахно. — У нас зимняя страна, черно-белая. А Москва, я вам скажу, вообще не цветная, как бы ее лампочками ни расцвечивали. Цветными могут быть коробки конфет, фантики.

Белочка тревожно смотрит на гостью, ей кажется, что девушке скучно, она не уверена, что в доме у лаборантки стоит старинная мебель и что ей понятно, о чем говорит старик.

Но старика трудно остановить. Говорит, каждый раз: не тот город, может быть красивый, но — другой. Какие чудные стихи о Москве написаны хорошими поэтами, говорит он снова. Попробуйте варенье, нам с Украины дочь прислала.

Они с Белочкой приехали, когда Москва еще столицей не была, жили в бараке, в коммуналке, потом эту квартиру дали на пятом этаже.

В книжном шкафу много свободного места. Время от времени старик Дахно отвозит одну-две книги букинистам — в Пушкинскую лавку или к театру Ермоловой на улицу Горького, там замечательные магазины. Продаст книги, а потом переживает, забыть не может, рассказывает, какую книгу видел и не купил. Девушка подходила к шкафу, рассматривала книги, чтобы рассказать мужу.

Дахно переливает кипяток из чайника в другой чайник — большой серебряный шар с гравировкой — «царская охота», на специальной подставке-рогатке. Чтобы разлить чай по чашкам, надо слегка наклонить чайник на оси. За чаем Дахно рассказывает, как он делает настоящее яблочное вино. Хозяева взволнованы: сегодня у них молодая гостья. Они пьют чай с вареньем, Дахно с наслаждением вдыхает ароматный пар.

Их взрослая дочь живет в Киеве, у нее семья. Зовет стариков к себе. Иногда к ним приезжают студенты из Ленинградского института кинематографии, но все реже, у всех свои дела, это понятно. Они выпрашивают у Дахно старые негативы.

Никто не знает: то ли старик сам оступился в темном подъезде, то ли кто-то ногу подставил. В тот зимний день он ходил на почту за пенсией. Дахно лежал на полу в подъезде и в темноте видел парня, который шарил в

его карманах. Его отвезли в Боткинскую, сказали: перелом шейки бедра, это надолго. Шпану как ветром сдуло. Больше в подъезде не появлялись.

Лаборантка и ее муж приносили в больницу апельсины и домой продукты — для Белочки. Старик Дахно умер. Приехала дочь. Лаборантка и ее муж помогали женщине собирать вещи, отвозили контейнер на Киевский вокзал. Мебель продали в тот же антикварный на Горького, из магазина сами приехали, торопились, чтобы хозяева не передумали.

— Хотите взять какую-нибудь книгу? — спросила Белочка. — На память.

Девушка попросила альбом фотографий — «Старая Москва».

— Если можно.

— Ну, о чем вы говорит? Конечно, возьмите. Он бы рад был.

Пятиэтажку снесли, а потом и липы на проспекте спилили.

2. Резиновые квартиры

Семь раз за один год выходила замуж 42-летняя москвичка, проживающая в Войковском районе, в пятиэтажной «хрущевке», и с той же регулярностью разводилась. Все женихи, как на подбор, были приезжими южанами.

Каждого нового мужа женщина прописывала на свою жилплощадь, а после развода не торопилась выписывать. Ее «бывшие» затем регистрировали в этой же квартире своих детей и якобы оставленных жен. В итоге на каждого жильца в крохотной однокомнатной квартире стало приходиться по пятьдесят квадратных сантиметров. Но каждый из них получал право при переселении претендовать, согласно нормам, на все восемнадцать квадратных метров.

Программа по переселению москвичей из ветхого жилья срывалась из года в год. И всегда в последний момент выяснялось, что нуждающихся почему-то гораздо больше, чем показывали предварительные расчеты, записи в амбарных книгах домоуправлений, компьютерная память и здравый смысл.

Интернет был забит объявлениями, доступным текстом честно сообщалось:

«Срочно вступлю в фиктивный брак для получения постоянной прописки за деньги...»

«Помогу с фиктивным браком, женщина москвичка...»

«Предлагаю фиктивный брак мужчине (от 18 до 60) из стран бывшего Союза или дальнего зарубежья, с заключением брачного договора у нотариуса. Для тех, кто хочет получить Российское гражданство...»

Узнав, что в малогабаритной однокомнатной квартирке прописано больше народу, чем в целом подъезде, префект обратился за помощью в милицию. Но там его неожиданно «остудили»: мол, регистрация всех граждан произведена на законных основаниях. Пришлось префекту встретиться с окружным прокурором. Тот ознакомился с первичной документацией и взялся за проверку. Прокурор тоже знал: фиктивный брак — это в общем-то тот же брак, хотя и заключенный без действительного намерения супругов создать семью. Пойди, узнай и докажи истинные намерения. Фиктивный признается недействительным, но суд не может признать брак фиктивным, если лица, зарегистрировавшие его, до рассмотрения дела судом фактически создали семью. То есть — тупик.

Чтобы приобрести право на прописку и жилплощадь в Москве, некий 44-летний гражданин Б. оставил в городе Ташкенте жену и двоих детей и зарегистрировал в Москве брак с 88-летней гражданкой К. с четвертого этажа. Брак по искам прокурора суд признал недействительным, актовые записи о браке были аннулированы. Обстоятельства (женщина вдвое старше) дали основание для вывода, что брак был заключен не с целью создания семьи (что едва ли вообще было возможно в данной ситуации), а с целью получения права на жилую площадь.

Гражданка П. со второго этажа обратилась в суд с иском к гражданину Д. о признании брака недействительным, ссылаясь на то, что ответчик зарегистрировал с ней брак, как оказалось, не имея намерения создать семью и в начале марта, то есть через две недели после регистрации, прекратил с ней супружеские отношения. Обиженная истица утверждала также, что гражданин Д., вступая с ней в брак, преследовал лишь цель улучшить за ее счет свои жилищные условия. Однако эти утверждения истицы не были подтверждены доказательствами. Наоборот, из дела было видно, что каждая из сторон, имея на воспитании несовершеннолетних, нуждались друг в друге и в создании семьи, для чего специально обращались за содействием в службу знакомств города.

— Мы даже не представляли себе масштабов того, что происходит, — признался прокурор, наивный, как гражданка П. — Думали — единичный случай.

Проверку начинали силами окружной прокуратуры, но со временем подключили сотрудников межрайонных прокуратур и отдела по борьбе с экономическими преступлениями УВД округа. Создали мобильную опергруппу. Районные власти были только тормозом, поскольку они сами являлись участниками махинаций с квартирами (да что вы говорите?!), как и работники дирекций единого заказчика, и сотрудники органов внутренних дел.

По правилам, поясняла газета, после того, как правительство Москвы принимает решение о сносе дома, например, представляющего финольную опасность, регистрация новых жильцов в нем должна тут же прекращаться. Но возможно исключение — для тех, кто женится или выходит замуж, и, конечно, для тех, кто понимает «цену вопроса». Не было случая, чтобы суд отказал в удовлетворении иска тем гражданам, которые создали новую семью.

Действовал и более простой метод. Мошенники подыскивали одинокого, пьющего, безработного забулдыгу, каких немало топчется по вечерам возле метро или пивных ларьков. Напоив-накормив и дав небольшую сумму денег, вели счастливца в загс.

По собственноручному заявлению ответственного квартиросъемщика в дирекции единого заказчика готовили документы для регистрации по месту жительства, будто бы проверяли достоверность всех сведений. Они прекрасно знали: все это липа. Ставили дату, записывали и передавали в паспортный стол милиции. А там тоже «свои люди» — от паспортистки до начальника.

Выявить квартиры, где явно пахнет мошенничеством, сложно. Однако есть вещи и посложнее — поиск вещественных доказательств. Приходится опрашивать соседей — живут или не живут здесь «новобрачные»? Обращались ли они в местные поликлиники или не обращались? Учатся ли их дети в соседних школах? Приходилось даже пересчитывать постельные принадлежности и зубные щетки.

Чего они, в самом деле? В метро не протолкнуться, на дорогах пробки, дышать нечем, скинхеды зверствуют, живут в подвалах и на чердаках, это если повезет. А они все едут — в Москву, в Москву!

— Договоримся, дорогой, не думай, не обману.

Абсолютный рекордсмен-многоженец, брачный профессионал Николай Перусков (он же Джованни Вильотто, он же Фред Джип)— умудрился официально зарегистрировать отношения со 104 доверчивыми женщинами в США и 14 других странах мира. Однажды он склонил к супружеству сразу четырех пассажирок-москвичек с квартирами на борту трансатлантического парохода, а позже двух жительниц Ленинграда. Он имел, если слухи не врут, 50 паспортов на разные имена и адреса.

В начале 2014 вступил в силу так называемый закон о «резиновых» квартирах. Собственник жилого помещения теперь не может прописывать у себя бесконечное количество различных граждан. В случае, если при проверке жилого помещения все-таки окажется, что прописанные граждане в этом помещении реально не живут, то есть хозяин сделал «липовую» регистрацию, то собственнику помещения грозит штраф — 100 тысяч, или 500 тысяч рублей, или даже или принудительные работы на срок до трех лет. Есть выбор.

3. Портной

В воскресенье рано утром Галина пришла к портному. Поднялась на второй этаж «хрущевки». Дверь открыла Валентина. Без макияжа она другая, к ней привыкнуть надо. Девушки расцеловались. Они поют в одном ресторане — через день. Валентина придержала халат, чтобы зря не распахивался.

— Проходи, — сказала она. — Володька где-то бегает. Ты его не встретила? Проходи. Чего стоишь?

—Дома? — спросила Галина.

— Па, — к тебе, — крикнула Валентина и шепнула, показывая на дверь, напомнила: «Иван Кузьмич», и скрылась в своей комнате.

Галина постучала и вошла.

— Здравствуйте, Иван Кузьмич. Мне Валентина сказала…

— Я вас вчера ждал, — сказал портной, поднимаясь с дивана.

Газета соскользнула на пол, там и осталась. Он подошел к окну и потянув шнур, открыл форточку. В комнате было накурено.

Иван Кузьмич невысок, широкоплеч, череп такой голый, что смотреть неловко. В молодежных трениках, в выцветшей майке, войлочных тапках на босу ногу. На коричневом линолеуме за долгие годы протоптана тропинка, возле дивана на полу пепельница, гардероб с зеркалом — в полный рост, довоенная швейная машинка — ножная. На стене отрывной календарь. Окно выходит на хлебозавод, в форточку проник кислый запах дрожжей.

Девушка развернула пакет. Отвернувшись к стене, как бы вслушиваясь, Иван Кузьмич ощупал пальто, которое принесла подруга дочери. Потом близоруко осмотрел рукава, петли. Провел пальцами вдоль швов.

—Муж, наверно, лет десять носил? Через десять лет еще раз поправим, будет как новое.

Девушки гуляли во дворе со своими собаками. Валентина пожаловалась, что, кажется, начинает полнеть, а это для нашей профессии — сама понимаешь. Хорошо еще, что папашка классный портной, шьет и перешивает им с Володькой. Володька — бас-гитара. Для папашки шить-перешивать одно удовольствие, сказала она. Так что, если надо, приноси, что хочешь, много не возьмет. Одно условие: во дворе — никому ни полслова.

Пришел Володька, по выходным он с собакой бегает в переулках. Учуяв знакомую гостью, собака поскулила.

Иван Кузьмич не был портным. И скрывался он не от фининспекторов, а от слухов. Во дворе его знают, дом ведомственный, проходит через двор — с ним здороваются. Еще до войны он был главным инженером. Орден Ленина — и вдруг нате вам — по ночам шьет. Как в анекдоте про Рофеллера.

Но времена переменились, завод работает кое-как, по два месяца зарплату не выдают. Вот на старости лет увлечение пригодилось. На пенсию давно пора, но он говорит, что не уйдет, пока не выгонят. Без своего завода не может, столько, говорит, вместе пережили. Октябрь сорок первого до сих пор снится. Немцы к Москве подошли. Деревни вывешивают белые флаги. Люди жгут партбилеты. Жгли архивы, документы, в воздухе летала сажа. Люди прощались друг с другом. В городе паника. Взламывали склады, добрались до спирта. Прошел слух: Сталин готовится покинуть столицу. По всей Москве были оборудованы тайники с оружием, горючими веществами, средствами радиосвязи. Чтобы замедлить продвижение вражеских войск, взорвали крупные участки Ленинградского шоссе.

Еще в июне 41-го специальная комиссия Моссовета разработала план «частичной эвакуации населения Москвы в военное время», чтобы при необходимости вывезти в тыл 1 миллион жителей столицы. За две недели до начала войны Сталин начертал собственноручно на этом документе: «Предложение о «частичной» эвакуации населения Москвы в «военное время» считаю несвоевременным. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить. Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию, ЦК и правительство уведомят нас».

Вывезли Алмазный фонд, ценности Оружейной палаты, запас денежных ассигнаций Госбанка, драгоценные металлы и камни из Государственного хранилища. Вывозили в тыл — на Урал — оборудование, топливо, больницы, учреждения, учебные и научные институты, театры, музеи, архивы, а также миллионы людей.

При невыполнении плана Ивана Кузьмича, директора-полковника, грозили разжаловать в рядовые и отправить в штрафной батальон. Было одно «послабление». В случае невыполнения плана не более чем на 3 процента, в первые три дня следующего месяца после окончания смены коллективу завода разрешалось работать сверхурочно, чтобы «закрыть» план предыдущего месяца. Это было возможно только в том случае, если рабочие уважали своего директора. Иван Кузьмич с гордостью вспоминал, что рабочие спасали его три раза.

Портной прикладывал к пальто клеенчатый «сантиметр», намечал мелом штрихи и при этом как будто оправдывался. Нашел нового слушателя.

А после войны, рассказывала Валентина, папашку арестовали, обвинили в пособничестве врагу. А он просто не смог своими руками ликвидировать завод. Поручил руководство этим делом помощнику, а тот не успел. Потому что паника началась, не до того стало, многие начальники награбили и рванули из города. А папашка остался. В кабинете автомат держал. Приказал срочно зарывать станки в землю.

О цене говорить портной стеснялся, наконец, что-то пробурчал. Галина вышла в прихожую. Валентина была в порядке, хоть сейчас на сцену.

— Ну что, договорились? — спросила она. — Про войну рассказывал? Всем рассказывает, — она засмеялась.

Портной нахмурился:

— Много понимаешь, — пробурчал он.

— Не ворчи, — сказала дочь. — Представляешь, он ни разу не слышал меня.

Володя сидел на кухне с тарелкой и книгой. Валентина махнула рукой в его сторону, мол, не обращай внимания. Подошла собака, ей понравилось, что девушка положила руку ей на голову.

— Когда придешь? — спросила Валентина, поглядев на отца, как бы уточняя.

Иван Кузьмич напомнил: через неделю и не забудьте пуговицы.

— Папуль, у тебя — все? — спросила Валентина. — Она придет. Сколько можно. Война, война. Надоело уже.

Валентина что-то зашептала на ухо подруге и они громко засмеялись.

Иван Кузьмич постоял в прихожей, на него не обращали внимания.

Она любила отца и гордилась им, но говорила, как чужая. Старику было тоскливо и одиноко. Он прошел к себе и закрыл дверь.

Валентина закрыла ногой путь собаке, чтобы не выбежала на лестничную площадку.

4. Старые книги

К дверям приклеена бумажка: продаются книги, недорого, в хорошем состоянии.

— Здравствуйте.

— Алло, алло. Не слышу. Извините, вы как с того света.

Он приехал на улицу Сальвадоре Альенде. Поднялся на 4-й этаж. Дверь открыла высокая старуха, сказала громко:

— Тапки там. Проходите в комнату

В комнате была абсолютная чистота. Такую чистоту он видел только в кабинете зубного врача. .Более страшного помещения видеть не приходилось.

— Проходите. Что же вы?

Квадратная комната с низким потолком, люстра с хрустальными подвесками. квадратное окно. Квадратный стол, покрытый тяжелой скатертью,

стулья с прямыми спинками, книжный шкаф. Перед книгами дешевые сувениры. Фотография мужчины.

Знакомые собрания сочинений, у родителей такие же были. —Лесков в красном переплете, Успенский — коричневом, Арасек — в красном, Жюль Верн, 1001 ночь, Шолохов, Лермонтов, Тургенев, Генрих Манн, Мельников-Печерский. Именно такие книги были дома, у родителей.

— Ну что? — спросила старуха.

Она с трудом вытащила из шкафа и выложила на скатерть восемь томов Генриха Манна.

— Раздарила, — как бы оправдывалась старуха, — словари, справочники. Его коллегам. Осталось еще двадцать шесть подписных изданий, полный шкаф и еще на антресолях. Разве я думала, что смогу жить? Я и не живу. За некоторыми он годами охотился, переплачивал. Помешан на книгах был. Современная молодежь не читает — у них на это времени нет. Одна работа на уме. Хотите кофе? «Nescafe Classic» — растворимый. Вам со сливками? Присаживайтесь, — сказала она.

Они пили кофе. Обхватив ладонями горячую чашку, она рассказывала:

— Каждый месяц двадцать третьего октября стол накрываю. Приходят его друзья. Правда, с каждым годом — все меньше. Но обязательно позвонят. Я их понимаю: работа, семья. Раньше я в поликлинике работала, пока силы были. Книги продаю. Если вам еще какие-то надо, позвоните. Вам это не интересно? Извините, живу одна, поговорить не с кем. Даже по телефону. У каждого своя жизнь.

Старуха постояла у окна, посмотрела на деревья в снегу, прохожих, автомобили.

— Вчера по телевизору сказали, что высота сугробов перевалила за полметра. Снежный рекорд в феврале. Кто бы мог подумать! Уже 63 сантиметра. Я посчитала: если бы снег налетал по 63 сантиметра в сутки, то Останкинскую башню засыпало бы за 857 дней. Главное, во время подметать.

Она хотела поговорить.

— А ведь мы ссорились… Не часто, но ссорились…И не разговаривали… Теперь я вспоминаю и плачу. Я по телевизору видела: социологи провели исследование и раскрыли секрет идеального брака. По их данным, вероятность прожить долго и счастливо имеют пары, в которых жена намного образованнее мужа. Если при этом супруга еще и моложе своего избранника лет на пять, то шансы жить вместе вовсе возрастают в три раза. Как вы думаете, эти социологи что-нибудь понимают в жизни?

— Жизнь никто не понимает.

Старуха замерла.

— Мне легче понять, чем вам. Потому что я — много повидала. Вы, я так понимаю, были отгорожены от жизни родительской заботой и книгами. Жизнь начинаешь понимать, когда остаешься с книгами один на один. Читать не могу. Начинаю читать, а перед глазами — он. Я злилась, что он много читает. Зачем я вам это рассказываю?

В самом деле — зачем? — подумал он.

Она помолчала, как бы вспоминая — что бы еще такое сказать гостю. Когда женщина молчит, ее перебивать не надо.

— Я мужу изменила… — сказала она. — Мы поссорились и я поехала в клуб «Орион» на «Бабушкинской». Там крутили модную музыку… Хорошо, что ему не сказала. Берите печенье. Кофе остывает.

Он встал, но она снова заговорила и он снова присел.

— Я его постоянно доставала. Причем в самое неподходящее время. Он говорил, что я лежачий полицейский. Смешно?

— Смешно, — согласился он..

— Было время, я, дура, у него в карманах шарила, думала — найду записку что ли. А если бы и нашла? Нет, дура все-таки. Никогда не спрашивала о его делах. Получается, что он о них с кем-то другим говорил. С кем-то должен был говорить. С женщиной, у него знакомых полно. Мужчине еще больше надо поговорить, чтобы поняли. Поплакаться что ли.. Чего ж я хотела? Как-то отдельно жили. Вместе, но отдельно. Я готовила, вспоминала всякие, чего еще дома было. И ни разу у него не поинтересовалась, чего бы он хотел.

Она говорила тихо, глядя в чашку. а он не мог встать и уйти. Обидится ведь.

— Каждый вечер по телефону болтала. С приятельницами, сплетничали.

Она посмотрела, как он укладывает книги, сказала:

— Дошла до того, что в районную библиотеку записалась. Дома вон сколько, можно, найти. Так нет, из библиотеки приносила. Он видел — и ни слова.

Они вышли на лестничную площадку. Соседка быстро скрылась за дверью.

Проводив покупателя книг, она вернулась в пустую квартиру. Закрыла форточку. Села на стул перед плитой и открыла газ. Газ быстро и бесшумно стал заполнять кухню. Вдруг ей стало страшно. Она быстро выключила конфорки и распахнула окно. Зимний холодный воздух ворвался в помещение.

Она прошла в комнату. Достала из шкафа ларец. Сначала нанесла дневной крем. Потом — тональное средство, которое совпадало с цветом кожи. Припудрила лицо. Затем изобразила улыбку и нанесла румяна. Черным карандашом обвела ресничный контур и растушевала его, темными тенями

прорисовала складку на верхнем веке. Более светлыми тенями покрасила центральную часть подвижного века — ей показалось, это сделало глаза более объемными. Теперь она принялась за губы.

Она включила телевизор, сделала погромче. Подсела к столу и стала медленно листать записную книжку

По телевизору услышала бодрый голос мэра: «В Москве снесено 1643 дома общей площадью около 6 млн квадратных метров, осталось снести 79 домов. За прошедший год свыше 150 тысяч семей переселены в удобные и комфортные новостройки благодаря реализации данной программы».

То же самое, слово в слово, — подумала она. Тогда они переезжали из коммуналки, им помогали друзья мужа..

5. Двушка

Всю зиму Андрей жил, как король, один в тридцати восьми комнатах с окнами на земле. Верней, мог жить. Но он обустроился в одной из комнат — с печкой. Приходили друзья —физики, лирики, девочки. Варили пельмени, пили вино. Оставались ночевать.

Это был бесконечно длинный барак — узкий, как вагон. В конце ноября, в воскресенье, когда все дома, пришли деловые люди,— мужчина и женщина, провели на кухне общее собрание жильцов, поздравили с получением от государства отдельных квартир в новостройках, объяснили, куда и когда приходить с документами, проверили списки и удалились. Радости не было предела. Всеобщее ликование. Короче, пьянка и тому подобное. Еще вчера соседи враждовали, чуть ни дрались на этой кухне. А теперь резко полюбили друг друга, обнимались, обещали в гости приезжать, и вскоре рассыпались по спальным районам мегаполиса — в Черемушки, Мневники, Речной вокзал. Родители Андрея и обе взрослые сестры получили положенные им квартиры в пятиэтажках. Андрей понял, что квартиры раздают редко и на всю жизнь, он захотел для себя двухкомнатную, как перспективный отец большого семейства. В конторе переспросили: ты что — один? И, естественно, отказали. А он сказал: не поеду и остался жить. Один в тридцати восьми комнатах.

В середине века в Москве потребность в жилье была невероятно высокой: Множество людей теснились в коммуналках и бараках, неприспособленных для жизни. В это время инженер Лагутенко придумал пятиэтажку. Вернее, он придумал рабочую документацию к французскому проекту, опубликованному в Architecture d’Aujourdui. Проект одобрил сам Никита Сер-

геевич, он подробно описывает историю пятиэтажек — индустриального домостроительства в своих воспоминаниях.

Выбрали самый дешевый образец. Пять этажей — без лифта и мусоропровода. Отсутствие подвала и присутствие несущих стен упрощало процесс строительства. Дома строились целыми микрорайонами — вода, отопление и канализация были централизованными, поэтому ни подвал, ни чердак не нужны.

Знаменитое постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» поставило точку. Немедленно отобрали Сталинские премии у маститых зодчих, авторов высоток с излишествами, как например гостиница «Украина». Взгляды на эстетику архитекторам пришлось пересмотреть. Главный создатель панельного домостроения французский инженер Раймон Камю трижды приезжал в Москву по приглашению правительства, в результате чего у компании Camus купили лицензию на схему массового производства бетонных изделий, которую, впрочем, все равно переработали.

Да, так вот — главным строителем хрущевок был Лагутенко, но не Илья — солист группы «Мумий Тролль», как могут подумать фанаты, а его дед — Виталий Павлович. Его пригласили читать лекции вечерникам на строительном факультете Инженерно-экономического института. Гениальный инженер, герой Соцтруда с портретом на обложке «Огонька», лекции читать не умел. Стеснялся. Студентки быстро уловили эту слабость мастера, садились перед ним и с серьезным видом заглядывали ему в глаза. А он, невысокий, седенький, краснел, смотрел то в стол, то в окно. Быстро «исправлял» курсовые проекты, и сам себе ставил сплошные «отл» в «зачетки», незаметно придвинутые к нему.

Пятиэтажное здание было легко собирать, как детский конструктор. При этом возводился дом параллельно с работой бригад сантехников, электриков, штукатуров и маляров, которые трудились в 3 смены. На создание каждой пятиэтажки требовалось всего 12 дней.

Выглядели здания неказисто. но решали вопрос жилья. Временно, лишь до наступления коммунизма в 1980 году. Всего-то.

Андрей работал в театре — осветителем, надеялся, как это обычно бывает в театральном мире, что в один прекрасный день как раз накануне премьеры случиться ангина у главного героя, режиссер в панике, и тогда он вспомнит про осветителя — выглядит соответственно и знает всю роль наизусть. Однако ожидание затянулось. Герой, как нарочно, был здоров и даже не думал болеть. Андрей внимательно изучал игру, готовился поступать в

театральный институт. В это время объявилась в театре новенькая, по имени Лариса, из города Кимры, нет, кажется, из Нижнего Тагила — это неважно. Симпатичную и скромную девушку, в отличие от Андрея, в труппу взяли. Но у нее оказалась своя проблема. Ночевать девушке негде, не на вокзале же.

А тут Андрей со своими тридцатью восемью комнатами. Приютил, конечно. Зная, что барак обречен, сообразительной девушке из города Кимры или Нижнего Тагила пришел в голову потрясающий план. Она предложила Андрею пожениться. Да не бойся ты, получишь свою двушку — я слиняю. А что, в самом деле, подумал Андрей. Другого варианта вроде бы нет. Иногда Лариса приходила ночевать, жена ведь.

И они получили, как было обещано государством, двухкомнатную квартиру: Речной вокзал и полчаса на автобусе, хорошо-то как. Девушка Лариса прошла по комнатам, посмотрела в окна на столицу, заглянула в совмещенный санузел, и у нее нарисовался новый прекрасный план. Недели через две, согласно этому плану, в дверь позвонили. Лариса сказала, что это ее любимый брат Петр, он поживет у нас. Андрей не возражал: брат все-таки. Курящий, выпивающий — с вредными привычками, но — брат. Время шло, а брат не торопился исчезнуть. Однажды, подождав Андрея на улице, Петя сообщил, что пропишется у них. А ботинки тебе почистить не надо? — поинтересовался Андрей — ему почему-то не понравилась идея гостя. Они поговорили. И Андрей попал заезжему брату, в челюсть. Тот упал и вместо того, чтобы подняться и продолжить разговор, остался лежать головой на бордюре. Его увезли навсегда. Андрея, естественно, посадили. На суде Лариса сказала: не видела, не слышала, осуждает. Он и на суде не мог поверить, что всё это серьезно. Девять лет, Мордовия, лесоповал. Всякое было, не спал — сказали, что ночью зарежут. Еле жив остался — батало дрепанный. Там разная публика, живого москвича отродясь не видели. Ну-ка, ну-ка. В больнице заштопали. А под конец оклимался — самодеятельность организовал и даже артель по производству деревянных сувениров на продажу — свистки, шахматы, шкатулки. В доход заведению. Прощаясь, с начальником обнялись.

Столица изменилась. Старого барака, где прошла его прошлая жизнь, в помине нет. Он и место-то не сразу нашел. Все тесно застроено высокими домами. Пятиэтажки, о которых когда-то москвичи мечтали, называют презрительно хрущевками и даже хрущебами, нет, точно — зажрались. Он поехал к Речному вокзалу — дверь открыли счастливые люди сказали, что не знают, кто здесь проживал до них, вроде бы никто. А что? В театре с трудом вспомнили Ларису, сказали, что она где-то за бугром, в эмиратах — это неважно. Его приютил школьный товарищ. Но жене товарища не понравилось,

что он каждый день напивался, бил тарелки и дико ругался во сне. Ушел не простившись, просто не пришел. Поселился в подвале с горячими трубами. Ночью двущка снилась. Пожил до весны в стае бомжей, таких же без определенного места жительства, голодных и грязных. Там за портвейном познакомился с бичом.— бывшим интеллигентным человеком, философом, ну хоть что-то. В конце апреля подались они вдвоем в теплые края — не то в Крым, не то в Кызыл-Орду — это неважно.

Юрий Климов

БРАК — темное царство, если любовь в нем никому не светит.

МУДРОСТЬ может заменить богатство, но ни одно богатство не заменит мудрость.

ЖИЗНЬ не любит тех, кто на неё жалуется.

УЛЫБКА — знак качества жизни.

Злые мысли травят душу, обрекая её на жалкое существование.

БРАК — многоликий…не знаешь, что от него ожидать.

В погоне за богатством, духовных ценностей не замечают.

Одни болезни от слабости ума, другие от злобосостояния.

Одних людей ждут великие дела, других — делишки.

РАЗУМ обязан трудиться, а лучшие чувства — ему помогать.

Ветер находит щели в дому, злоба стремиться к худому уму.

2.

ПРОДАЖНЫМ — мучительно больно, если их не покупают.

Безумная любовь — игра страстей, несчастен тот, кто верит ей.

Нежелание думать приводит к тяжким последствиям.

Хочешь быть разумными, приумножай свой разум по мере сил и возможности!

Одно разумное слово — лучше многословия.

ЖИЗНЬ теряет свой смысл, если в ней нет справедливости, чести и совести.

Конец света в тьме невежества, вражды и нищеты духа.

Кто ищет радости в вине, печаль находит!

3.

В каждом уме есть доля безумства, которое не утаишь.

У молодых любовь без ума, у стариков разум без любви.

От жажды наживы одни звереют, другие сходят с ума.

МЕДИЦИНА — круглый стол с острыми углами.

Иные знают все о других, но только не себя.

В бизнесе, как на войне, без жертв не обходится.

Стоит разбогатеть, как оказываешься в плену порока и страстей!

Одни мысли дают пищу для размышлений, а иные — головную боль.

Иное богатство похоже на омут, в котором алчность водится.

Нечистую совесть деньгами не отмоешь!

Что наша жизнь? Картина, две крайности и середина, которую мы пишем сами, делами мыслями, словами

Радвали Реваз

— Живя, хочется Ее видеть... Видя Ее, хочется жить...

— Не насмерть бы ко мне прилипла — смерть бы ко мне не прилипла.… Но прилип бы к Ней насмерть — смерть бы к Ней не прилипла…

— Мужское слово в семье — закон, а женское — поправка к закону.

— Если как Дон-Кихот нарочно искать Дульсинею, то ненароком можно стать как Дон-Жуан».

— Афоризм — последний звонок назойливой мысли.

— Раздевание женщины глазами — удел того, чьи руки не у дел.

— Чутье предопределяет сознание, особенно у женщин.

— Работа без выходных — это еще не безвыходная ситуация … можно не выходить на работу и в не выходные дни.

— Работа тем более не выносима, если с нее нечего вынести.

— Афоризм, требующий пояснения, афоризмом не является.

— Как ни трудно поверить в Бога, еще труднее в нем разувериться.

— Из одного афоризма можно узнать столько, сколько не узнаешь за множество уроков.

— Нельзя рубить Гордиев узел, если нельзя связать концы с концами.

— Удар ниже пояса не приходится на проблемы выше головы.

— Хозяйственный механизм не должен быть нацелен на то, как создавать, не работая, но на то, чтобы всем прибавить, ни у кого не отнимая.

— Мужчины — проблемы лишь для глупых женщин, для умных же они — решение проблем.

— Железная логика ржавеет со старческим маразмом как женская логика с девичьей памятью.

— Любовь — счастье и глупцов, счастье — любовь лишь мудрецов.

— Умные бедные — не глупые богатые, чтобы покупать дешевое.

— Наши врачи не только здоровы, но и живут богато, ибо бедным людям они не позволяют болеть, а богатым — выздоравливать.

— Свою страну любят все патриоты, но ура-патриоты любят и своих правителей, истинные же патриоты — правительство, любящее народ.

— Дай Бог тебе здоровья, остальное даст Бог.

— Все говорят, что они не как все.

— Человека можно достать лишь в случае его рождения, лишь в бытность свою акушером.

— Посылают и возвращающихся.

— Затрапезный вид не у быстрых трапезников, а долго трапезовавших.

— Любовь привораживает, но брак расхолаживает.

— Ценность золота дорожает еще и его любовью к молчанию.

Фразы ко дню учителя

— На заветы учителей — жить не по лжи, у детей один ответ — жить, не тужить.

— Слово учителя — закон, а ученика — его прочтение.

— Хороший учитель все замечает, а нехороший обо всем делает ученику замечание.

— Ударим по уныло лодырничающим учащимся созданием гильдии весело вкалывающих педагогов!

— Хороший учитель выявит талант учащегося на его благо, а плохой надумает его талант, за что его измучают родители.

Фразы на тему «В здоровом теле – здоровый дух»

— Здоровое тело – Закон природы, здоровый дух – поправка Бога к этому Закону.

— Если не знаешь с чего начать оздоровление окружающей среды, то начни со своего тела и духа.

— Здоровое тело доставляет человеку эстетическое удовольствие, а здоровый дух – духовное наслаждение.

— О здоровье тела нужно не беспокоиться, а заботиться, причем так заботиться, чтобы здоровый дух не беспокоился.

— Не стоит тратить все здоровье, чтобы заработать все деньги, ибо и здорового духа не хватит, чтобы возвратить все потерянное здоровье.

— Чтоб укрепить здоровье питайся и тем, что не в охотку, а чтоб усилить дух общайся и с тем, кого не переносишь на дух.

— В молодости человека больше активизирует его здоровое тело, а в старости – его здоровый дух.

— Поднимая лишнюю рюмку, как будто поднимаешь и дух, но в лишний раз роняешь здоровье.

— Источник удовольствия тела в его здоровье, наслаждения духа – в его силе, а блажен – человек верующий.

— Тело и во сне укрепляется духом, а дух во сне телом не усиливается ни сном, ни духом.

Дюжина фраз про трудности счёта,
невидимые глазу без мысли полёта:

1. Трудности счёта начинаются с роста трудностей.
2. Бесконечная трудность — считать до бесконечности.
3. Если всё принимать на свой счёт, — не рассчитаешься!
4. Принимать всё на свой счёт практичнее в разной валюте.
5. Чтобы сводить личные счёты нужна «наличка».
6. В России стабильна только цена фунта лиха.
7. У живущего по гамбургскому счёту личный счёт всегда в минусе.
8. Если б официант принимал заказ так же быстро, как он приносит счёт за него, ему бы цены не было.
9. Труднее всего считать деньги в своём кармане, когда он пуст.
10. С трудностью счета денег в карманах мужей успешнее борются жены … чужие.
11. Сосчитать бы деньги, выброшенные на ветер, что гуляет в карманах любовниц.
12. Спутаешь сумму денег для любовницы с суммой для жены — всех троих хватит кондрашка.

Татьяна Корина

КРАСАВИЦА

В начале мая Машина мама наконец-то выбралась в гости к своей школьной подруге Верочке. Домой она вернулась не одна. Из большой сумки — только мама расстегнула молнию — высунулась голова.

— Кошка! — воскликнула Маша.

Кошка внимательно посмотрела на Машу и бабушку.

— Иди, иди, не бойся, — подбодрила её мама.

Кошка немного помедлила, подумала и рискнула — выпрыгнула из сумки.

— Ах, какая красавица! — ахнула бабушка.

— Как её зовут? — спросила Маша.

— Так и зовут — Красавица, — ответила мама. — Видишь, у неё на лбу звёздочка, как у красавиц в сказках.

Маша хотела погладить Красавицу, но бабушка её остановила:

— Осторожно! Она может тебя поцарапать.

— Она домашняя и очень ласковая, — успокоила всех мама.

— Где ты её взяла? — спросила бабушка.

— Верочка подарила.

— Как же Верочка смогла её отдать? — удивилась бабушка.

— Всё время, пока я была у Верочки, Красавица мурлыкала у меня на коленях. Я её гладила и приговаривала: «Ты красивая, ты хорошая». А когда я стала собираться

домой, кошка побежала меня провожать. И я сказала Красавице: «Так расставаться не хочется — всё любовалась бы и любовалась тобой». А Верочка вдруг: «Давай я тебе её подарю, — и быстро посадила

Красавицу в сумку. — Бери».

— А тётя Вера не заберёт у нас Красавицу назад? — встревожилась Маша.

— Не волнуйся, тётя Вера отдала нам её навсегда.

Бабушка вздохнула:

— Нет, я Верочку не понимаю. Разве можно так поступать?

— Зато у нас теперь будет кошка, — радовалась Маша. — Красавица, кис-кис.

Кошка, помахивая пушистым хвостом, подошла к Маше и громко замурлыкала.

— Ой, запела! А где она будет спать?

— Устроится, найдет себе уютное местечко, — сказала мама. — У нас все двери открыты.

— Ей мисочка для еды нужна, — сказала бабушка и тут же вспомнила: — Есть у меня одна подходящая.

Бабушка и место нашла на кухне, где кошке было удобно есть и где она никому не мешала.

А уютных мест в доме много нашлось. Красавице нравилось полежать на диване, письменном столе, Машиной кушетке, батарее, подоконнике и даже на холодильнике и телевизоре. Но больше всего ей приглянулось небольшое кресло у окна. Его даже стали называть кошкиным креслом. И если Красавица спала в кошкином кресле, то бабушка тихо говорила:

— Пожалуйста, не беспокойте её, — и поясняла: — У каждого в доме должно быть свое место для отдыха.

Теперь всем, кто заглядывал на огонёк, сначала показывали Красавицу.

— Удивительно хороша! Глаз не отвести! — восхищался гость и гладил кошку по спинке.

— А уж умница какая! — хвалила Красавицу бабушка. — Представляете, если я в платяном шкафу что-нибудь ищу, она не пошевелится. А стоит открыть холодильник или буфет — она тут как тут. Знает, где вкусненькое лежит

— И характер хороший. Ласковая, игривая, — говорила мама.

Тут и Маша вступала в разговор:

— Она совсем не царапается. Вот потрогайте у Красавицы лапки.

— Мягкие, словно бархатные, — улыбался гость.

А Маша продолжала:

— Красавица в кошки-мышки любит играть. Только вместо мышки она за фантиком охотится. И ещё она со мной в прятки играет.

Красавице нравилось слушать, как все наперебой её хвалят, и она не мигая смотрела большими зелёными глазами на говорящих.

А в остальном всё в доме было как всегда. Бабушка, правда, стала забывчивой. Вот собрались поужинать, а бабушка вдруг говорит:

— Надо же! Пожарила на одну котлету меньше. Ну да ничего. В моем возрасте вредно мясо есть.

Мама переложила котлету из своей тарелки в бабушкину.

— У нас на работе очень хорошая столовая. И я совсем не голодна, — сказала она.

А утром со стола бесследно исчезла колбаса.

— Мне кажется, нет, я уверена, что доставала колбасу из холодильника, — растерянно сказала бабушка.

— Не кошка ли стащила? — предположила мама.

— Она, — кивнула бабушка. — Больше некому.

— Красавица, как не стыдно! — нахмурилась мама. — Нельзя таскать со стола.

Маша слушала, как ругают кошку, и смотрела в раскрытое окно. А на ветке тополя, прямо напротив окна, сидела ворона и чистила клюв.

Маша насупилась:

— Это ворона стащила колбасу.

И только тут бабушка и мама заметили, что в кошкиной мисочке лежат нетронутые ломтики колбасы.

— Известные разбойницы, — неодобрительно сказала бабушка о воронах.

Мама взяла Красавицу на руки:

— Бедняжка, ни за что обидели. Прости нас.

— Да у неё и аппетита нет. Вчера вечером еле упростила мясо съесть. Не заболела бы, — забеспокоилась бабушка.

— Не-ет, упитанная кошка, и носик холодный, — улыбнулась мама.

— А аппетита нет, — повторила бабушка и стала уговаривать Красавицу съесть хоть кусочек колбаски.

В воскресенье на кухне хозяйничала мама. Близилось время обеда. На подоконнике стыл компот. Вкусно пахло борщом. Оставалось только пожарить рыбу на второе. И всё — обед готов. Но зазвонил телефон, и мама заспешила в комнату. А Маша как раз на кухню побежала: ей пить захотелось. А на кухне такое увидела! Красавица на стол забралась, и кусок рыбы схватила.

— Кошка, ты что?! Нельзя!

Красавица прыг со стола и молнией из кухни в Машину комнату — и под кушетку.

Маша за ней:

— Отдай! Сейчас же отдай!

Красавица глазами сверкнула, рыбу ещё крепче в зубах зажала и как зашипит.

А по коридору мама уже идёт. Всё слышней, всё ближе её шаги. Маша и Красавица замерли, затаились. Вот мама поравнялась с Машиной комнатой. Вот… Нет, мимо прошла. Вот она уже на кухне. Что сейчас будет!...

Красавица преспокойно съела рыбу, и как ни в чём не бывало пошла к маме. Вскоре бабушка вернулась из церкви. И мама пригласила всех к столу.

— У нас опять происшествие, — пожаловалась мама. — Разбойница кусок рыбы стащила. Вон она, бессовестная, на дереве сидит. Жара на улице, а окно хоть не открывай.

— А кошка где была? — спросила вдруг бабушка.

— Маша с ней играла у себя в комнате.

Маша опустила глаза. «Поскорей бы обед кончился!»,— подумала она.

А бабушка к ней с вопросом:

— В прятки играли?

— Нет, в догонялки, — ответила она и покраснела.

Маша сидела за столом как на иголках. «Всё, — решила она, — буду за Красавицей следить, чтобы больше не воровала».

Теперь только Красавица прибежит на кухню, Маша сразу на руки её берет и в комнату несет. «Пойдем, — говорит, — поиграем».

А Красавица не хочет, вырывается. Спустит Маша её на пол, а она хвостом взмахнёт — и опять на кухню. Маша тогда взяла и закрыла дверь в комнате.

— Вот теперь не убежишь, — сказала она и посадила Красавицу в кошкино кресло. — Спи давай.

А Красавица как замяукает, вернее, как заорёт на весь дом!

Бабушка, конечно, тут же прибежала:

— Что у Вас здесь происходит?

— Ничего, я с Красавицей играю: на руках её ношу, глажу…

— Прекрати мучить кошку! — рассердилась бабушка. — Я за тобой всё утро наблюдаю. Зачем ты её притесняешь? У неё свои желания могут быть.

Красавица к бабушке подбежала, около ног её крутится, мурлыкает.

— Пойдём, Красавица, со мной, — ласково позвала её бабушка.

Маша поплелась вслед за ними. Но бабушка её строго остановила:

— Займись, наконец, чем-нибудь! Нельзя же без дела слоняться.

Но долго сердиться бабушка не умеет. Улучила она свободную минутку и решила посмотреть, чем внучка занимается.

— Рисуешь, — сказала она, — умница. На, яблочко съешь, — и скорее назад.

А навстречу ей Красавица. Мелькнула — и нет её: скрылась в Машиной комнате.

— Опять мир и дружба, — улыбнулась бабушка.

Минуту не было бабушки на кухне. А на сковороде одним антрекотом меньше!

— Из раскаленной сковороды стащила! —возмутилась бабушка. — И обжечься не боится!

А ворона по ветке прыгает, да ещё каркает во всё горло.

В сердцах бабушка замахнулась на Разбойницу полотенцем.

— Вот я тебе!

А окно то закрыто! И форточка тоже!

А Красавица уже опять на кухне. И вид у неё довольный: глазки масляные, сытые.

— Так это всё твои проделки, — сказала бабушка. — Смотри у меня! Нельзя воровать.

Вечером бабушка сказала маме:

— Попалась-таки наша плутовка сегодня на воровстве.

Мама повернулась к окну. На тополе, как всегда, сидела Разбойница и зорко смотрела на них.

— До чего противная ворона, — поморщилась мама.

— Разбойница тут не при чём, — сказала бабушка. — Ворует наша любимая Красавица.

При этих словах ворона хлопнула, словно в ладоши, крыльями и закаркала.

«Это кошка Ваша Р-разбойница! А я — Кр-расавица!» — слышалось Маше в обиженном вороньем крике.

— Бабушка, это я во всём виновата. Не уследила я за Красавицей, — призналась Маша.

— Так ты всё знала и молчала? — удивилась бабушка. — Почему?

— Я боялась, что Вы Красавицу тёте Вере отдадите.

— Глупости какие! — сказала мама. — Мы тоже любим Красавицу и никогда никому её не отдадим. Но она должна понять, что воровать нельзя.

А бабушка решила:

— Не будем ей разрешать одной на кухне оставаться.

Красавице такое решение не понравилось. Она сопротивлялась как могла: пряталась под столом, притворялась крепко спящей или глухой. Но никакие уловки Красавице не помогали. Её неизменно выпроваживали из кухни, закрывали за ней дверь и говорили:

— Нельзя воровать!

Но хуже к Красавице относится никто не стал. С Машей они всё так же весело носились по квартире и играли. Бабушке, как и прежде, нравилось с ней поговорить и угостить её вкусненьким. Мама, как и раньше, любила Красавицу приласкать: взять на руки, погладить, почесать за ушком.

Ну а Красавицу по-прежнему так и подмывало что-нибудь стянуть. И частенько маленькая лапка тянулась то к дивно пахнущей сардельке, то к

куриной ножке. Но удача отвернулась от Красавицы. Обязательно кто-нибудь помешает. «Нельзя воровать», — скажет, да ещё пальцем погрозит.

И выходило, что ни бабушке, ни маме, ни Маше это её занятие не нравилось. А огорчать их Красавица не хотела. Уж очень они её любили!

Пролетели месяцы май и за ним июнь. А в июле в дом пришёл праздник — день рождения бабушки. В большой комнате раздвинули стол, и он стал непривычно большим, длинным. Мама постелила на стол скатерть, поставила вазу с цветами, георгинами. А потом все дружно стали носить из кухни одно за другим разнообразные блюда и заставили ими весь огромный, нарядно сверкающий стол.

О Красавице на какое-то время забыли, и она осталась одна в празднично убранной комнате. Красавица прыгнула на стул и медленно обвела глазами великолепный стол со всевозможной едой. И её беленькая лапка потянулась было к заливному из судака, да почему-то опустилась, и опять потянулась, и опять опустилась. А потом Красавица решительно тряхнула головой, спрыгнула со стула и быстро убежала из комнаты.

И с того дня Красавица перестала хитрить и старалась первая уйти из кухни. И бабушка это заметила. Она раз оставила кухню открытой, два и три. Но ничего из еды не пропало. Красавица перестала воровать. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Красавица тоже любила и бабушку, и маму, и Машу. И постаралась стать такой, какой они хотели её видеть.

Татьяна Михайловская

Прятки

Где ты, зайчик? Под кустом?
Нет.
В доме спрятался пустом?
Нет.
Ты укрылся в норке?
Нет.
Спрятался в ведерке?
Нет.
Нет на ветке, нет в пруду…
Где же я тебя найду?

Убежал ты без оглядки!
Разве так играют в прятки!

* * *

Дети понарошку
дали кошке ложку.
А та как замяучит:
— Кто ж так кошку учит!
Иль не знаете, училки,
кошка ест с ножом и вилкой!
А поела — не зевайте:
мне салфеточку подайте!

* * *

Вечер. Поздно. Спать пора.
«Спи спокойно, до утра», -
шепчет мне на ушко
мягкая подушка.

Одеяло на плечо
навалилось горячо,
ласково бормочет:
«Спи, спокойной ночи!»
«Спи, мой светик ясный», -
тихо лампа гаснет.

Что же, ослик, ты молчишь,
почему не говоришь
мне «спокойной ночи»?
Или спать не хочешь?
Просто ослик серый
засыпает первый…

Татьяна Шипошина

Котяра

Осенним деньком я гулял по бульвару.
Гляжу: мне навстречу — облезлый котяра.
Спросил я:
— Не сыро ли вам на аллее?
Неужто аллея
Вам дома милее?

Мне кажется, раньше
Вы были домашним?
Днём, может, вчерашним,
Иль позавчерашним?

Котяра вздохнул:
— Я теперь им не нужен…
Хозяева злые — страшнее, чем лужи!
Хозяева злые — страшнее дворняги!
Ужаснее сторожа
В универмаге…

Эх, мог бы я всхлипнуть —
Но кошки не плачут!
И даже не могут завыть по-собачьи…

Сказал я котяре, смущаясь немного:
— Могу предложить я вам кров и подмогу,
И место на кресле, и клетчатый плед,
И завтрак, и ужин, и даже обед,

А также — пусть, право же, это старо, —
Хочу предложить вам — поверить в добро.

Вдруг захочешь?

Я с утра спросил Серёгу —
Закадычного дружка:
— Почему твоя, Серёга,
Перевязана рука?
Я, — махнул рукой Серёжка, —
Подразнил немного кошку!
Просто так, по случаю…
Ох, и царапучая!

И в обед мой друг Серёга
Снова мимо пробегал:
— Почему твоя, Серёга,
Перевязана нога?
Отвечает мне Серёга:
— Подразнил немного дога!
Дёргал хвост собачий я…
Псина-то — кусачая!

Вечерком пришёл к Серёжке.
Вижу: дело — не пустяк!
— Почему, скажи, Серёжка,
У тебя такой синяк?

Под спиною, в пол ножищи!
Кто побил тебя, дружище?

Говорит Сергей сурово:
— Подразнил слегка корову!
Взял за рог шутливо я,
А она бодливая…

Посмотрел я на Серёгу
И сказал Серёге так:
— Не ходи со мной, Серёга,
Завтра утром в зоопарк!
Вдруг захочешь ты, Серёга,

Подразнить слона немного?
Тра-ля-ля, да тир-ли-ли…
Убежать сумеешь ли?

Хобби

Мама вечером сосёт валидол,
Папа форму ЦСКА приобрёл,
И твердят они: — Давай на футбол!
Записали мы тебя
На футбол!
На футбол соседский Вася пошёл,
На футбол соседский Коля пошёл,
Ты подумай!
Это ж просто прикол,
Что не хочешь ты ходить на футбол!
И иду я со слезами в кровать:
— Мама, папа! Я хочу вышивать!
Не хочу гонять я мяч по траве,
А я крестиком хочу, по канве!
Не хочу я колотить по мячу,
А картины вышивать я хочу!
Ты, папуля, не решай сгоряча:
Вышиваешь ведь
Ты сам
По ночам…

Виктор Кротов

НОВЫЕ СКАЗКИ-КРОШКИ: О ЧЕРВЯЧКЕ ИГНАТИИ И ЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯХ

Давным-давно, закончив сотую сказку про червячка Игнатия, я и не думал, что у нас с ним появится ещё одна книга историй. Но вот — появилась. Пока это ещё не такие подробные истории, как были раньше. Подробности я расскажу чуть позже.

Всё здесь кратко, зато о главном. О том, как червячок Игнатий дружил с жизнью и как ему в этом помогали его размышления.

Оказывается, думать — это очень интересно!..

Птички-мыслички

Прилетели однажды к червячку Игнатию птички-мыслички — целая стая. Быстрые, красивые, разноцветные, хотя почти прозрачные.

— Откуда вы? — спрашивает червячок.

Мыслички смеются:

— Мы часто прилетаем, только ты редко кого из нас замечаешь. А сейчас мы тебе снимся.

Стал Игнатий к мысличкам присматриваться, но проснулся. Схватил листочек и записал: «Если мелькнула мысличка, запиши её. Она улетит, но останется». Повесил листок на гвоздик, надписью к стене.

А тем, кто хотел посмотреть, что за листок, говорил:

— Тс-с-с, там птичка-мысличка, не беспокойте её.

Друг, который вокруг

Когда на червячка Игнатия напала злая залётная птица, а он от неё спасся, все стали расспрашивать, как это ему удалось.

— За меня друг вступился, — ответил червячок.

— Какой? — удивились все.

— Друг, который вокруг, — объяснил червячок Игнатий. — Мы с ним очень дружим. Вернее, с ней...

— С кем? — закричали все хором.

— Он у каждого из нас есть... Вернее, она. Я про жизнь говорю.

— Значит, и у этой злой птицы такой друг есть, — хмыкнул жук Дормидонт. — Что же он... она ей не помогла?

— Не знаю, — удивлённо ответил Игнатий. — Наверное, у них дружба не такая крепкая.

Нескучный разговор

— Ты всё твердишь о дружбе с жизнью... — сказала божья коровка Пятнашка. — А на каком языке она с тобой разговаривает?

— У неё много языков... — задумчиво произнёс червячок. — Важно догадаться, что за язык, да ещё понять... Но сейчас я точно знаю, на каком языке и что она говорит.

— Да?.. — удивилась Пятнашка.

— Сейчас она говорит твоим обиженным видом, — улыбнулся червячок. — Говорит, что самый нескучный разговор с ней — это разговор с одним из друзей, и не надо давать им на тебя обижаться. Во что бы нам поиграть вместо обижания?

— Во что угодно! — облегчённо воскликнула Пятнашка и рассмеялась.

Начинка и оболочка

Жук Дормидонт принёс устройство.

— Можно о каждом узнать, какая у него начинка, все гены и атомы!..» — заявил он.

— У всех нас начинка из Тайны, — улыбнулся червячок Игнатий. — И оболочка из Тайны. Никакие гены и атомы не расскажут, почему мы любим сурового ворчливого жука Дормидонта.

— Ну... я всех вас тоже... — проворчал Дормидонт. — Но знать надо всё.

— Всё не получится, — вздохнул Игнатий. — Ведь у каждого гена или атома тоже начинка и оболочка из Тайны состоят.

— Получается, мой прибор — просто игрушка? — буркнул Дормидонт.

— Очень полезная, — утешил его червячок. — Тайна от него не пострадает. Её только больше станет... Хочешь чаю? Полную чашку Тайны....

Кто ты, червячок Игнатий?

Однажды червячок Игнатий задумался — и вдруг обнаружил в норке ещё двух червячков.

— Ой, кто вы? — спросил он.

— Я мечтательный червячок Игнатий, — ответил один и чему-то улыбнулся.

Другой вздохнул:

— Я переживательный. Очень беспокоюсь, что не один здесь. А ты кто?..

— Наверное, размышлительный, — решил Игнатий, немного подумав. — Размышлял, кто я такой на самом деле... По-моему, в глубине норки ещё кто-то шевелится... Сколько же нас? Давайте чай пить!..

Но за столом червячок Игнатий почему-то очутился один. «Надо же, — удивился он. — Нас только на размышление оказалось много. Какой я разнообразный». И налил себе одну чашку чая.

Самая верхняя вершина

— Люблю взлететь на вершину какой-нибудь горки, — сказала стрекозка Зоя. — Червячок Игнатий, ты не знаешь, где самая верхняя вершина? Слетать бы туда!

— Самая верхняя вершина, — ответил червячок Игнатий, — это внутри, наверное. Она вроде у каждого своя, но у всех нас общая. Думаю, мы с тобой когда-нибудь там обязательно встретимся. А пока давай чаю попьём.

И он принялся заваривать чай, пока стрекозка Зоя осматривала своё брюшко и даже пыталась нащупать там самую верхнюю вершину.

Невообразимые страны

— Червячок Игнатий, ты боишься умереть? — спросил паук Пафнутий.

— Нет, конечно, — тут же ответил червячок Игнатий. — Там же самое интересное начинается: невообразимые страны.

— А зачем же тогда всё это умирание придумали? — буркнул жук Домидонт.

— Чтобы мы внимание обратили. Чтобы понемногу нужные вещи в дорогу собирали.

— Какие ещё вещи? — удивился жук.

— Ну, доброту, всякую заботу... — начал перечислять Игнатий.

— Любовь, — мечтательно добавила божья коровка Пятнашка.

— Ага, — согласился червячок. — Но сейчас, друзья, позвольте о вас позаботиться и заварить свежий чай!

— Позволяю, согласился жук Дормидонт.

Остальные тоже были не против.

Старенький или старшенький?

Когда червячок Игнатий и паук Пафнутий вспоминали за чаем давние времена, паучонок Чак спросил:

— Папа, кто больше старенький — ты или червячок Игнатий?

Пафнутий укоризненно покачал головой, а червячок улыбнулся:

— Ты, Чак, слово перепутал. Мы не старенькие, а старшенькие. Поэтому знаем кое-что, чего ты пока не знаешь.

— Надеюсь, когда твоё время подойдёт, Чак, ты тоже не захочешь быть стареньким, — добавил паук Пафнутий. — Мы не захотели — и не стали. Старшеньким быть интереснее.

— Ага, — подтвердил Игнатий. — Знаешь, что младшенькому ответить.

И оба рассмеялись.

Чак подумал и решил не обижаться, что назвали младшеньким. И тоже засмеялся.

Ученические учителя

— Ты такой учёный, червячок Игнатий, — сказал однажды паук Пафнутий, когда они беседовали возле пруда в парке Дружбы. — Наверняка у тебя мудрый учитель. Вот бы увидеть...

— Легко, — согласился Игнатий, и подвёл паука к воде. — Вот учитель, — показал червячок Пафнутию на водное зеркало.

— Там только мы отражаемся. Даже малька Булька не видно. Может, это я учитель? — засмеялся Пафнутий.

— Ты, — подтвердил Игнатий. — А если остальных учителей собрать, пруда не хватит всех отразить.

— Да какие мы учителя, — засмущался Пафнутий.

— Мои, ученические, — пояснил Игнатий. — Раз учусь у вас, значит — мои... Вон и учитель Бульк плывёт...

Лошадиная ёлочка

Услышала лошадь Малинка разговор конюха Ланы с конюхом Маней.

— В новогоднюю ночь ты, Маня, дежуришь?

— Да.

— Без ёлочки?

— Без ёлочки. Да зачем она? Всё равно никого не будет. Спать завалюсь.

Рассказала Малинка другим лошадям. Пожалели они Маню.

— Не годится человеку без ёлочки в Новый год оставаться, — заметил большой мудрый Майор. — Это всё равно что нам целый день без сена.

— Надо нам для Мани ёлочку устроить! — догадался Парламент.

На том и порешили.

Настала новогодняя ночь. Задав лошадям корма, Маня легла подремать. А лошади, быстро справившись с едой, как они умеют, принялись за дело. У лошадиного племени свои хитрости, и денники свои они открыли быстро.

Ёлочкой они выбрали самую красивую — соловую Мечту.

— Ёлочка должна быть в иголочках, — заявил Корсар.

Иголочки сделали из сена.

— На ёлочке должны быть подарки, — добавила Муфта. — А лучший подарок — морковка.

Таз с морковью отыскали быстро.

— А рядом должен быть Дед Мороз в шубе, — высказался Майор. — Это буду я, как самый солидный.

Потом, чтобы разбудить Маня, все хором заржали.

Маша взвилась, выскочила из комнатки с диваном, зажгла свет и закричала:

— А-а-а-а-а!..

В проходе встала на дыбы Мечта, вся в сене. В гриве застряли морковки. Рядом стоял Майор и старался исполнить «В лесу родилась ёлочка» на лошадином языке. Остальные ему подпевали...

— Вот как всё здорово получилось! — радовался Корсар. — Она от восторга без чувств упала.

И лошади занялись хозяйской послепраздничной работой: перенесли Маню обратно на диван, убрали сено и морковь (догадайтесь КУДА) и разошлись, довольные, по денникам.

Мария Романушко

СРОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА

любите мышек
любите крысок
любите кроликов
и черепашек
любите бабочек
жуков и мушек
коней, дворняжек
ворон и кошек...
чтоб вдруг увидеть,
что мир — хороший!

Дождь в зоопарке

дочке Ксюше

Мы с тобой —
существа природные,
мы поистине земноводные.
Мы гуляем по Зоопарку,
в Зоопарке сегодня не жарко.
В Зоопарке сегодня сыро,
все сидят по своим квартирам.
Удалилось зверьё на просушку,
одинокие мокнут кормушки.
Воробей, ворона, голубь
быстро утоляют голод.
Эму мокнет,
эму сохнет.
Снова мокнет,
снова сохнет...
Мокнет розовый фламинго,
отсырел печальный динго.
Отсырели гуанако...
Дождик льёт три дня, однако!

И жираф под дождик вышел.
Он глядит как будто с крыши.
Ну и вымахал ты, брат!
Я тебя увидеть рад.
И сидит на полянке,
в колосках и ромашках,
одинокий гепард —
такая милашка!
Наслаждается дождиком
кошка природная.
Видно, ты — как и мы —
существо земноводное.

Ой, хорошая квартира!

Я наблюдаю за вещами:
они живут как будто сами,
как будто сами по себе —
а я здесь вовсе не при чём.
Я наблюдаю за зверями:
и звери тоже вроде сами,
живут все сами по себе —
а я здесь будто не при чём.
Гуляют мышки по квартире,
гуляют книжки по квартире,
гуляют кролик и пиджак —
и не собрать мне их никак.
По клеточкам — не рассадить.
По полочкам — не разложить.
Придётся с этим мне смириться
и перед гостем извиниться.
Что не найду для гостя стула
(на стуле курочка вздремнула).
Что не найду для гостя чашки
(в ней поселились две ромашки).
Да, вот такая жизнь в квартире!..
Зато — не скучно в этом мире.
В любое время дня и года
хозяйничает здесь СВОБОДА.

Маша Ши

СЧАСТЬЕ

Сказка

1

Жили некогда в Городке некоторые Муж и Жена. Поженились они, когда были ещё очень молоды, поселились в маленьком домике и стали жить. Год, два, три жили. И всё никак у них ребёночка не было. Стали люди Городка это замечать: чего это, мол, у Мужа и Жены ребёночка нет. И стали посмеиваться. Посмеивались, посмеивались, да и выгнали Мужа и Жену из Городка. Потому что у Городка был свой закон, который гласил: «Любая супружеская пара, в течение двух-трёх лет после женитьбы не сумевшая обзавестись ребёнком, является недействительной и выступает, как раздражающий фактор для жителей данного Городка».

Так и пошли Муж и Жена из Городка скитаться со своими пожитками. Скитались-скитались, пока не решили поселиться вон на той высокой Горе, на которую не ступала нога человека.

Долго подымались Муж и Жена в Гору, но, наконец, добрались до её вершины. Стали отдыхать и оглядываться. Гора была дикая-дикая, поросшая густыми лесами. Стояли невиданных пород деревья, а под ними было великое множество ягод и грибов. Среди этих деревьев ещё бродили невиданных пород звери, которых не знал ни один охотник. Видно, и правда никогда не ступала сюда нога человека.

Так и поселились Муж и Жена на горе. Муж сделал из дерева крохотный домик, а Жена насобирала много-много ягод и грибов, чтобы на год хватило и ей, и Мужу. Вместе они каждый день спускались к роднику, который журчал неподалёку, и набирали воду. Днем Муж делал что-нибудь из дерева или камня, а вечером сочинял песни, чтобы петь их Горе и Жене. А Жена днём варила грибной суп и делала варенье из ягод, я вечером слушала, как поёт Муж.

Шло время. Через год случилось удивительное событие: у Мужа и Жены всё-таки родился ребёночек. Как они радовались, когда это случилось! Казалось, радовалась даже сама Гора — по утрам солнце стало светить теплее, а звёзды по ночам — ярче. Несомненно, для Мужа и Жены это было великое счастье — так долго не иметь детей, но всё-таки родить. И они решили так и назвать ребёночка: Счастье.

Муж смастерил для ребёночка колыбельку, а Жена на простынях вышила цветы. К колыбельке приделали табличку с надписью «счастье».

2

В ту пору жил внизу, в Городке, в маленьком домике известный Сплетник. Слух у него был чуткий, глаз зоркий, ноги крепкие, чтобы быстро добегать до места, где что-нибудь случилось. Вставал он очень рано, неизменно надевал потёртую куртку без пуговиц и выходил в Городок смотреть, что у кого случилось интересного. Он был очень любопытен и старался не упустить ни одной детали, когда что-нибудь происходило.

В ту ночь, когда ребёночек родился, его крик слетел с горы и долетел до Городка в виде едва заметного звука. Услышал этот звук только Сплетник, живущий в Городке, потому что слух у него был чуткий. И совершенно тогда Сплетник потерял сон. А после сказал жене:

— Слышала ты, жена, странный звук? Никак не пойму, что это.

— Что ты там бормочешь? — сказала жена, — Дай поспать, на дворе ночь.

Но Сплетник не мог спать. Он был очень любопытен. Встал он с кровати, надел сапоги и так в ночной рубашке и вышел из своего домика. И сразу снова услышал странный звук, и пошёл на него.

Так звук и довёл Сплетника до вершины Горы. Правда, он, пока дошёл, совсем устал. Хоть ноги у него были и крепкие, но был он уже в летах.

На вершине Горы Сплетник увидел одинокий крохотный домик, и очень удивился, так как на горе никто никогда не жил. «Ага-а, — подумал Сплетник, — кто-то всё-таки сумел ускользнуть от моего Внимания! Может, отсюда и раздавался звук?»

В домике не горел свет, но в окне были видны едва заметные блики на стенах от тусклой лучины. Отдышавшись после трудного пути, Сплетник подобрался поближе к домику, встал на цыпочки и заглянул в окошко. «Вот те на! Табличка с надписью «счастье»! Это что же? Счастье появилось? Так я слышал звук счастья? Надо срочно кому-нибудь рассказать!». И побежал взволнованный открытием Сплетник вниз, в Городок, забыв про усталость. Хоть он был и в летах, ноги у него были крепкие.

3

Самым ранним утром Сплетник разбудил жену.

— Жена! Жена! Вставай срочно! Я счастье видел!

— Чего? Какое счастье? Ты в какую рань меня разбудил? Ещё даже петухи не проснулись!

— Счастье, самое натуральное! На Горе, на самой вершине! Там дом стоит, а в нём — счастье!

Жена Сплетника поднялась и уселась на постели, потирая глаза. Она хотела, чтобы муж рассказал ей про счастье поподробнее, но его уже и след простыл. Сплетник побежал рассказать Соседу об увиденном, совершенно позабыв, что сейчас ещё самое раннее утро и сосед, наверняка, тоже спит.

4

Сосед проснулся от оглушительного стука в дверь — это Сплетник стучался. Да так громко, что не только Сосед, наверное, проснулся. Не понимая спросонья, в чём дело, он встал с кровати, вышел в коридор и в одной ночной рубашке открыл дверь.

— А, это ты, сосед… Ну, что новенького в такой ранний час? Кто там кого побил? От кого жена ушла?..

— Оставь свои шутки, Сосед, и слушай новость, — перебил взволнованный Сплетник, — Я сегодня ночью… счастье видел! Прямо на Горе!

— На Горе? Счастье? — Сосед вытаращил глаза, — Да разве ж его можно увидеть?.. Зайди-ка в дом.

Сплетник зашёл в дом к Соседу и закрыл за собой дверь. Сосед включил на кухне свет и велел гостю сесть за стол.

— Кофе хочешь?

— Не откажусь.

Сосед зажёг плиту и поставил чайник.

— Так зачем ты ночью в Гору стал подыматься, расскажи? — спросил он.

И Сплетник рассказал историю. Он рассказывал так возбуждённо, так размахивал руками, что убедил Соседа, в конце концов, в том, что надо идти в Гору за счастьем.

Закипел чайник.

5

Через неделю новость о том, что на Горе можно найти счастье, разлетелась по Городку. В каждой семье эта тема стала первой для обсуждения на

кухне, за чаем. Кое-где эту тему поднимали даже дважды в день, и не только на кухне, и не только за чаем.

Жёны говорили своим мужьям:

— Вот сходим мы, муж, на Гору, а вернёмся богатыми-пребогатыми! Квартирку на домик поменяем, ребёнку игрушек накупим!

Девочки в школах на уроках говорили своим подружкам:

— Вот схожу я на Гору с мамой и с папой, а вернусь принцессой. И будет у меня платье, а потом — жених.

Матери ленивых сыновей говорили им:

— Вот сходим мы с тобой на Гору, вернёмся, а ты учиться станешь, как следует!

И много всего ещё люди говорили друг другу.

6

И решили люди Городка собраться вместе и в один прекрасный день и пойти на Гору за счастьем.

Стоял тихий солнечный день. Солнце согревало Гору, а особенно её вершину. Иногда над Горой проплывали облака, на некоторое время погружая домик Мужа и Жены в туман. Муж и Жена сидели друг с другом в домике и качали колыбель: у ребёночка был дневной сон. Внезапно раздался громкий стук в деревянную дверь домика. Муж и Жена удивлённо повернули головы в сторону двери: кто может стучать в дверь, если никакие люди, кроме них, не живут Горе?

Ребёночек захныкал. Снова раздался стук, и Муж встал, чтобы пойти открывать дверь. Каково было его удивление, когда, открыв дверь, он увидел перед собой толпу народа — почти население маленького городка!

— Это здесь находится счастье? — спросил самый смелый из людей.

— Здесь, — ответил Муж.

— Покажи нам его! — оживилась толпа, — счастье! Счастье! Мы хотим счастья!

Взволнованная звуком человеческих голосов Жена вышла к Мужу с ребёночком. Ребёночек хныкал, так как его окончательно разбудили. Жена качала его на руках, что-то ласково бормоча.

— Вот Счастье, — сказал Муж, указывая на ребёночка.

— Где? Не видим? — люди, стоявшие сзади всех в толпе, пытались высунуть головы из-за спин своих товарищей, чтобы разглядеть счастье.

— Да вот же Счастье, — повторил удивлённый муж, снова указывая на ребёночка.

— Да разве ж это счастье! — кто-то недовольно всплеснул руками, теряя терпение, — обычный ребёнок. Вы, молодой человек, голову народу не морочьте, а счастье сюда давайте. Мы отсюда без счастья не уйдём. Не зря же в Гору подымались!

Муж окончательно растерялся. На помощь ему пришла Жена, сказав:

— Он прав. Здесь, в нашем доме, на Горе, живёт Счастье. И это Счастье — наш ребёночек, которого мы так долго ждали, и он, наконец, родился. И теперь мы счастливы.

— Нас обманули! — воскликнул раздосадованный голос из толпы, — нет здесь никакого счастья! Только два отшельника и их ребёнок, который вырастет и станет таким же отшельником!

Толпа загалдела и зашевелилась в недоумении.

— А как же новый домик и игрушки для дитяти? — прокричал кто-то из толпы.

—А как же хорошие оценки в дневнике у моего сына? — прокричал кто-то ещё.

А самый смелый из людей плюнул на землю, повернулся и пошёл прочь, пиная камни. А за ним потихоньку пошли все остальные расстроенные люди.

Муж и Жена продолжали стоять на пороге своего домика и удивлённо смотреть на уходящую толпу, пока ребёночек не привёл их в чувство своим лепетанием.

Витас Жиглис

* * *

Игривой кошкой льстится нежно,
Мурлыча тёплые слова,
Раскрыв объятия небрежно —
Твоя холодная душа!..

Судьба

Мы едем. Ночь. Плацкарт. Вагон.
Лежим. Молчим. Магнитофон
играет тихо. Стук колёс.
Она напротив. Я сражён!
Встаю. Иду. Вагон. Другой.
Мне в ресторан. Вот стол пустой…
Сижу. Курю. Смотрю в окно —
Вокзал. Перрон. Кругом темно.
Пюре. Котлета. Оливье.
Вино. Расчёт. Иду к себе…
Разделся. Лёг. Достал журнал.
Читал-гадал. Закрыл. Убрал.
Лежу. Не сплю. ОНА встаёт.
Уходит. Нету… Чай несёт.
Конфеты. Сахар. Разговор.
Знакомство. Смех, и… томный взор.

Екатерина Зенкова

Мыс Фиолент

Плыли греки — моряки,
На суденышке убогом,
К берегам чужой Земли,
Странствуя с тревогой…
Сильный ветер налетел,
И поднялись волны,
Каждый, кто пожить хотел,
Верою исполнен…
И молитва зазвучала,
Над волною черной,
Без конца и без начала,
Над могучей бездной…
И готовились они,
В Ад попасть и сгинуть,
Но, Господние пути,
Неисповедимы…
И скалу Он им явил,
В помощь и надежду,
И одет Георгий был,
В белые одежды…
На коне, стоял Святой,
На скале, средь моря,
Все воспрянули душой —
Отступило горе…
И поставлен божий крест,
Моряками в море,
Там, на мысе Фиолент,
Что в Крыму, на воле…

* * *

Уехала она в Париж, однажды, зимним вечером,
Напрасно ты о ней грустишь, она уже повенчана..
С домами «корабельными» Османа, и с площадью Согласия,
С героем страстного романа, здесь будет она счастлива…
Мы можешь ее встретить в Гранд-опера и Лувре,
Ведь трудно не заметить распущенные кудри..
Прикрывшись нежным веером опущенных ресниц,
Парижским зимним вечером, бывала Она в Ритц..
Гуляла по Монмартру и видела Моне,
Потом ей снились Сартр и Франсуа Рабле..
Отточенные фразы изысканных манер,
На ушко шепчет сразу ей пылкий кавалер…

Валентина Литвинова

ЦАРСКАЯ ЛЮБОВЬ

— В жизни так не бывает.
— Вы думаете?
(Из разговора).

Мелькают события. Мелькают люди. Много странного происходит в нашей жизни. Так и люди. Кто-то рядом с нами всю жизнь. Конечно, это — самые любимые. Кто-то ненадолго вспыхивает на горизонте нашей жизни. А кто-то все время возвращается.

Вот так ко мне всё время возвращается Фёдор. Познакомились мы с ним в самом начале первого курса. Представлялся он так: «Меня зовут Фёдор. Фёдор Иоаннович. В смысле, Иванович. Как царя». Он стал захаживать в нашу группу к одной барышне. Звала она его — «насекомое». Потому что он носил круглые очки и действительно кого-то напоминал из мира жуков — пауков. Вскоре он как-то незаметно переключил свои ухаживания на меня. Водил в бары, угощал модным тогда коктейлем «Шампань-коблер». Познакомил с бабушкой и родителями. Видимо, смотрины я прошла, и в какой-то день я вдруг обнаружила себя наедине с Фёдором в его комнате, но быстро опомнилась и принялась спасать свою девичью честь.

Надо сказать, что родители воспитывали меня строго. Внушали, что «первым мужчиной должен быть муж». А так как я всегда боялась огорчить родителей, то всем своим поклонникам любила задавать вопрос: «Ты женишься на мне?». В случае же с Фёдором и предложений (конструктивных) не поступало, и события разворачивались как-то уж очень стремительно. Поэтому через некоторое время, увлекаемая ураганом жизни, я потеряла Фёдора из виду. Слышала, что на пятом курсе он женился, родил сына. Много лет от него не поступало никаких вестей.

В следующий раз наши орбиты совпали лет через пятнадцать. В самый драматический год моей жизни. Пережив много потерь и разочарований, я активно искала работу. С достойным вознаграждением и интеллигентным окружением. Позвонил Фёдор. Сказал, что в российско-итальянской компании, в которой он работал, открылась вакансия. Не хочу ли я прийти на собеседование? Он всё устроит. «Только имей в виду, я очень сильно изменился. Можешь меня не узнать».

И я действительно его не узнала, хотя была настроена на узнавание. Голова, когда-то увенчанная светлыми густыми волосами, была обрита наголо. Интеллигентные круглые очки были заменены на контактные линзы. Короче, от былой белогвардейской внешности не осталось и следа.

Приятное собеседование с итальянским управляющим закончилось для меня ничем, и мы с Фёдором опять потерялись на долгие годы…

В следующий раз он появился как-то внезапно. Однажды вечером Фёдор возник в телефонной трубке: «Еду мимо твоего дома. Можно загляну?» Я не очень была настроена принимать гостей. К тому же собиралась на свидание. Но… воспоминания о студенческой юности и воспитание не позволили отказать ему в удовольствии видеть меня. «Какая ты!»— восхищенно произнес он, едва я открыла дверь. «Извини, тороплюсь, еду к Любимому. Как у тебя дела?»

Потом я уже пожалела, что спросила! Последовал пространный рассказ, часа на два. И про первую жену, которая (у, подлюга!) пока Фёдор зарабатывал деньги, сошлась с соседом, и ушла к нему с сыном. Про жену № 2, которая детей не рожала, а всё занималась великой наукой биохимией, и с ней-то и уехала в Америку. После чего Фёдор ещё три года жил с тёщей и с собаками отъехавшей жены. Про стареньких родителей, квартиру которых на престижном Ленинском проспекте он продал, а их отправил жить в маленький немецкий городок, прельстившись европейской медициной и чистым воздухом. Ну, и самую интересную историю про третью — очень молоденькую и хорошенькую жену, с которой он познакомился, выруливая как-то на шикарном джипе (этакий ловец хорошеньких девушек на красивую машину!). У них родилась дочь, и жили они счастливо. Пока…. Однажды, гуляя по интернету, его жена наткнулась на сайт знакомств. Где и познакомилась с турком. С которым потом и сбежала, увезя с собою дочь. И вот теперь он судится с бывшей женой за дочь, которая, попав в Турцию, тут же оказалась турчанкой, родившейся в Стамбуле. Разрешено встречаться ему с дочерью один раз в месяц в течение часа в присутствии адвоката и судебных приставов.

Титаническим усилием мне удалось свернуть его с повествования о своей несчастной жизни, полной подлых женщин, которые не сумели оценить его тонкую душевную организацию.

В следующий раз Фёдор позвонил недели через две. Сходу назвав меня «роковой женщиной», стал рассказывать, что из-за меня попал в криминальную историю. Подъехав к автомобильной стоянке возле своего дома, он увидел каких-то бомжей, загораживающих проезд. Вышел из машины и попросил их отойти в сторону. Ввиду большого подпития, маргиналы в грубой форме отказались. Тогда Фёдор не придумал ничего лучшего, чем выхватить

газовый пистолет и выстрелить в одного из них. И попасть. Прямо в лоб. К счастью, бомж оказался живучим. Потом — милиция, суд…. Компенсировав ущерб пострадавшей стороне, Фёдору удалось закрыть дело. Помог ему в этом деле (в том числе, и материально) отец его нынешней подружки — милиционер….«При чём здесь я?» — спросила я Фёдора. «Ну, я так же увидел тебя! А ты спешила к другому! И у тебя так горели глаза!»

Страшно испугавшись такой эмоциональной агрессивности, исходящей от моего приятеля, я некоторое время не отвечала на его звонки.

И тут случилась очередная встреча однокурсников. Я решила, что неплохо бы и Фёдору позвонить. Как вдруг… Он сам материализовался со словами: «Я вот тут ехал мимо…. И, вообще, давно тебе цветов не дарил». Надо сказать, что цветов он мне не дарил Н-И-К-О-Г-Д-А! Опять начались рассказы про жизнь, полную трудностей и неприятностей. Фёдор жаловался, что его барышня обед не готовит, дома не прибирается. И, вообще, спать предпочитает в соседней комнате. Когда я неосторожно спросила, почему же они вместе, он задумался. Даже замолчал на минутку. И так, в глубочайшей задумчивости, отбыл.

Через день раздался звонок от Фёдора: «Она ушла!» Когда я поинтересовалась, что же подвигло на столь решительный шаг (жили они вместе уже не первый год), Фёдор ответил, что я опять круто изменила его жизнь. Изумленно подняв брови куда-то в район лба, я спросила: «Как так?» «Ты задала мне вопрос — почему же мы вместе — детей не рожаем, почти не разговариваем, живем каждый своей жизнью, вот я и задумался…. А дома спросил у своей подружки, что ей во мне нравится и по какой причине мы вместе. Она не нашла, что ответить, страшно обиделась, собрала вещички и съехала в неизвестном направлении. Вот видишь, какую роль играешь ты в моей жизни!»

Надо сказать, что в его жизни я не хотела играть никакой роли — ни главной, ни даже самой маленькой. Мне всегда хватало ролей. Иногда их даже бывало слишком много. Я любила роль дочери, жены, матери, подруги. А навязываемые роли спасительницы человечества «от-всего-на-свете» мне никогда не нравились.

Теперь он часто звонит мне, когда проезжает мимо моего дома или имеет какие-то хозяйственные вопросы. А иногда просто, когда не с кем поговорить.

А ещё у него глаза разного цвета… Один голубой, другой зелёный.

Натюрморт

Первым на её персональной выставке купили натюрморт с яблоками.

«Почему Вы выбрали именно его?» — спросила Люба у покупателя. «Потому что он изнутри светится!».

«Интересно… Я никогда не думала, что эта работа кому-нибудь, кроме меня самой, понравится. На выставку-то натюрморт взяла в последнюю минуту. Как будто что-то заставило меня», — думала Люба, вспоминая свой нелепый несостоявшийся роман с продавцом яблок, с «яблочным романтиком», как она про себя его называла.

Она всегда любила яблоки. В детстве мама обязательно давала Любочке яблоко «на ночь». Иногда она засыпала, держа яблоко в руке….

Однажды в сентябре Люба покупала яблоки на рынке. Пришла пора антоновки, и у одного продавца она была особенно красивая. Как оказалось, эти яблоки были не только красивыми, но и удивительно сочными и вкусными. Поэтому в следующий раз она опять приехала к тому же продавцу. Он, видимо, тоже заприметил её, потому что стал выбирать каждое яблоко и заботливо укладывать в корзину.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Любовь. А Вас?

— Андрей. Поехали со мной в Лебедянь?

— Вы же наверняка женаты.

— Да, конечно. Но ничего, как-нибудь устроимся.

И хотя предложение незадачливого ухажера показалось Любе смешным, её несомненно тронула его искренность.

Однажды Люба заехала за яблоками по дороге на какое-то торжественное мероприятие, «дыша духами и туманами», в красных кораллах. Андрей внимательно посмотрел на неё, отступил на шаг назад, поцокал языком и сказал: «А-а! Так ты -дорогая!» Откуда-то вдруг зазвучала музыка, Андрей подхватил Любашу, и они закружились в танце, вызывая улыбки на лицах прохожих.

«Интересный человек, этот Андрей», — думала Люба. «Кажется, что должен быть очень расчетливым, неэмоциональным. А он замечает людей, с которыми разговаривает, пока выбирает и взвешивает свои яблоки; кокетничает с хорошенькими девушками; с явным почтением общается со старшими».

Андрей явно симпатизировал Любочке. Искал встреч. Любу это только забавляло. Говорить, в общем-то, им было не о чем.

Люба была начинающим художником. Начинающей она была вот уже несколько лет. Как и обещающей. Пока же начинания и обещания так и не воплотились во что-то запоминающееся. Её работы нравились друзьям и даже висели у многих дома. Хвалил её и пожилой профессор живописи, у которого она брала уроки. Правда, Любочка так до конца не могла решить, что же больше нравилось учителю — её работы или её молодость. Ведь была она прехорошенькая — высокая, статная, с задорными карими глазами. Несмотря на её живость и жизнелюбие, почему-то лучше всего Любе удавались натюрморты. Получались они яркими, сочными; так и хотелось протянуть руку, взять что-нибудь с картины и съесть. Поэтому яблоки из Лебедяни являли собой не только вкусный десерт, но и стали появляться на Любочкиных картинах. Были они наливные, с внутренним свечением. «Вот что значит, хороший человек сажает деревья, ухаживает за ними, собирает и привозит яблоки», — думала Люба, закрепляя очередной холст на мольберте и собирая на палитре красные, желтые и охристые краски. «Не надо обижать его. Наверное, стоит подарить ему эту картину». И она с воодушевлением, напевая что-то, принялась за работу. Результат удивил и порадовал её. Ещё никогда фрукты на её картинах не были такими совершенными и яркими…. Почти Сарьян!

Когда Люба, предвкушая радость от своего подарка, приехала на рынок, Андрея там не оказалось…. Как и не оказалось в следующую субботу и в следующую после следующей. На память о нём остался натюрморт, который нравился Любе больше всех остальных.

Алексей Трофимов

ТОРГОВАТЬ ВРЕМЕНЕМ

С глотка дрянного растворимого кофе начинается новый день. Конечно, этому предшествуют полусонные сборы, прогулка до станции и потная толкучка электрички, но, только выпив полкружки, ты начинаешь ощущать сердечный ритм, тогда приходит черёд новостей, пошлых шуток и размышлений о жизни. Клиентов не будет ещё долго, времени у нас в избытке. Мы торгуем этим самым временем, как никто, прочувствовав, что время -это деньги. В наши дни всё превратилось в товар, и даже минутам можно назначить конкретную цену, ничего сложного.

Любой зашедший в контору теряет счёт минутам: здесь нет окон или часов, даже сотрудники остаются на местах от рассвета до рассвета. Им некуда спешить, каждый попал сюда случайно. Судьба, ухмыляясь, собрала у нас очень разных людей, потерянных для этого мира. Они будут улыбаться, жать руку и всячески делать вид, но в сердце каждого проглядывается пустота, несвойственная окружающим. Не скажу, что продавцы времени многое пережили, но мне думается, это закономерный этап их жизненной судьбы.

Первым вы увидите, конечно же, Администратора. Он будет ждать вас у входа, на продуваемой извечным сквозняком кассе. Это высокий и тощий юноша в очках, сонный и небритый, весьма интеллигентного вида. Таких ребят порой принимают за студентов Бауманки. Наш Администратор и впрямь окончил технический вуз. Правда, послабее. Не прельстившись пожизненной работой на заводе, он устроился в контору, где занял маленькое и уютное место за экраном монитора. Какая-то сила выгоняет его из тесной съёмной квартиры во Фрязино. Скорее всего, это голод.

Да, я прекрасно помню Администратора, за полночь сидящего на своём месте, завернувшегося в шерстяной плед, заедавшего пресными сушками “кружку супа”. Тогда он что-то твердил про вьетнамские флешбеки. И, хотя мы с ним ни на какой войне, ясное дело, не были, из его уст это казалось убедительным. Потом я узнал, что Администратор любит стихи, читает всех модных авторов, сам пробовал писать, но смог вовремя остановиться. Тогда он ещё был влюблён в девушку из другого города, даже привозил мне оттуда безделушки и пряники.

Ещё там был Бармен, не очень похожий на барменов, которых нам показывают в американских фильмах. Я так и не узнал, как того по-настоящему зовут, его окликали по прозвищу, подаренному ролевой тусовкой. Краем уха слышал, что фамилия нашего Бармена иностранная, то ли немецкая, то ли напоминающая немецкую. Английский он знал не хуже, чем русский, даже учился как-то за границей, на что-то связанное с дизайном. Однако работает он барменом, и это мне кажется его призванием. Как-то за кофе он, поглаживая бороду, обмолвился о кофейне в Петербурге, которую непременно откроет.

Наш Бармен варит отличный кофе. Бывало, в три часа ночи он шаманил над вырытой откуда-то туркой, бормоча себе под нос такие выражения, от которых у любого приличного человека завяли бы уши. Иногда он беседует с вещами, и вообще позволяет себе эксцентричное поведение. Бармену хватает силы выглядеть глупо. Мало кто знает, что изнутри Бармена гложет зыбучая пустота, и что в свои двадцать с небольшим он успел развестись, что ему, в общем-то, негде жить, да и не на что. Только наш Бармен выглядит весёлым, он даже не пьёт, даже не знаю, почему.

Конечно, в конторе нашлось место и Директору. На моей памяти наш Директор ни разу не покинул контору, он всегда был там, и пока он был, была и контора. Низкий, пронзительно худой, он не производит начальственного впечатления, некоторые даже не стыдились материться в его присутствие. Он и сам матерился, но его ругательства часто оказывались яркими и остроумными, такие мгновенно расходятся по интернету. Директор умён и начитан, он пишет стихи и электронную музыку, его понимание звука вообще кажется чем-то особенным и необычайным.

Не удивительно, что именно Директор решил торговать временем. Он не был первым, кто высказал подобную идею, однако в его руках эта идея приобрела такой блеск, что люди стекались в контору отовсюду. Мне не нравились приходящие, они нарушали тихую и размеренную атмосферу конторы, но было бы глупо отрицать, что только приходящим к Директору местечко обязано своим существованием. Директор тащил всё на себе, и никто даже не задавался вопросом, уходит ли тот когда-то домой. Куда чаще он уходил в онлайн, погружаясь в глубины компьютерной игры, это отвлекает от всего.

А иногда в контору заглядывал Мастер. Он приходил неожиданно, и все были рады его присутствию, ведь в сумке он нёс чуждые и загадочные миры. На деле они окажутся парой книг, горстью игральных костей и какими-то заметками, но тихая речь Мастера и потрясающая сила его воображения позволяли собравшимся вокруг него путешествовать по другим временам и

странам. В чём-то наш Мастер напоминает мне странствующих менестрелей, собиравших по деревням старинные песни и сказки. Слишком мало я знаю Мастера, но ясно одно: он был таким же нищим и безумным.

Такая вот конторка в центре Москвы продавала людям время. Администратор предлагал погрузиться в интернет, Бармен мог напоить алкоголем, развлечения Мастера казались куда более утончёнными, но цель их от этого не менялось. Время мялось, изнашивалось, потерянные люди тщетно пытались найти себя. Всё больше Администратор тосковал, сидя за ноутбуком и глотая чай, а Бармен с каждым днём начинал больше материться. Таинственный Мастер и вовсе перестал захаживать, предпочитая светлые выдуманные миры. Когда ушёл Директор, контору поглотили жернова времени, как и всё бывшее до неё.

Маша Ши

Лето

* * *

Я на носу. С драной шлюпкой и парой вёсел.
Стелется степь.
Шелестящая степь из волн.
Это стихия. Внимай. Ты бывал в Форосе?
Станем на якорь. Бутылки не ставь на стол.
К небу ночному прилипло, как плечи к майке,
Тело горы.
Огоньками Форос порос.
С яхты я слышу, как кто-то идёт по гальке,
И за вопросом к морю идёт вопрос.

Здесь, у стихии ночуя, не вспомнишь слова,
Чтобы сказать, что исчез горизонт.
Куда?
Может, он спрятан матросом среди верёвок?
Стелется степь из волн.
Шелестит вода.

* * *

Я сегодня устал.
Я сегодня скис.
Я хочу усесться
На старый пирс.
На покоцанный пирс,
Где песчинок лес,
О бетон стираясь
Рождает треск.
Пусть меня с потрохами

Да с головой
Накрывает море
Своей волной.

Посижу, помечтаю,
Глаза закрыв.
И пойду тонуть
В море глупых рифм.

* * *

Кто-то солнца пакет уронил,
И оно разлилось по траве,
И трава превратилась в витраж.
Я сижу, улыбаюсь. Мир мил.
Я срываю траву. С нею свет.
И лучи выжимаю в багаж.

* * *

Странный сегодня день.
Как на рисунках дальтоников
Рыжий асфальт, фиолетовая сосна.
Хочешь — не хочешь — лень
Смахивать свет с подоконников
Вечеру будет.
Твой дом уже осознал.
Всё осознал твой дом
И не скрывает от лета он
Комнат своих за массивной стеной стекла.
Чай во дворе вдвоем
С тенью сосны фиолетовой
Пьёшь, позабыв нескончаемые дела.

* * *

Море синих стен.
Тих и стар подъезд.
Спят коты.

Лижут шерсть коты.
И кого-то кто-то зачем-то ест.
Просто всё.
И слова просты.
Из подъезда жидкий
Я
От жары
Вытек улице точно в пасть.
Стоит жить, пока
Существует Крым.
И растечься
И в море впасть

Маша Ши

ЧТО-ТО

Ночь с 14 на 15 ноября. Я лежу и думаю о том, как у меня звенит в ушах. Причину этого звона нетрудно найти. Сегодня выходной, а сосед за стеной весь день сверлил. Хорошо, что хоть к вечеру успокоился. Причём весь день в одном и том же месте сверлил, как будто нарочно. Словно бы ему ход в мою комнату проделать нужно. Ничего, казалось бы, необычного — ну, ремонт человек делает, но гром такой, что даже страшно. Поневоле вспоминаешь об адских муках и начинаешь рисовать в уме картины с разнообразно мучающимися грешниками... Хотя, кажется, такие картины уже кто-то нарисовал. И ещё, кажется, этот кто-то был не один.

Так почему же у меня звенит в ушах? Ах, да. Сосед весь день сверлил. А ещё за окном стройка, которая идёт столько, сколько я себя помню. Нет, это я преувеличил. Стройка идёт столько, сколько я здесь живу — N-дцать лет. За N-дцать лет всякое может случиться — может отгреметь война, смениться власть… В более мелких масштабах можно отучиться в университете, найти работу, жениться, обзавестись детьми, побывать на Гавайях, развестись, опять жениться... Но за все эти N-дцать лет у вечно строящегося дома появилась только пара новых этажей. А ещё у меня умерла кошка. От старости.

Если б я знал, когда именно умрёт моя кошка, я бы, как в фильме, погрузил её в морозильную камеру на пару десятков лет, чтобы она разморозилась перед тем, как я умру, а после уже умерла вместе со мной. Но беда в том, что я не знаю, когда умру сам. Эх, устал я от этого всего. Надо бы переехать из этого города, из этого старого дома куда-нибудь. Например, на Гавайи… А что? Жил бы себе дикарём, «жрал ананасы», как в одной песенке. И горя б не знал! Ни тебе работы, ни машин…

Кто-то когда-то учил меня, что такого рода внутренний монолог надо обязательно прерывать. И тогда можно погрузиться в недра себя и познать себя. А потом чего-то и чего-то достичь. Я мог что-то перепутать, но попробую. А заодно проверю, звенит ли ещё в ушах?.. Звенит! Надо, же, звонче звонкого! А почему, собственно, звенит? Да потому что хоть ты кран в кухне триста раз закрой — разницы не будет. Всё равно там непрерывно капает. Причём внушительными такими каплями по металлической поверхности раковины. Если сосредоточиться на том, как падают капли, можно услышать,

как от большой капли после падения отделяется ещё сотня маленьких. И эту сотню падений тоже можно услышать, если очень захотеть. Это похоже на прыжок с пирса в море — тело погружается в воду и от этого появляется много-много брызг. И слышно, как они бьются об воду, об пирс и об хлопающих в ладоши зрителей. Шлёп-шлёп-шлёп... Топ-хлоп…

Топ-хлоп! Этот топ-хлоп не прекращается у соседнего подъезда уже часа два. На лавочках расселась пьяная весёлая компания. Ночь с пятницы на субботу, видимо, означает, что никого из жителей дома нет — все где-нибудь «тусуются». А раз никого нет, можно и пошуметь у подъезда. Мамочки родные… Они ещё и музыку с собой притащили. Два часа слушают уже, ей-богу! Не слышу, что за музыка, но слышу внушительные басы, как-то криво и неладно друг за другом идущие. И как будто это не много разных песен, а одна непрерывная. Давно пора бы мне, в общем, заменить старые деревянные оконные рамы пластиковыми. А то щели такие… Любой мышиный писк из подвала просочится. И ещё, кажется, мои окна невыгодно выделяются среди остальных на панели дома. Все уже поставили себе этот пресловутый «пластик».

Надо бы затеять переезд, вот что я думаю. Вся эта какофония и эта старая квартира мне порядком надоели. Пора что-то менять в своей жизни. К примеру, выкинуть хотя бы один из четырёх диванов, стоящих в моей квартире. Хоть они все и достались мне от предков, память которых нужно чтить, но сплю я всё равно только на одном диване.

Странный такой этот звон в ушах… Он похож на гудение старого компьютера, кончина которого наступит совсем скоро. Такого, в виде большого ящика. А экран у него похож на шлем космонавта. У меня этот «ящик» за стеной стоит. Кстати, а выключил я его? Может, это он звенит, а вовсе не что-то в моих ушах? Ах, да! Я выключил его ещё вчера, когда закончил работу над очередными письменами. Я так много пишу! Так много! «Дела об оспаривании актов федеральных органов исполнительной власти в сфере патентных прав и прав на селекционные достижения, права на топологии интегральных микросхем, права на секреты производства…» Эти письмена совсем не похожи на литературу. Если начать в них вчитываться, можно превратиться в… Можно превратиться…

А ещё звон в ушах похож на шум большой дороги. У меня такая дорога шумит рядом. Большая, как раз, многополосная. Машины носятся быстро-быстро, как будто участвуют в гонках. Причём носятся круглосуточно. И сейчас тоже. Может, кстати, звенит дорога, а не что-то там в ушах?..

Дурацкие уши! Да зачем вы нужны? Неужели человеку не может хватить только глаз? Или, скажем, только носа?

Нет, решено, пора переезжать. Нужно сейчас же встать, пройтись по комнате и тщательно обдумать переезд: куда я поеду, что я с собой увезу в чемодане…

Мысль о переезде так захватила меня, что я после неподвижного многочасового лежания вскочил и уселся на диване. Уселся, скинул с себя плед, а потом встал и прошёлся по комнате. Да-да! Точно! Нужно переезжать! Уж сколько об этом думаю! Надоело всё.

Так, я дошёл до другого дивана, плюхнулся на него и заснул без задних ног.

15 ноября. Утро.

Странный такой этот звон в ушах… Как будто шумит двигатель у очень большой машины. Судя по всему, эта машина не молода и у неё где-то заржавело . А ещё рядом как будто бурят землю. Кажется, даже мой дом трясётся. Что происходит, ничего не пойму… Ах да! Заработала стройка…

Григорий Эпштейн

* * *

Салют. Виват. Да здравствуют стихи,
Что по ночам ко мне ещё приходят.
Они чисты прозрачны и легки,
Но мной они, как маршал, верховодят.
Я — вольнодум. Но если уж идут,
Я, как солдат, им строго подчиняюсь,
И не кляну свой еженощный труд,
И усложняюсь в них, и утончаюсь.
Вожу пером, и руку стих ведёт,
И никогда не знаю, что в финале.
Но я взлетел, и вольный мой полёт —
Болезнь моя. И вылечат едва ли.

* * *

Я не дам тебе спать.
Я звонить тебе буду ночами,
Чтобы напоминать,
Как любили мы в самом начале,
Как писал по ночам,
Свои глупые-глупые строки,
Верил сладким речам,
Что текли, как речные потоки
Прямо в уши мои
И в моё ослабевшее сердце,
И от этой любви
Никуда нам, по сути, не деться.

* * *

Опять стихи. Опять кромешный ад.
Опять ночами не дают покоя.

Но мне всё это радостно, не скрою.
Я почему-то этой муке рад.
Но почему? Вот в этом весь вопрос.
И я не знаю на него ответа.
Уже давно в стихи корнями врос,
Что, может быть, тревожная примета.
И, может быть, есть повод у врачей
Меня лечить от этой сладкой хвори.
Но смысла нет в их строгом приговоре.
Не вылечить струящийся ручей,
Осенний дождь или январский снег,
Июльскую траву и месяц в небе,
В стихах потребность, как в насущном хлебе,
И бег оленя, и гепарда бег…

* * *

Меняется картинка за окном
и запахи меняются. Желтеют
и высыхают листья. Я жалею
о лете душноватом, городском,
когда трава зелёная была,
цветочки разноцветные на клумбе,
зубная паста иссякала в тубе,
но в нас тогда любовь ещё жила.
Вдруг миром овладела желтизна,
дожди прямые с пузырьками в лужах…
И вот уже тебе поэт не нужен,
и ты ему не очень-то нужна.
Всё изменилось. Желтизна плывёт
и вечер за окном темнеет рано.
Но заживёт болезненная рана,
и солнце тучи всё-таки прорвёт.

Литературно-художественное издание

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК»
№ 10, 2017

альманах

Координатор *Д. Б. Гвилава*
Главный редактор *Н. В. Днепровская*
Редакционная коллегия:
Ж. И. Голубицкая, Л. Л. Адлина, В. З. Черняк,
М. М. Стародуб, Т. В. Шипошина

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов

Подписано в печать 21.04.17. Формат 60x90 1/16
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Печ. л. 10,75.
Тираж 300 экз.